

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

16+

33 2026
ЧАСТЬ II

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 33 (636) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен Адам Смит (1723–1790), шотландский экономист и философ.

Адам Смит родился в Келкорди (Шотландия). Из-за несохранившихся данных его точная дата рождения неизвестна, однако имеется информация, что крестили его 5 июня. Отец мальчика, Адам Смит-старший, был адвокатом и таможенным служащим, он умер незадолго до рождения сына из-за тяжелой болезни.

В 1731 году Адам пошел в местную школу, которая считалась одной из самых лучших в Шотландии. Когда Смицу исполнилось 14 лет, его мать приняла решение переехать в Глазго. Адам начал учиться в местном университете, где впоследствии выбрал класс нравственной философии и параллельно осваивал древнегреческий и французский языки, изучал труды Гуго Гроция о естественном праве, а также Фрэнсиса Бэкона и Джона Локка как основоположников эмпиризма.

Смит отличался от остальных студентов по успеваемости и считался одним из лучших. В 1740 году он окончил университет с ученой степенью магистра искусств, а также ежегодной стипендией в размере 40 английских фунтов на обучение в Бейлиол-колледже в Оксфорде. Там Адаму не понравилось — он считал, что английской системе образования не хватает разнообразия. Студенты лишь дважды в день ходили на молитву и дважды в неделю — на сами занятия. Стоит отметить, что все преподаватели были священнослужителями английской церкви, обучение которых основывалось на устаревших доктринах.

В такой токсичной обстановке Адам прожил шесть лет. Из-за нехватки денег он ни разу не ездил домой. Маленькая комната Адама Смита в Оксфорде была аскетична. Минимум мебели, но множество книг. Зимой в помещении всегда было холодно, в связи с чем юноша часто болел. Кроме того, в письмах к матери он сообщал о сильных болезнях десен и о частых головокружениях, вероятно, из-за ослабленного иммунитета.

Во время Якобитского восстания в 1745 году местные якобиты буквально затравили Смита, кому-то из них даже удалось пробраться в его келью, чтобы оставить записку с проклятиями. В частности, Адам подвергался нападкам из-за того, что является шотландцем. На этом его терпение кончилось — Смит покинул Бейлиол-колледж и вернулся в родной Керколди.

Дома Смит пробыл два года и все это время продолжал самообучение. Он мог позволить себе не работать, так как все еще получал стипендию Снелла и небольшой доход от наследства своего отца. Уже тогда Смит по праву мог считаться одним из самых образованных молодых людей.

Молодой человек не хотел возвращаться в Оксфорд или становиться священником и долгое время не знал, чем хочет заниматься. Предпринимал даже попытки стать домашним учителем в семье аристократов, но его хватило лишь на не-

сколько лет. В 1748 году Адам начал читать лекции в Эдинбургском университете. Смит стал прекрасным педагогом, его лекции пользовались спросом даже у светских дам. В этом же году он помог Уильяму Гамильтону из Бангура, который участвовал в восстании 1745 года, составить и отредактировать его сборник стихов.

Вскоре Смит перестал преподавать английскую литературу и перешел к юриспруденции, основам политического учения, экономике и социологии. Эти науки, по его мнению, были наиболее интересными и важными. При изучении материала по этим дисциплинам Адам все время размышлял, как же их можно применить на практике. В 1750 году родились его первые высказывания о хозяйственном либерализме. Знакомство Смита с психологом Дэвидом Юмом, который к тому же являлся скептиком, привело к совместным работам по религии, экономике и политике. Этому способствовало сходство мировоззрения Юма и Смита. Кстати, они оставались лучшими друзьями до конца жизни.

В конце 1750-х годов Смит стал деканом университета в Глазго, профессором логики и опубликовал «Теорию нравственных чувств», где провел анализ поведения представителей различных слоев общества. Появилась концепция морального равенства людей, которую Смит вывел на основе «принципа симпатии». При этом критиковалась религиозная этика, в основе которой был страх перед карой Господней. Благодаря этому труду Смит получил всеобщее признание и известность, а в университет стали стекаться студенты из различных стран, чтобы послушать его лекции.

Впервые ряд важных идей по экономике Адам Смит высказал в лекции, которую прочел в 1755 году в клубе политической экономии, который организовал лорд-провост Глазго Эндрю Кокрейн.

Некоторые труды Смита сохранились благодаря университетским записям его лекций, сделанным одним из студентов, — их впоследствии удалось найти экономисту Эдвину Кэннону. Они больше напоминали курс политической экономии и социологии с материалистическими идеями, чем курс нравственной философии.

В 1930-х годах был найден черновик нескольких глав книги под названием «Исследование о природе и причинах богатства народов», которую Смит писал в 1763 году. В набросках содержались идеи понятий «производительность» и «непроизводительность», мысли о значимости разделения труда, описывался принцип максимального невмешательства и его обоснование.

Адам Смит скончался в Эдинбурге после продолжительной болезни кишечника 17 июля 1790 года и был похоронен на кладбище Киркелди.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Акутин П. П., Багирян А. В., Сардарян А. С., Терещенко А. С., Горчакова О. А. Решение о комплексном развитии территории как акт публичного управления.....	95
Акутин П. П., Багирян А. В., Сардарян А. С., Терещенко А. С., Горчакова О. А. Изменение градостроительного режима земельного участка в ходе реализации строительного проекта	98
Акутин П. П., Багирян А. В., Сардарян А. С., Терещенко А. С., Горчакова О. А. Градостроительный план земельного участка в системе административных процедур	100
Акутин П. П., Багирян А. В., Сардарян А. С., Терещенко А. С., Горчакова О. А. Согласование архитектурно-градостроительного облика: пределы административного усмотрения	103
Аргат Н. П. Совершенствование прокурорского надзора за исполнением законодательства о профилактике наркомании среди несовершеннолетних.....	105
Бабушкин И. А. Применение статьи 134 ТК РФ: содержание обязанности работодателя и критерии её исполнения	109
Бабушкин И. А. Процессуальные последствия противоречия между позицией доверителя и действиями его представителя.....	112
Бабушкин И. А. Срок обращения в суд по требованиям об оплате труда: объективное начало и пределы учёта неосведомлённости работника	114
Бабушкин И. А. Внеконкурсное оспаривание сделок должника: пределы кредиторского вмешательства.....	117

Бабушкин И. А. О некоторых вопросах квалификации сделок в трудовых отношениях.....	120
Баграмян А. А. Субсидиарная ответственность в гражданском праве России	122
Габазова А. Р., Кузьмина А. А. Новый вектор защиты прав потребителей в России: критический анализ изменений, внесенных Федеральным законом № 500-ФЗ... ..	124
Гоцик А. М. К вопросу о теоретических пробелах в определении юридической ответственности.....	129
Ермошенко В. Н. Коррупция как системный фактор детерминации преступности в современной России: механизмы влияния и направления противодействия	130
Захарова А. Д. К вопросу об особенностях прекращения уголовного преследования с применением принудительных мер воспитательного воздействия или помещением несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение	132
Каденкова А. А. Проблемы правопреемства в вещных правах: универсальное и сингулярное правопреемство.....	135
Кампарова Э. Х. Компьютерная информация как объект исследования в уголовном судопроизводстве	138
Кампарова Э. Х. Тактические особенности допроса свидетеля и подозреваемого при использовании цифровых доказательств.....	141
Ляпунов И. А. Санация недействительного брака: проблемы правового регулирования	143

Малишава А. Е.

Актуальные проблемы и направления совершенствования законодательства о наследовании выморочного имущества 148

Малишава А. Е.

Сложности правоприменительной практики по делам о наследовании выморочного имущества..... 151

Мяттонен Е. В.

Договор строительного подряда: теория и практика 153

Петренко П. М.

Правовая природа аудио- и видеозаписей, полученных в ходе оперативно-розыскной деятельности в системе доказывания..... 155

Савельева К. Д.

Возвращение смертной казни: необходимость или шаг назад? Взгляд на проблему 156

Сацкевич Н. А.

Понятие и сущность информации в сети Интернет как объекта государственно-правового регулирования 160

Серяков С. Д.

Допрос как самое распространенное следственное действие 162

Серяков С. Д.

Очная ставка как самостоятельное следственное действие в уголовном процессе..... 166

Солдатова Е. В.

Корпоративные права участников ООО и АО... 168

Унуболд Э.

Принятие решений в правоохранительной деятельности на основе соблюдения прав человека в контексте законодательства Монголии 170

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Решение о комплексном развитии территории как акт публичного управления

Акутин Павел Павлович, юрисконсульт
Департамент градостроительной политики города Москвы

Багирян Александр Владленович, студент;
Сардарян Анастасия Сениковна, студент;
Терещенко Арсен Суренович, студент;
Горчакова Ольга Александровна, студент

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

В статье анализируется правовая природа решения о комплексном развитии территории и его влияние на правообладателей недвижимости. Разграничены публичные модели КРТ и комплексное развитие по инициативе правообладателей, исследованы обязательное содержание решения, его связь с документацией по планировке территории и признаки нормативности. Показано, какие последствия возникают непосредственно после принятия решения, а какие требуют последующих административных актов и договора.

Ключевые слова: комплексное развитие территории, КРТ, решение о КРТ, акт публичного управления, градостроительная документация, документация по планировке территории, правообладатели, нормативные свойства.

Введение

Решение о комплексном развитии территории (далее — КРТ) трудно отнести только к организационным актам или только к градостроительным нормативам. Оно определяет границы преобразуемой территории, виды разрешенного использования, параметры будущей застройки и объекты, подлежащие сносу либо реконструкции. Вместе с тем реализация решения требует документации по планировке территории (далее — ДПТ), изменения ПЗЗ, заключения договора и, в предусмотренных законом случаях, отдельных решений об изъятии недвижимости.

Такое сочетание создает две противоположные ошибки. Первая состоит в представлении решения как внутреннего поручения органам власти, не затрагивающего правообладателей до заключения договора. Вторая — в утверждении, что публикация решения немедленно прекращает или ограничивает все права на включенную недвижимость. Для точной квалификации необходимо разделить непосредственные последствия акта и последующие элементы юридического состава КРТ.

Цель статьи — определить место решения о КРТ в системе публичного управления и критерии его судебного оспаривания. Исследование основано на главе 10 ГрК РФ, постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 50, определениях Верховного Суда РФ № 5-КАД24–48-К2 и № 307-ЭС23–1848, а также современной юридической литературе.

1. Различные модели комплексного развития

Статья 65 ГрК РФ выделяет КРТ жилой застройки, нежилой застройки, незастроенной территории и КРТ по инициативе правообладателей [1]. Первые три модели возникают по публичной инициативе и могут реализовываться публичным образованием, определенным юридическим лицом, оператором КРТ либо победителем торгов. Для них решение по статье 67 ГрК РФ является исходным актом, определяющим территорию и основные условия проекта.

Современная конструкция главы 10 ГрК РФ сформирована Федеральным законом от 30.12.2020 № 494-ФЗ, который объединил ранее разрозненные механизмы преобразования застроенных и незастроенных территорий [2]. Поэтому толкование действующих моделей КРТ требует опоры на их нынешнее разграничение, а не на терминологию прежних институтов.

Комплексное развитие по инициативе правообладателей построено иначе. Согласно статье 70 ГрК РФ отдельное решение о КРТ не принимается: уполномоченный орган заключает договор с правообладателями, а сведения, которые в публичной модели содержались бы в решении, включаются в договор [1]. Поэтому последовательность «решение — торги — договор» нельзя использовать как общее описание всего института.

Различаются и возможные последствия для недвижимости. Часть 7 статьи 65 ГрК РФ связывает изъятие зе-

мельных участков и расположенных на них объектов с КРТ жилой и нежилой застройки [1]. Само нахождение участка в любой территории КРТ не прекращает право собственности, не запрещает отчуждение и не заменяет отдельное решение об изъятии. Оно, однако, может изменить допустимость некоторых градостроительных и земельных действий, поскольку дальнейшее развитие территории должно соответствовать выбранной модели КРТ.

2. Содержание решения и его место в последовательности КРТ

Обязательные элементы решения перечислены в статье 67 ГрК РФ. В нем указываются местоположение, площадь и границы территории, перечень объектов, в том числе подлежащих сносу или реконструкции, предельный срок реализации, основные виды разрешенного использования и параметры строительства, инфраструктурные показатели, сведения об объектах культурного наследия и имеющейся ДПТ [1]. Если проект реализует оператор КРТ, решение дополнительно определяет его обязанности по строительству, реконструкции и благоустройству.

С 03.04.2026 действует уточнение, внесенное Федеральным законом от 23.03.2026 № 72-ФЗ. Когда решение принимается в отношении территории, которая на дату его принятия не была определена в ПЗЗ как территория КРТ, в решение должны включаться расчетные показатели обеспеченности объектами коммунальной, транспортной и социальной инфраструктуры и их территориальной доступности в соответствии с региональными и местными нормативами градостроительного проектирования [3]. Поправка усиливает содержательную связь решения с инфраструктурными возможностями территории.

Статья 67 не называет отдельный срок подготовки ДПТ обязательным элементом каждого федерального решения. Такой срок может быть установлен региональным порядком или самим актом в пределах компетенции. В определении от 25.09.2024 № 5-КАД24-48-К2 Верховный Суд РФ рассматривал постановление Правительства Москвы, где двенадцатимесячный срок вытекал из московского регулирования [5]. Переносить его на все решения о КРТ без проверки применимого акта нельзя.

Решение способно предусматривать виды использования и параметры, не совпадающие с действующими ПЗЗ. Это не означает немедленной отмены градостроительного регламента. Часть 3.4 статьи 33 ГрК РФ устанавливает последующую обязанность привести ПЗЗ в соответствие не позднее девяноста дней со дня утверждения проекта планировки территории [1]. Решение задает направление преобразования, а ДПТ и изменение ПЗЗ переводят его параметры в систему градостроительного регулирования.

3. Воздействие решения на правообладателей

Непосредственный эффект решения состоит в юридической фиксации территории, состава объектов и модели

преобразования. После этого отдельные действия, противоречащие КРТ, могут стать недопустимыми. В определении от 15.08.2023 № 307-ЭС23-1848 по делу № А56-103770/2021 Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ признала, что публичный участок в границах предусмотренной ПЗЗ территории КРТ не может быть предоставлен для самостоятельного проекта, не связанного с механизмом КРТ и утвержденной ДПТ [6].

Позиция включена в пункт 13 Обзора судебной практики, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 19.11.2025 [7]. Ее пределы имеют принципиальное значение. Спор относился к распоряжению публичной землей и к территории, для которой КРТ было предусмотрено надлежащими градостроительными документами. Из определения нельзя вывести общий запрет на сделки с частной недвижимостью либо автоматическое прекращение ранее возникших прав.

Для каждого ограничения требуется самостоятельное нормативное основание. Возможность изъятия, запрет предоставить публичный участок, обязанность подготовить ДПТ и изменение ПЗЗ возникают из разных норм и на разных стадиях. Решение о КРТ связывает эти действия общей целью, но не заменяет предусмотренные законом процедуры и гарантии.

Правообладатель, оспаривающий решение, должен называть конкретное последствие: включение объекта в перечень подлежащих сносу, несоответствие территории критериям выбранного вида КРТ, отсутствие обязательных сведений, нарушение процедуры опубликования либо создание препятствия для определенного земельного действия. Абстрактное указание на ухудшение инвестиционной привлекательности участка не раскрывает предмет судебной проверки.

4. Нормативные свойства решения о КРТ

Особую сложность представляет выбор процессуальной формы оспаривания. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 50 связывает нормативный характер акта с наличием обязательных правил поведения, рассчитанных на неоднократное применение и адресованных неопределенному кругу лиц [4]. Территориальная определенность акта сама по себе нормативность не исключает: внутри установленных границ правила могут распространяться на настоящих и будущих правообладателей.

В деле № 5-КАД24-48-К2 оспаривалось постановление Правительства Москвы о КРТ нежилой застройки площадью 15,07 гектара. Акт определял виды разрешенного использования, параметры строительства, перечень объектов, сроки и возможность сноса, ограничения либо изъятия недвижимости. Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ не согласилась с квалификацией постановления как исключительно организационно-распорядительного и направила вопрос на рассмотрение по правилам нормоконтроля [5].

Из этого определения не следует автоматическая нормативность любого решения о КРТ. Квалификация зависит от содержания: устанавливает ли акт общие обязательные правила, как определен круг адресатов и предполагается ли неоднократное применение. Решение, исчерпывающееся единичным организационным поручением и не формирующее режима для правообладателей, может иметь иную природу.

В юридической литературе единства также нет. А. К. Гончаров обращает внимание на трудность применения классических признаков нормативного акта к решению, связанному с конкретной территорией [8]. Ю. Э. Киль и Е. А. Потапов рассматривают решение как особый вид градостроительной документации, поскольку оно способно задавать отличные от ПЗЗ параметры развития [9]. Практика Верховного Суда переводит эту дискуссию в прикладную плоскость: суд должен исследовать реальное регулирующее содержание, а не только название документа.

5. Критерии проверки законности

Законность решения о КРТ проверяется последовательно. Суд устанавливает компетенцию органа, соответствие территории критериям выбранного вида КРТ, полноту сведений статьи 67 ГрК РФ, соблюдение опубликования и специальных процедур, наличие инфраструктурного обоснования, а также связь решения с последующей ДПТ. Отдельно проверяется, не описана ли

договорная модель по инициативе правообладателей как публичное КРТ с обязательными торгами.

Если решение включает объект в перечень подлежащих сносу или создает предпосылки изъятия, требуется установить соблюдение специальных критериев и гарантий. Если спор касается только отказа предоставить публичный участок для стороннего проекта, предмет проверки уже. В обоих случаях ссылка на общую цель развития города не заменяет доказательств, предусмотренных конкретной нормой.

Заключение

Решение о КРТ является самостоятельным актом публичного управления, соединяющим градостроительное регулирование и организацию инвестиционного проекта. Оно непосредственно фиксирует территорию, состав объектов и параметры преобразования, но большинство имущественных последствий реализуется через последующие акты: ДПТ, изменение ПЗЗ, договор и решение об изъятии.

Юридическая оценка должна начинаться с определения модели КРТ и конкретного последствия для правообладателя. Нормативные свойства устанавливаются по содержанию решения, кругу адресатов и характеру обязательных правил. Такой подход позволяет избежать как недооценки акта в качестве внутреннего поручения, так и преувеличения его действия до немедленного прекращения всех прав на недвижимость.

Литература:

1. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 04.08.2026), глава 10, часть 3.4 статьи 33. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/ (дата обращения: 14.08.2026).
2. Федеральный закон от 30.12.2020 № 494-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях обеспечения комплексного развития территорий». URL: <https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012300039> (дата обращения: 14.08.2026).
3. Федеральный закон от 23.03.2026 № 72-ФЗ «О внесении изменения в статью 67 Градостроительного кодекса Российской Федерации». URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202603230018> (дата обращения: 14.08.2026).
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами». URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/27541/> (дата обращения: 14.08.2026).
5. Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 25.09.2024 № 5-КАД24-48-K2. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2408630 (дата обращения: 14.08.2026).
6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 15.08.2023 № 307-ЭС23-1848 по делу № А56-103770/2021. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407445933/> (дата обращения: 14.08.2026).
7. Обзор судебной практики по делам, связанным с предоставлением и использованием публичных земельных участков для целей строительства, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 19.11.2025, пункт 13. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/all/34901/> (дата обращения: 14.08.2026).
8. Гончаров А. К. К вопросу о правовой природе решений о комплексном развитии территории // Вестник экономики, управления и права. 2026. Т. 19. № 1. С. 28–33. DOI: 10.47475/3034-4247-2026-19-1-28-33.
9. Киль Ю. Э., Потапов Е. А. Решение о комплексном развитии территории и нормативы градостроительного проектирования // Уральский журнал правовых исследований. 2024. № 1. С. 30–38. DOI: 10.34076/2658_512X_2024_1_30.

Изменение градостроительного режима земельного участка в ходе реализации строительного проекта

Акутин Павел Павлович, юрисконсульт
Департамент градостроительной политики города Москвы

Багирян Александр Владленович, студент;
Сардарян Анастасия Сениковна, студент;
Терещенко Арсен Суменович, студент;
Горчакова Ольга Александровна, студент

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

В статье исследуется влияние последующего изменения правил землепользования и застройки на проект, подготовленный или начатый при прежнем регулировании. Сопоставлены правовые последствия получения градостроительного плана земельного участка, выдачи разрешения на строительство и фактического возведения объекта. На основе законодательства и практики Верховного Суда РФ обоснован вывод о том, что степень защиты застройщика зависит не от одной даты изменения правил, а от стадии реализации проекта и характера нового ограничения.

Ключевые слова: градостроительный регламент, правила землепользования и застройки, градостроительный план земельного участка, разрешение на строительство, вид разрешенного использования, объект незавершенного строительства, судебная практика.

Введение

Строительный проект проходит несколько юридически самостоятельных стадий. Правообладатель оформляет права на участок, получает градостроительный план земельного участка (далее — ГПЗУ), разрабатывает проектную документацию, проходит экспертизу, обращается за разрешением на строительство и только после этого приступает к работам. За это время правила землепользования и застройки могут быть изменены: вид разрешенного использования исключен, допустимая высота снижена, а территория отнесена к зоне, где новое строительство ограничено.

Подобная ситуация ставит вопрос о соотношении двух законных интересов. Муниципальное образование вправе корректировать градостроительную политику, однако правообладатель рассчитывает завершить проект, подготовленный с учетом ранее действовавших требований. Закон не разрешает это противоречие одной универсальной нормой. Последствия изменения регулирования зависят от того, успел ли застройщик лишь получить исходные данные либо уже создал объект на основании выданных разрешений.

Цель статьи состоит в определении юридических критериев, позволяющих разграничить применение новых требований к проекту на подготовительной стадии и защиту правомерно начатого строительства. Для этого сопоставлены статьи 36, 49, 51, 55 и 57.3 Градостроительного кодекса РФ (далее — ГрК РФ), статья 85 Земельного кодекса РФ (далее — ЗК РФ) и правовые позиции Верховного Суда РФ.

1. Сохранение ранее возникшего использования

Градостроительный регламент определяет правовой режим земельных участков и объектов капитального

строительства в пределах территориальной зоны. Изменение регламента поэтому затрагивает не только параметры будущего здания, но и экономическую ценность участка. Вместе с тем часть 8 статьи 36 ГрК РФ не требует автоматически прекращать использование участка или объекта, которое перестало соответствовать новому регламенту. Такое использование допускается без установления срока приведения в соответствие, если оно не создает угрозу жизни и здоровью людей, окружающей среде или объектам культурного наследия [1]. Сходная гарантия закреплена пунктом 4 статьи 85 ЗК РФ [2].

Эти нормы защищают уже существующее правомерное состояние, но не дают собственнику права бесконечно развивать объект по старым правилам. Реконструкция несоответствующего объекта допускается, когда она приводит его в соответствие с регламентом либо уменьшает степень несоответствия. Такое толкование подтверждено пунктом 24 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12.12.2023 № 44 [4]. Сохранение прежнего использования и создание нового объекта образуют разные юридические ситуации.

Исследователи градостроительного зонирования также связывают устойчивость правового режима не с формальным сохранением прежнего текста ПЗЗ, а с принципами правовой определенности, соразмерности и защиты уже сложившегося использования [8, с. 105–115]. Доктринальный подход поэтому согласуется с разграничением эксплуатации существующего объекта и получения права на новое строительство.

С 01.03.2026 регулирование видов разрешенного использования дополнено главой II.1 ЗК РФ. Федеральный закон от 31.07.2025 № 295-ФЗ одновременно сохранил действительность видов использования, установленных до вступления реформы в силу [3]. Новая модель систематизировала порядок установления ВРИ, но не устранила

основного разграничения: закон охраняет правомерно возникшее использование, тогда как возможность нового строительства оценивается по нормам, применимым на соответствующей разрешительной стадии.

2. Почему ГПЗУ не замораживает весь правовой режим

ГПЗУ формирует официальную информационную основу проектирования. Его сведения могут использоваться для подготовки проектной документации и получения разрешения на строительство в течение трех лет со дня выдачи (часть 10 статьи 57.3 ГрК РФ) [1]. Однако трехлетний срок не равнозначен гарантии неизменности всех правил. При экспертизе проектной документации часть 5.2 статьи 49 ГрК РФ отсылает к требованиям, действовавшим на дату выдачи ГПЗУ, если с этой даты прошло не более полутора лет. Уже различие этих сроков показывает, что правовой эффект документа зависит от конкретной процедуры.

При выдаче разрешения на строительство орган проверяет не только соответствие проектной документации требованиям, зафиксированным на дату ГПЗУ. Одновременно оцениваются допустимость размещения объекта с учетом действующего вида разрешенного использования участка и ограничения, существующие на дату выдачи разрешения. Эту конструкцию Верховный Суд РФ применил в определении от 17.04.2025 № 308-ЭС24-20719 по делу № А32-53202/2023 [7].

В споре застройщик располагал ГПЗУ 2019 года для многоквартирного дома в Сочи. До обращения за разрешением на строительство правила землепользования и застройки были изменены, и новое жилищное строительство на соответствующей территории ограничили. Нижестоящие суды связали защиту застройщика с трехлетним сроком использования ГПЗУ. Судебная коллегия по экономическим спорам с этим не согласилась: актуальное разрешенное использование и действующие публично-правовые ограничения должны проверяться наряду с требованиями, относящимися к проектной документации [7].

Наличие расходов на проектирование и действующего ГПЗУ само по себе не создает приобретенного права на строительство. Защита правообладателя до выдачи разрешения может выражаться в оспаривании самого нового ограничения, проверке переходных положений или взыскании убытков при наличии предусмотренных законом оснований. Подмена этих способов требованием применять прежние правила только из-за даты ГПЗУ не соответствует конструкции ГрК РФ.

3. Правомерно начатое строительство и последующее изменение ПЗЗ

Иное значение изменение регулирования приобретает после выдачи разрешения и фактического начала строительства. Пункт 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 44 прямо указывает: изменение требований после начала правомерного строительства или рекон-

струкции само по себе не делает постройку самовольной [4]. Здесь закон защищает уже реализованное правовое положение, а не только ожидание будущего строительства.

Показательным является определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 22.10.2024 № 307-ЭС24-9661 по делу № А56-58911/2023 [5]. Участок был предоставлен для спортивно-развлекательного комплекса, застройщик получил разрешение, возвел объект до готовности 85 процентов и зарегистрировал право собственности на объект незавершенного строительства. После исключения соответствующего ВРИ из градостроительного регламента администрация отказалась разрешить завершение работ.

Верховный Суд РФ отменил судебные акты, поддержавшие администрацию. Суд связал части 8–10 статьи 36 ГрК РФ и пункт 4 статьи 85 ЗК РФ: последующее изменение градостроительной документации не прекращает правомерное фактическое использование участка и объекта. Позиция воспроизведена в Обзоре судебной практики, утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 19.11.2025 [6].

При этом дело не дает основания считать началом строительства любую подготовительную активность. В споре существовал объект высокой степени готовности, право на который было зарегистрировано. В других обстоятельствах суду необходимо установить наличие разрешения, фактический объем работ, соответствие возводимого объекта разрешенной цели и добросовестность застройщика. Чем слабее материализация проекта, тем меньше оснований переносить на него защиту, сформулированную для объекта незавершенного строительства.

Даже правомерно начатый объект не получает иммунитета от требований безопасности. Исключение, предусмотренное частью 8 статьи 36 ГрК РФ и пунктом 4 статьи 85 ЗК РФ, позволяет прекратить опасное использование. Кроме того, сохранение объекта не означает право на реконструкцию, увеличивающую его несоответствие. Публичный интерес продолжает действовать, но орган должен показать конкретную угрозу или иное законное основание вмешательства, а не ограничиваться ссылкой на новую редакцию ПЗЗ.

Заключение

Изменение градостроительного режима не имеет одинаковых последствий на всех стадиях проекта. Действующий ГПЗУ сохраняет значение для проектирования и отдельных проверок, однако до выдачи разрешения он не исключает применение актуального вида разрешенного использования и новых публично-правовых ограничений. Инвестиционные расходы и подготовленная документация усиливают имущественный интерес застройщика, но не заменяют разрешение на строительство.

После правомерного начала работ центр правовой защиты смещается. Последующее изменение ПЗЗ не должно автоматически препятствовать завершению фактически

созданного объекта, особенно когда выдано разрешение и зарегистрировано право на объект незавершенного строительства. Для разрешения спора должны оцениваться стадия проекта, объем выполненных работ,

характер измененного требования и наличие угрозы охраняемым публичным интересам. Именно совокупность этих обстоятельств, а не одна дата ГПЗУ или изменения ПЗЗ, определяет пределы применения новых правил.

Литература:

1. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 04.08.2026), статьи 36, 49, 51, 55, 57.3. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/ (дата обращения: 14.08.2026).
2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (по состоянию на 14.08.2026), статья 85. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/ (дата обращения: 14.08.2026).
3. Федеральный закон от 31.07.2025 № 295-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации». URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202507310049> (дата обращения: 14.08.2026).
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.12.2023 № 44 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при применении норм о самовольной постройке», пункты 2, 24. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/33244/> (дата обращения: 14.08.2026).
5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 22.10.2024 № 307-ЭС24-9661 по делу № А56-58911/2023. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf_ec/2414980 (дата обращения: 14.08.2026).
6. Обзор судебной практики по делам, связанным с предоставлением и использованием публичных земельных участков для целей строительства, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 19.11.2025. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/all/34901/> (дата обращения: 14.08.2026).
7. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 17.04.2025 № 308-ЭС24-20719 по делу № А32-53202/2023. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf_ec/2456936 (дата обращения: 14.08.2026).
8. Гудзь Т. В., Солдатова Л. В., Самоловских Н. В. Принципы градостроительного зонирования в судебной практике // Правоприменение. 2023. Т. 7. № 3. С. 105–115. DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(3).105-115.

Градостроительный план земельного участка в системе административных процедур

Акутин Павел Павлович, юрисконсульт
Департамент градостроительной политики города Москвы

Багирян Александр Владленович, студент;
Сардарян Анастасия Сениковна, студент;
Терещенко Арсен Суренович, студент;
Горчакова Ольга Александровна, студент

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

В статье рассматривается юридическое значение градостроительного плана земельного участка как результата публичной услуги и источника исходных данных для проектирования. Исследованы пределы обязанности органа по подготовке ГПЗУ, случаи обязательного предварительного утверждения документации по планировке территории и критерии судебной проверки отказа либо дефектов содержания документа. Обосновано, что информационная природа ГПЗУ сочетается с существенными процедурными и материально-правовыми последствиями.

Ключевые слова: градостроительный план земельного участка, ГПЗУ, муниципальная услуга, административная процедура, документация по планировке территории, разрешение на строительство, судебный контроль.

Введение

Градостроительный план земельного участка обычно характеризуется как информационный документ. Эта формула верно указывает, что ГПЗУ не устанавливает для

участка новый вид разрешенного использования и не предоставляет право на строительство. Однако практическое значение документа значительно шире обычной справки: его сведения используются при проектировании, экспертизе и выдаче разрешения на строительство. Ошибка в гра-

ницах, параметрах или ограничениях способна повлиять на весь последующий инвестиционно-строительный процесс.

Юридическая проблема состоит в определении границы между обязанностью публичного органа собрать и отразить официальные сведения и допустимой проверкой предпосылок выдачи ГПЗУ. С одной стороны, заявитель не должен выполнять вместо администрации межведомственный сбор документов. С другой — закон запрещает выдавать ГПЗУ до утверждения документации по планировке территории (далее — ДПТ), если без нее размещение объекта не допускается.

Статья раскрывает содержание административной процедуры выдачи ГПЗУ и формулирует критерии судебной проверки отказа либо недостоверности документа. Нормативную основу составляют статья 57.3 ГрК РФ, Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ и приказ Минстроя России от 25.04.2017 № 741/пр; выводы сопоставлены с практикой Верховного Суда РФ и арбитражных судов.

1. Информационная природа и юридическое значение ГПЗУ

Согласно части 1 статьи 57.3 ГрК РФ ГПЗУ выдается для обеспечения субъектов градостроительной деятельности информацией, необходимой для архитектурно-строительного проектирования, строительства и реконструкции [1]. Источниками служат документы территориального планирования и градостроительного зонирования, нормативы градостроительного проектирования, ДПТ, сведения ЕГРН, ФГИС территориального планирования, ГИСОГД и информация о подключении к сетям. Орган не формирует индивидуальный градостроительный режим, а сводит сведения из установленных законом источников.

Содержание ГПЗУ при этом неоднородно. В документ включаются границы участка, минимальные отступы, виды разрешенного использования, предельные параметры строительства, красные линии, зоны с особыми условиями использования территории, публичные сервитуты, требования к архитектурно-градостроительному облику и сведения о комплексном развитии территории. Форма документа и порядок ее заполнения определены приказом Минстроя России № 741/пр [3].

Такое объединение сведений объясняет юридический эффект ГПЗУ. Он не заменяет ПЗЗ, проект планировки или разрешение на строительство, но становится официальной точкой соединения этих источников. Поэтому спор о содержании ГПЗУ требует ответа не на абстрактный вопрос, создает ли документ права, а на более точный: из какого действующего источника должна быть перенесена конкретная информация и правильно ли орган ее отразил.

2. Стандарт предоставления публичной услуги

За подготовкой ГПЗУ обращается правообладатель земельного участка. Документ выдается без платы, а срок подготовки, регистрации и выдачи не может превышать

четырнадцать рабочих дней (части 5 и 6 статьи 57.3 ГрК РФ) [1]. Поскольку выдача ГПЗУ представляет собой государственную или муниципальную услугу, запрещено требовать от заявителя документы и действия, не предусмотренные нормативными правовыми актами (пункт 1 части 1 статьи 7 Федерального закона № 210-ФЗ) [2].

Эта гарантия получила развитие в определении Верховного Суда РФ от 27.03.2013 № 6-КГ12-11, включенном в Обзор судебной практики за четвертый квартал 2013 года [4]. Суд признал незаконным требование представить кадастровый паспорт, технические условия и топографическую съемку, поскольку соответствующие сведения должен получать орган. Дело рассматривалось при прежнем регулировании ГПЗУ, поэтому его нельзя механически переносить на каждую современную ситуацию. Сохранился, однако, общий принцип: межведомственное взаимодействие не должно превращаться в дополнительную обязанность заявителя.

Из этого принципа вытекают требования к мотивировке отказа. Органу недостаточно сообщить, что в информационной системе отсутствуют сведения либо проект нуждается в дополнительном согласовании. В решении должны быть названы конкретная правовая норма, фактическое обстоятельство и связь между ними. Иначе заявитель не может определить, обязан ли он устранить недостаток или администрация пытается возложить на него получение сведений, которые должна запросить самостоятельно.

3. Отсутствие ДПТ как специальное препятствие

Информационный характер ГПЗУ не означает безусловной выдачи. Часть 4 статьи 57.3 ГрК РФ предусматривает: если размещение объекта не допускается без ДПТ, ГПЗУ для проектирования и получения разрешения на строительство выдается только после утверждения такой документации [1]. Основание связано не с оценкой целесообразности проекта, а с отсутствием планировочной основы, без которой невозможно достоверно определить красные линии, элементы планировочной структуры и зоны размещения объектов.

В кассационном определении от 04.12.2019 № 43-КА19-31 Верховный Суд РФ отменил судебные акты, признавшие отказ незаконным только со ссылкой на информационную природу ГПЗУ [5]. Нижестоящие суды не установили, требовалась ли ДПТ для соответствующей территории. Судебная коллегия потребовала проверить наличие предусмотренного федеральным законом случая обязательной подготовки документации, а не ограничиваться общей характеристикой документа.

В научном комментарии к этому определению обращено внимание, что отсутствие ДПТ не должно рассматриваться как универсальное основание отказа: решающим остается установленный законом случай, при котором размещение объекта без такой документации не допускается [8]. Этот вывод исключает автоматизм как со стороны заявителя, так и со стороны администрации.

Современная практика подтверждает значение этого разграничения. В постановлении Арбитражного суда Московского округа от 09.04.2026 № Ф05–4411/26 по делу № А40–188227/2025 отказ в выдаче ГПЗУ признан правоммерным, поскольку участки находились в территории планируемого КРТ, а ДПТ не была утверждена [7]. Вывод суда опирался на сведения ПЗЗ и ГИСОГД, а также на пункт 7 части 3 статьи 41 ГрК РФ, устанавливающий обязательность ДПТ при планируемом осуществлении КРТ. Поэтому данное дело не позволяет администрации отказывать по одной ссылке на неопределенные планы развития: принадлежность участка к соответствующей территории и правовое основание обязательной ДПТ должны быть доказаны.

Судебная проверка в подобных спорах включает последовательные вопросы: требуется ли ДПТ именно для предполагаемого объекта; определены ли границы территории в действующих градостроительных документах; существовала ли утвержденная документация на дату обращения; мог ли орган получить необходимые сведения из информационной системы. Такая проверка предотвращает обе крайности — автоматическую выдачу неполного документа и отказ, основанный на ненормативном намерении администрации.

4. Использование ГПЗУ на последующих стадиях

ГПЗУ может использоваться для подготовки проектной документации и получения разрешения на строительство в течение трех лет. Одновременно часть 5.2 статьи 49 ГрК РФ связывает отдельные параметры экспертизы с требованиями, действовавшими на дату выдачи ГПЗУ, если прошло не более полутора лет [1]. Различие сроков подтверждает, что документ не создает единого периода неизменности градостроительного режима.

Определение Верховного Суда РФ от 17.04.2025 № 308-ЭС24–20719 показывает предел стабилизирующего эф-

фекта ГПЗУ [6]. При выдаче разрешения проверяются как требования, относящиеся к проектной документации на дату ГПЗУ, так и актуальный вид разрешенного использования и ограничения размещения объекта. Спор о выдаче ГПЗУ и спор об использовании его сведений при разрешении строительства имеют разный предмет доказывания.

Для оспаривания содержания документа заявителю следует указать конкретный раздел ГПЗУ, официальный источник правильной информации и практическое нарушение, возникающее из-за дефекта. В споре об отказе проверяются полномочия органа, статус заявителя, соблюдение срока, законность требования ДПТ и полнота межведомственного взаимодействия. Смещение этих оснований приводит к неопределенному требованию «выдать правильный ГПЗУ», которое не раскрывает способ восстановления права.

Заключение

ГПЗУ представляет собой результат административной процедуры по формированию официального набора исходных данных. Он не предоставляет право на строительство, но его содержание юридически значимо для проектирования, экспертизы и последующих разрешительных решений. Поэтому информационная природа документа ограничивает усмотрение органа, а не освобождает его от ответственности за полноту и достоверность сведений.

Законность действий администрации должна оцениваться с учетом вида нарушения. Требование лишних документов, пропуск срока, отказ из-за обязательной ДПТ и перенос неверных сведений имеют различные фактические и правовые основания. Наиболее надежная модель судебного контроля строится на проверке конкретного источника информации и конкретной стадии градостроительной процедуры.

Литература:

1. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 04.08.2026), статьи 41, 49, 51, 57.3. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/ (дата обращения: 14.08.2026).
2. Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (по состоянию на 14.08.2026), статья 7. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103023/ (дата обращения: 14.08.2026).
3. Приказ Минстроя России от 25.04.2017 № 741/пр «Об утверждении формы градостроительного плана земельного участка и порядка ее заполнения» (ред. от 09.04.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_217542/ (дата обращения: 14.08.2026).
4. Определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 27.03.2013 № 6-КГ12–11 // Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за четвертый квартал 2013 года, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 04.06.2014. URL: https://www.vsrfr.ru/Show_pdf.php?Id=8949 (дата обращения: 14.08.2026).
5. Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 04.12.2019 № 43-КА19–31. URL: <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-administrativnym-delam-verkhovnogo-suda-rf-ot-04122019-n-43-ka19-31/> (дата обращения: 14.08.2026).
6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 17.04.2025 № 308-ЭС24–20719 по делу № А32–53202/2023. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf_ec/2456936 (дата обращения: 14.08.2026).

7. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 09.04.2026 № Ф05–4411/26 по делу № А40–188227/2025. URL: <https://base.garant.ru/69534470/> (дата обращения: 14.08.2026).
8. Башарин А. В. Отсутствие документации по планировке территории как основание для отказа в выдаче градостроительного плана земельного участка // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2022. № 8.

Согласование архитектурно-градостроительного облика: пределы административного усмотрения

Акутин Павел Павлович, юрисконсульт
Департамент градостроительной политики города Москвы

Багирян Александр Владленович, студент;
Сардарян Анастасия Сениковна, студент;
Терещенко Арсен Суренович, студент;
Горчакова Ольга Александровна, студент
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

В статье исследуются пределы усмотрения публичного органа при согласовании архитектурно-градостроительного облика объекта капитального строительства. Проанализированы статья 40.1 Градостроительного кодекса РФ, постановление Правительства РФ № 857 и судебные споры о применении мастер-планов и ранее выданных согласований. Сформулированы требования к нормативному основанию, идентификации проектных решений и мотивировке отказа.

Ключевые слова: архитектурно-градостроительный облик, АГО, градостроительный регламент, административное усмотрение, мастер-план, проектная документация, мотивированный отказ, судебный контроль.

Введение

Согласование архитектурно-градостроительного облика (далее — АГО) отличается от большинства градостроительных процедур предметом оценки. Высоту здания или отступ от границы участка можно проверить численно. Архитектурную композицию, материалы фасада и цветовое решение неизбежно оценивают с участием профессионального суждения. Такая оценка создает риск подмены опубликованного градостроительного требования эстетическим предпочтением должностного лица или архитектурного совета.

Федеральная модель согласования действует на основании статьи 40.1 ГрК РФ и постановления Правительства РФ от 29.05.2023 № 857. Их общая логика состоит в том, что профессиональная оценка допустима только внутри заранее установленных требований АГО, включенных в градостроительный регламент. Судебные споры 2025 года показывают два наиболее уязвимых элемента процедуры: использование мастер-плана вместо нормативного критерия и распространение прежнего согласования на измененный проект.

Цель статьи — определить юридические границы административного усмотрения при согласовании АГО и предмет судебной проверки отказа. Исследование основано на действующей редакции ГрК РФ, Правилах № 857 и постановлениях Арбитражного суда Дальневосточного округа по делам № А04–1830/2025 и № А04–10613/2024.

1. Нормативная конструкция согласования АГО

Обязанность согласовать АГО возникает при строительстве или реконструкции в границах территорий, отображенных в ПЗЗ в соответствии с частью 5.3 статьи 30 ГрК РФ [1]. Из этого следует первый элемент правовой определенности: собственник должен иметь возможность установить по опубликованным ПЗЗ, относится ли его участок к территории действия требований. Наличие в муниципалитете архитектурного совета либо разработанного мастер-плана само по себе процедуру не вводит.

Часть 2 статьи 40.1 ГрК РФ исключает из согласования объекты на участках, где градостроительный регламент не действует, объекты, не требующие разрешения на строительство, объекты на участках учреждений, исполняющих наказания, а также объекты обороны и безопасности. Дополнительные исключения вправе устанавливать Правительство РФ и субъекты РФ; федеральный перечень уточнен постановлением № 857 [1; 2]. Поэтому вопрос об обязательности согласования решается по совокупности характеристик территории, участка и объекта.

Требования АГО являются частью градостроительного регламента. Они могут охватывать объемно-пространственные и архитектурно-стилистические характеристики, цветовые решения, отделочные материалы, размещение технического оборудования и архитектурную подсветку [2]. Эти критерии не превращают процедуру в повторную экспертизу проектной документации. Кон-

структивная безопасность, санитарные разрывы и соответствие техническим регламентам проверяются в иных процедурах и не могут становиться самостоятельными основаниями отказа в АГО.

Срок согласования не может превышать десять рабочих дней. Часть 4 статьи 40.1 ГрК РФ предусматривает одно материальное основание отказа — несоответствие архитектурных решений требованиям АГО, указанным в градостроительном регламенте [1]. Пункт 12 Правил № 857 требует обосновать выявленное несоответствие; предложения по доработке включаются при их наличии [2]. Значит, решение должно связывать конкретный элемент проекта с конкретным нормативным критерием.

Минстрой России разъяснял применение федеральной модели с учетом установленной законом территории действия требований, исключений для отдельных объектов и содержания градостроительного регламента [6]. Такое разъяснение помогает определить последовательность проверки, но не расширяет перечисленные в ГрК РФ основания отказа.

Для Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя федеральные Правила применяются с учетом специального регулирования городов федерального значения, предусмотренного Федеральным законом № 612-ФЗ [3]. Оценивать московское или петербургское решение только по процедуре постановления № 857 без проверки регионального акта неправильно.

2. Может ли мастер-план быть основанием отказа

В деле № А04–1830/2025 администрация Благовещенска отказала согласовать проект многоквартирного дома, поскольку архитектурные решения не соответствовали мастер-плану территории «Тихие бульвары». Арбитражный суд Амурской области удовлетворил требования заявителя; вывод поддержали апелляция и Арбитражный суд Дальневосточного округа в постановлении от 10.11.2025 № Ф03–3686/2025 [4].

Суды не отрицали пользу мастер-плана для комплексного проектирования городской среды. Нарушение заключалось в другом: мастер-план не являлся градостроительным регламентом и потому не мог самостоятельно устанавливать обязательные требования АГО. В отказе также отсутствовало сопоставление конкретных элементов фасада, объема или цветового решения с положениями ПЗЗ [4].

Правовое значение дела состоит не в запрете мастер-планов. Они могут служить основой для подготовки изменений в ПЗЗ, пояснять замысел развития территории и использоваться экспертами как аналитический материал. Однако обязательный критерий должен быть введен надлежащим нормативным актом до обращения заявителя. Иначе содержание обязанности становится известно только из решения об отказе, что несовместимо с правовой определенностью.

Участие архитектурного совета также не меняет источник полномочия. Коллегиальное профессиональное за-

ключение может убедительно объяснить, почему решение нарушает установленную палитру или принцип членения фасада. Но оно не создает нового запрета. Ответственность за итоговое решение несет уполномоченный орган, который обязан показать юридическую связь между заключением экспертов и градостроительным регламентом.

3. Изменение проекта после получения согласования

Другой предел процедуры раскрыт в деле № А04–10613/2024. Предприниматель ранее получил положительное согласование, затем представил измененный вариант архитектурных решений и получил отказ. При обращении за разрешением на строительство администрация указала на отсутствие действующего согласования АГО. Первая и апелляционная инстанции поддержали заявителя, сославшись на то, что первоначальное согласование формально не отменено.

Арбитражный суд Дальневосточного округа постановлением от 27.05.2025 № Ф03–1196/2025 отменил судебные акты и отказал в удовлетворении требований [5]. Кассационный суд исходил из того, что на дату обращения за разрешением не было положительного решения, относящегося к представленному варианту проекта. Существование старого уведомления не доказывало согласование измененных архитектурных решений.

Сопоставление двух дел позволяет провести ясную границу. В первом споре орган применил критерий, который не был включен в градостроительный регламент. Во втором проблема состояла в идентичности предмета согласования. Ранее выданное положительное решение сохраняет значение только для того набора архитектурных решений, который фактически проходил процедуру.

Практическое значение поэтому имеет точная идентификация версии проекта. В заявлении и итоговом решении целесообразно фиксировать объект, участок, дату и обозначение проектных материалов, а при последующих изменениях — перечень затронутых архитектурных решений. Без такой связи спор неизбежно смещается от оценки фасада к выяснению того, какой именно проект был согласован.

4. Предмет судебного контроля

Судебный контроль не предполагает выбора судом цвета фасада или композиции здания. Проверке подлежат юридические предпосылки профессиональной оценки: установлена ли территория действия требований; применимы ли исключения; существует ли критерий в градостроительном регламенте; относится ли он к представленному проекту; соблюден ли срок; содержит ли отказ мотивированное сопоставление нормы и решения.

Фраза о дисгармонии со сложившейся застройкой не позволяет проверить законность, если орган не называет закреплённый критерий. Напротив, ссылка на допустимую палитру, конкретный код цвета и лист проектных материалов формирует определенный предмет спора.

В этом случае суд может проверить правильность применения нормы, не подменяя собой архитектора.

Заявителю недостаточно представить только отказ. Для содержательной проверки необходимы действующая редакция ПЗЗ, заявление, проектные материалы, заключения привлеченных экспертов и сведения о версии проекта. Орган, в свою очередь, должен подтвердить территорию действия требований и показать, что решение основано на опубликованной норме, а не на сложившейся административной практике.

Заключение

Административное усмотрение при согласовании АГО существует внутри градостроительного регламента. Про-

фессиональная оценка необходима для применения архитектурных критериев, однако она не вправе создавать новые обязательные требования. Законность отказа определяется наличием нормативного основания, точной идентификацией проекта и мотивированным сопоставлением архитектурного решения с нарушенным критерием.

Мастер-план может направлять развитие территории, но становится обязательным для застройщика лишь после надлежащего включения соответствующих требований в ПЗЗ. Ранее выданное согласование, напротив, не распространяется автоматически на измененную редакцию проекта. Эти два вывода задают рабочую модель судебного контроля, при которой суд проверяет границы полномочия, не принимая архитектурное решение вместо компетентного органа.

Литература:

1. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 04.08.2026), статьи 30, 40.1, 51. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/ (дата обращения: 14.08.2026).
2. Постановление Правительства РФ от 29.05.2023 № 857 «Об утверждении требований к архитектурно-градостроительному облику объекта капитального строительства и Правил согласования архитектурно-градостроительного облика объекта капитального строительства» (ред. от 10.05.2026). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_448360/ (дата обращения: 14.08.2026).
3. Федеральный закон от 29.12.2022 № 612-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации...». URL: <https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202212290039> (дата обращения: 14.08.2026).
4. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 10.11.2025 № Ф03–3686/2025 по делу № А04–1830/2025. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ADV&n=141475&req=doc> (дата обращения: 14.08.2026).
5. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 27.05.2025 № Ф03–1196/2025 по делу № А04–10613/2024. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ADV&n=139804&req=doc> (дата обращения: 14.08.2026).
6. Письмо Минстроя России от 25.10.2023 № 64682-ИФ/09 о применении требований к архитектурно-градостроительному облику объектов капитального строительства. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_457366/ (дата обращения: 14.08.2026).

Совершенствование прокурорского надзора за исполнением законодательства о профилактике наркомании среди несовершеннолетних

Аргат Нина Павловна, студент магистратуры
Вятский государственный университет (г. Киров)

Вопрос распространения наркомании среди подростков представляет собой одну из наиболее острых социальных проблем, требующих пристального внимания. Прокуратура, являясь одним из ключевых институтов в системе защиты прав и законных интересов граждан, который обладает значительным потенциалом для усиления результативности деятельности всей совокупности государственных органов, направленной на пресечение незаконного оборота наркотических средств. Данное исследование является частью работы над магистерской диссертацией на тему: «Надзор за исполнением законов по борьбе с наркоманией несовершеннолетних».

Ключевые слова: прокуратура, прокурорский надзор, наркомания несовершеннолетних, надзорные мероприятия, профилактика наркомании.

Надзор органов прокуратуры за соблюдением законодательства о несовершеннолетних, хоть и не выделяется в отдельную отрасль, но имеет особую значи-

мость. Это связано с уязвимостью детей и подростков, обусловленной их физиологической и психологической незрелостью, что требует усиленной защиты их прав и ин-

тересов, а также создания условий для гармоничного развития и образования. Проблема наркомании среди молодежи остается крайне актуальной и требует пристального внимания со стороны прокуроров. Так согласно статистическим данным прокуратуры Кировской области за январь — май 2026 года всего зарегистрировано 383 преступлений связанных с незаконным оборотом наркотиков, 116 преступлений совершены несовершеннолетними или при их соучастии [7].

Для эффективного надзора за данной сферой необходимо комплексное применение правовых, организационных, информационных и профилактических мер.

Деятельность по предупреждению наркопотребления среди несовершеннолетних характеризуется комплексностью, что определяет ее сложную структуру. При анализе данной профилактики, как правило, различают общий и индивидуальный уровни. Прокурорский надзор распространяется на исполнение законодательства, регулирующего профилактические мероприятия обоих уровней. В своей деятельности прокуроры руководствуются Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» [1], другими законами, подзаконными актами, а также приказами и указаниями Генеральной прокуратуры, в частности, Приказом Генпрокуратуры России от 13.12.2021 N744 [3].

Эффективная профилактика наркомании требует слаженной работы множества субъектов: органов образования, здравоохранения, социальной защиты, правоохранительных органов, органов по делам молодежи и общественных организаций.

Ключевым направлением прокурорского надзора в отношении органов внутренних дел является контроль законности оперативно-розыскной деятельности. Прокуратура осуществляет надзор за соблюдением законодательства при проведении мероприятий, направленных на выявление лиц, вовлеченных в незаконный оборот наркотических средств, в том числе с участием несовершеннолетних. Особое внимание уделяется законности задержания и доставления несовершеннолетних, подозреваемых в совершении наркопреступлений, в органы внутренних дел, а также обеспечению их прав на стадии проведения допросов, обысков и иных следственных действий, что предполагает обязательное участие законных представителей или адвоката.

В рамках профилактической работы прокурор может принимать участие в совместных рейдах по выявлению мест потенциального распространения наркотиков среди несовершеннолетних, а также осуществлять обмен информацией с органами внутренних дел. Получаемые данные о фактах вовлечения несовершеннолетних в наркооборот, их употреблении, а также сведения о лицах, склонных к совершению подобных преступлений, служат основой для принятия мер прокурорского реагирования. Активное участие прокурора в межведомственных совещаниях по вопросам борьбы с наркопреступностью позволяет вырабатывать согласованные подходы и прини-

мать комплексные решения. При выявлении нарушений законности в деятельности органов внутренних дел, касающихся работы с несовершеннолетними и наркопреступностью, прокуратурой вносятся представления руководителям органов. В случаях, когда действия или бездействие сотрудников полиции повлекли нарушение прав несовершеннолетних, прокуратура реализует исковую работу, обращаясь в суд.

Прокурорский надзор в сфере образования направлен на контроль образовательных учреждений с целью проверки наличия и эффективности антинаркотических программ, а также организации профилактических мероприятий (лекций, бесед, семинаров), нацеленных на формирование у несовершеннолетних устойчивого негативного отношения к наркотикам. Также осуществляется контроль за состоянием зданий и территорий образовательных учреждений для предотвращения их использования в наркотических целях. Важной составляющей является выявление учащихся, склонных к употреблению наркотиков, что предполагает контроль за работой школьных психологов и социальных педагогов.

В рамках взаимодействия с педагогами и администрацией школ прокуратура проводит периодические проверки соблюдения законодательства в сфере профилактики наркомании. Оказывается методическая помощь по указанным вопросам. При получении информации о случаях употребления или распространения наркотиков в учебных заведениях иницируются прокурорские проверки. При выявлении нарушений в сфере профилактики наркомании руководителям образовательных учреждений вносятся представления. В случаях, когда образовательное учреждение не выполняет свои обязанности по профилактике, прокуратура предъявляет иски в суд о понуждении к исполнению законодательства.

Надзор в сфере здравоохранения охватывает оказание медицинской помощи несовершеннолетним, включая выявление и учет несовершеннолетних потребителей наркотиков, а также контроль за качеством лечения и реабилитации лиц, страдающих наркотической зависимостью. Проверяется доступность наркологической помощи для данной категории граждан. В рамках профилактической работы прокуратура контролирует участие органов здравоохранения в информационно-просветительской деятельности и деятельность наркологических диспансеров по выявлению и учету несовершеннолетних. При выявлении нарушений в оказании медицинской помощи несовершеннолетним руководителям медицинских учреждений вносятся представления, а в случаях ненадлежащего оказания помощи — предъявляются иски о понуждении к исполнению законодательства.

Прокурорский надзор распространяется на работу с семьями в группе риска. Осуществляется контроль за выявлением неблагополучных семей, где несовершеннолетние могут подвергаться риску вовлечения в наркоманию, а также за своевременным и полным оказанием социальной, психологической и правовой помощи таким

семьям. Проводится защита прав детей, чьи родители употребляют наркотики и не исполняют свои обязанности. В рамках взаимодействия с социальными службами осуществляется обмен информацией и совместное участие в работе комиссий по делам несовершеннолетних. При выявлении нарушений в деятельности органов социальной защиты руководителям вносятся представления, а в случаях ненадлежащего исполнения родительских обязанностей — предъявляются иски о лишении или ограничении родительских прав, а также о помещении детей под опеку.

Прокурор, являясь членом КДНиЗП, активно участвует в рассмотрении дел, связанных с правонарушениями несовершеннолетних, в том числе в сфере наркотиков, а также в отношении родителей, не исполняющих свои обязанности. Осуществляется экспертная правовая оценка действий (бездействия) участников производства и выявление нарушений законодательства. Прокуратура осуществляет надзор за законностью и обоснованностью решений, принимаемых комиссией, а также контроль за их исполнением. При выявлении незаконных решений комиссии прокуратурой приносятся протесты, а по устранению выявленных нарушений законности вносятся представления.

Прокуратура выступает в качестве стимулятора профилактической работы, оказывая правовую поддержку и консультации общественным организациям, занимающимся профилактикой наркомании среди молодежи. Осуществляется участие в разработке и реализации совместных проектов, направленных на формирование здорового образа жизни, а также информационная поддержка деятельности таких организаций. При необходимости проводится проверка деятельности общественных организаций на предмет соблюдения законодательства.

Прокуратура осуществляет просветительскую работу, информируя родителей об их правах и обязанностях, а также организуя лекции и семинары по вопросам профилактики наркомании. В случаях неисполнения или ненадлежащего исполнения родительских обязанностей, повлекшего вовлечение несовершеннолетнего в наркоманию, прокуратура инициирует привлечение родителей к ответственности (административной или уголовной).

Однако зачастую отсутствует четкое разграничение полномочий, дублирование функций или, наоборот, «белые пятна» в системе профилактики, что снижает общий эффект. Прокурорский надзор, призванный обеспечить единство действий, иногда сталкивается с отсутствием системного подхода у поднадзорных органов.

Возможно, стоит согласиться с позицией некоторых правоведов, что для комплексного решения обозначенной проблемы представляется целесообразным формирование единых координационных советов на региональном и муниципальном уровнях с обязательным привлечением представителей прокуратуры. На заседаниях таких советов должны разрабатываться и утверждаться согласованные планы действий. Необходимо также разработать и внедрить унифицированные стандарты и регламенты

взаимодействия. Регламент должен четко определять: координирующий орган, адресатов и сроки направления информации, порядок проведения медицинского освидетельствования, алгоритм оценки условий жизни, механизм привлечения психолога, условия передачи материалов в правоохранительные органы, а также ответственных за контроль дальнейшей реабилитации несовершеннолетнего.

Федеральный закон от 24 июня 1999 г. N 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [2] необходимо дополнить главой: «Профилактика незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ несовершеннолетними». В ней следует закрепить: перечень субъектов профилактики и разграничение их компетенции; порядок межведомственного обмена сведениями; сроки реагирования на выявленные обстоятельства; правила разработки индивидуальной программы сопровождения; основания и процедуру профилактического учёта; полномочия прокурора по проверке законности и полноты принимаемых мер. Это позволит сформировать ясный предмет прокурорской проверки и снизить различия в правоприменительной практике регионов.

Важнейшим условием эффективного прокурорского надзора является своевременный и полный анализ состояния законности и преступности. Источники информации разнообразны: материалы проверок, обобщения практики, статистическая отчетность, обращения граждан и организаций, мониторинг СМИ и официальных сайтов, а также материалы уголовных, гражданских и административных дел [5]. Возможно, для упрощения анализа внедрение алгоритмов машинного обучения и искусственного интеллекта для автоматического анализа больших объемов данных. Также полный переход на электронный документооборот внутри прокуратуры с другими государственными органами позволит значительно сократить время на обмен информацией и уменьшит бумажную волокиту.

В Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации» целесообразно конкретизировать, что в предмет надзора за исполнением законов о несовершеннолетних входят: профилактика незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ; раннее выявление факторов риска; оказание медицинской, психологической и социальной помощи; реабилитация несовершеннолетних; защита детей от вовлечения в незаконный оборот наркотиков; соблюдение прав несовершеннолетних при профилактическом учёте; законность обработки и передачи персональных данных; противодействие распространению наркотической информации в интернете. При этом необходимо сохранить принцип недопустимости подмены прокуратурой иных государственных органов. Прокурор должен проверять законность и результативность исполнения обязанностей, но не выполнять функции медицинских, образовательных или социальных учреждений.

Прокуратура, осуществляя надзор, должна не только выявлять нарушения, но и активно способствовать их устранению, предлагая конкретные пути решения, что включает в себя анализ причин и условий, способствующих совершению правонарушений: выявление системных проблем и внесение предложений по их устранению; реагирование на выявленные нарушения: внесение представлений, вынесение постановлений, возбуждение дисциплинарных и административных производств; исковая работа: предъявление исков в интересах несовершеннолетних и общества; участие в заседаниях комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав: активная позиция в обсуждении и принятии решений; информационно-просветительская деятельность: разъяснение законодательства, повышение правовой культуры граждан. Например, при выявлении систематического отсутствия в школах занятий по профилактике наркомании, прокурор вносит представление директору образовательного учреждения с требованием устранить выявленные нарушения и привлечь к дисциплинарной ответственности ответственных лиц. В случае, если органы опеки и попечительства не принимают должных мер по защите прав несовершеннолетнего, находящегося в асоциальной среде, прокурор может инициировать возбуждение дела об административном правонарушении в отношении должностных лиц органов опеки и попечительства.

Так, по данным прокуратуры Кировской области, за период с января по май 2026 года в сфере защиты прав несовершеннолетних было выявлено 5547 нарушений законодательства. По результатам принятых мер прокурорского реагирования было вынесено 609 протестов, в ре-

зультате которых отменено или изменено 594 незаконных правовых акта, а 1292 должностных лица привлечены к дисциплинарной ответственности [8].

Генеральной прокуратуре Российской Федерации целесообразно утвердить методические рекомендации или организационно-распорядительный документ, предусматривающий единый перечень вопросов прокурорской проверки. В ходе проверки следует оценивать: полноту исполнения программ профилактики, соблюдение сроков межведомственного обмена информацией, законность профилактического учёта, доступность медицинской и психологической помощи, наличие индивидуального плана сопровождения, фактическое проведение реабилитации, причины повторного употребления, соблюдение конфиденциальности, законность обработки персональных данных, выполнение образовательной организацией профилактических обязанностей, эффективность бюджетного финансирования, устранение ранее выявленных нарушений. Следует предусмотреть отдельные проверочные листы для образовательных организаций, медицинских учреждений, комиссий по делам несовершеннолетних, органов внутренних дел и социальных служб.

В заключение считаем необходимым повторно подчеркнуть, что грамотно выстроенная система надзора за исполнением законодательных актов, направленных на профилактику наркопотребления среди несовершеннолетних, является ключевым фактором для своевременного восстановления прав и законных интересов. Системное взаимодействие способствует существенному повышению результативности деятельности прокурора в данной значимой сфере правоотношений.

Литература:

1. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 24.07.2023) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/ (дата обращения: 04.05.2026).
2. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23509/ (дата обращения: 04.05.2026).
3. Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов: Приказ Генпрокуратуры России от 13.12.2021 № 744 // СПС «ГАРАНТ». URL: <https://base.garant.ru/403247264/> (дата обращения: 04.05.2026).
4. Гришин А. В. и др. Прокурорский надзор за исполнением законодательства о профилактике потребления наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов несовершеннолетними: пособие / Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. Москва, 2013.
5. Ергашев Е. Р., Леготин А. О. Мониторинг как важнейший инструмент в деятельности российской прокуратуры // Российский юридический журнал. 2024. № 5. С. 111–116.
6. Деревскова В. М. Прокурорский надзор за исполнением комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав законодательства о профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: учебное пособие. Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ, 2022. 148 с.
7. Ведомственная статистика//Официальный сайт прокуратуры Кировской области.URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_43/activity/statistics/office/other/e8552472/ (дата обращения: 07.06.2026).
8. Основные результаты деятельности прокуроров за 5 месяцев 2026 года//Официальный сайт прокуратуры Кировской области.URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_43/activity/statistics/office/result/e8552469/ (дата обращения: 07.06.2026).

Применение статьи 134 ТК РФ: содержание обязанности работодателя и критерии её исполнения

Бабушкин Иван Анатольевич, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье исследуется развитие правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации и кассационных судов общей юрисдикции по вопросам применения ст. 134 Трудового кодекса Российской Федерации. На основе анализа судебных актов 2010–2026 гг. показано, что обязательность обеспечения повышения уровня реального содержания заработной платы в настоящее время уже не ставится под сомнение. Вместе с тем отсутствуют единообразные критерии определения размера и периодичности индексации, правовых последствий неприятия локального порядка, а также допустимости зачета повышения окладов, премий и иных выплат в счет исполнения обязанности работодателя. Обоснован вывод о смещении центра правоприменительной неопределенности с вопроса о наличии обязанности на вопрос о её содержании и доказательствах надлежащего исполнения.

Ключевые слова: индексация заработной платы, статья 134 ТК РФ, судебная практика.

Статья 134 Трудового кодекса Российской Федерации (далее — ТК РФ) закрепляет, что обеспечение повышения уровня реального содержания заработной платы включает её индексацию в связи с ростом потребительских цен на товары и услуги. Государственные органы, органы местного самоуправления, государственные и муниципальные учреждения производят индексацию в порядке, установленном нормативными правовыми актами, а иные работодатели — в порядке, установленном коллективным договором, соглашениями и локальными нормативными актами. При этом для последних ТК РФ не определяет минимальную периодичность индексации, обязательный показатель для расчета её размера и последствия отсутствия соответствующего локального регулирования.

В научной литературе индексация обоснованно рассматривается как государственная гарантия, распространяющаяся на всех работников независимо от организационно-правовой формы работодателя и источников его финансирования [3]. Н. И. Дивеева, М. Ю. Лаврикова и А. В. Кузьменко связывают недостаточную эффективность ст. 134 ТК РФ с отсутствием нормативно заданных параметров индексации и противоречивостью судебной практики [1, с. 74–80; 2, с. 146–156]. Вместе с тем, новые акты Конституционного Суда РФ и в совокупности с позициями кассационных судов общей юрисдикции по конкретным трудовым спорам позволяют уточнить этот вывод. Основной спор сместился с вопроса о наличии обязанности работодателя на вопрос о том, какие действия составляют её надлежащее исполнение.

Цель исследования состоит в определении содержания обязанности, предусмотренной ст. 134 ТК РФ, и выявлении критериев, используемых судами для оценки её исполнения. Эмпирическую основу составили восемь определений Конституционного Суда Российской Федерации 2010–2026 гг., позиции Верховного Суда Российской Федерации 2017 и 2019 годов, а также семнадцать определений кассационных судов общей юрисдикции семи округов, принятых в 2025–2026 гг. Применены формально-юридический метод, сравнительный анализ правовых позиций

и обобщение судебной практики. Научная новизна исследования заключается в выявлении двух уровней правоприменительной неопределенности: неопределенности минимальных параметров индексации и неопределенности условий, при которых иные выплаты могут замещать её проведение.

Исходная правовая позиция была изложена Конституционным Судом Российской Федерации в определении от 17 июня 2010 г. № 913-О-О, принятом по жалобе работодателя. Суд указал, что индексация направлена на сохранение покупательной способности заработной платы, представляет собой государственную гарантию по оплате труда и должна обеспечиваться всем лицам, работающим по трудовому договору. Предоставление работодателям, не получающим бюджетного финансирования, права самостоятельно определять порядок индексации признано способом учета обстоятельств, значимых как для работников, так и для работодателя. Таким образом, уже в 2010 году были совмещены обязательность гарантируемого результата и автономия работодателя в выборе порядка его достижения.

В последующих актах содержание гарантии последовательно конкретизировалось. В 2020 году Суд указал, что ст. 134 ТК РФ не позволяет работодателю, в том числе относящемуся к бюджетной сфере, лишить работников предусмотренной законом гарантии (определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 мая 2020 г. № 1256-О; аналогичный вывод воспроизведен в определении от 28 апреля 2022 г. № 902-О). В 2023 году дополнительно отмечено, что работодатель не вправе уклониться от установления индексации (определение от 28 февраля 2023 г. № 395-О). Эта позиция сохранена в определениях от 24 декабря 2024 г. № 3486-О и от 27 марта 2025 г. № 666-О.

Одновременно Конституционный Суд Российской Федерации проводит границу между конституционным содержанием гарантии и определением её количественных параметров. Требование заявителя установить обязанность работодателя индексировать заработную плату непосредственно исходя из индекса потребительских

цен было расценено как вопрос, предполагающий внесение изменений в действующее правовое регулирование (определение от 30 ноября 2023 г. № 3195-О). Проверка конкретного локального порядка и правильности его применения также не относится к полномочиям Конституционного Суда Российской Федерации (определения № 395-О и № 3486-О). В результате конституционно-правовая позиция подтверждает обязательность индексации, но не устанавливает минимальную меру сохранения покупательной способности заработной платы.

На уровне общей правовой оценки кассационные суды исходят из императивного характера ст. 134 ТК РФ. Отсутствие у работодателя локального нормативного акта, регулирующего индексацию, само по себе не прекращает право работника на повышение реального содержания заработной платы. Принятие локальных нормативных актов в силу ст. 22 ТК РФ относится к правам работодателя, однако непринятие такого акта не должно препятствовать судебной защите работника (определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 30 октября 2025 г. по делу № 8Г-22837/2025). При полном отсутствии локального порядка суды допускают расчет подлежащих взысканию сумм с использованием официального индекса потребительских цен (определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 5 февраля 2026 г. по делу № 8Г-24377/2025).

Вместе с тем отсутствие локального порядка не всегда влечет взыскание индексации. В административном споре по предписанию государственной инспекции труда суд признал достаточным фактическое повышение тарифных ставок и выплату премий, хотя положения о порядке индексации в локальных актах отсутствовали (кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 30 июня 2026 г. по делу № 8а-17675/2026). Следовательно, единообразие существует только на уровне признания обязанности обеспечить повышение реального содержания заработной платы. Правовые последствия отсутствия локального порядка зависят от того, признает ли суд другие выплаты функционально заменяющими индексацию.

Такое положение создает регулятивную асимметрию. Работодатель обязан установить индексацию, однако при судебной проверке отсутствие установленного порядка может быть восполнено либо расчетом по внешнему показателю, либо доказательствами общего роста выплат. Выбор способа восстановления нарушенного права фактически переносится из закона в судебное усмотрение.

Основным ориентиром для судов является п. 10 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2017), утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 15 ноября 2017 г. В нем закреплено право работодателей, не получающих бюджетного финансирования, самостоятельно определять периодичность индексации, порядок расчета её величины и перечень индексируемых выплат с учетом специфики деятельности и платежеспособности. Этот подход

воспроизводится в кассационной практике (определения Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 15 апреля 2025 г. по делу № 8Г-7526/2025, Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 13 августа 2025 г. по делу № 8Г-14278/2025 и от 1 декабря 2025 г. по делу № 8Г-20122/2025, Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 27 ноября 2025 г. по делу № 8Г-19103/2025).

Широкое понимание автономии работодателя приводит к признанию допустимыми существенно различающихся локальных моделей. Суды признавали соответствующими ст. 134 ТК РФ порядок, допускающий индексацию в размере от одного до ста процентов официального индекса потребительских цен и не реже одного раза в пять лет (определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 14 апреля 2026 г. по делу № 8Г-6180/2026), а также порядок, связывающий её проведение с достижением заранее установленного показателя прибыли (определение того же суда от 26 мая 2026 г. по делу № 8Г-11094/2026). Допустимой признавалась и замена индексации по индексу потребительских цен специальной ежемесячной выплатой, предусмотренной локальным актом с учетом финансового положения организации (определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 24 ноября 2025 г. по делу № 8Г-19904/2025).

Указанные решения свидетельствуют о преобладании подхода, при котором соблюдение самого локального порядка имеет приоритет перед проверкой достигнутого экономического результата. Однако индексация один раз в несколько лет либо в размере незначительной доли роста потребительских цен объективно не обеспечивает сохранение покупательной способности заработной платы. Если единственным критерием законности выступает соответствие действий работодателя принятому им же локальному акту, содержание государственной гарантии оказывается зависимым от воли обязанного лица.

Учет финансового положения работодателя необходим для поддержания баланса интересов сторон трудового отношения: именно такой подход является единственным объяснением отсутствия концептуальных изменений в рассматриваемую статью за весь период действия ТК РФ. Вместе с тем платежеспособность должна влиять на способ и сроки исполнения обязанности, но не превращать индексацию в условную выплату. Иной подход смешивает государственную гарантию с мерами стимулирования, предоставляемыми при наличии экономического результата.

Вопрос о допустимости замены индексации иными выплатами обусловлен различием правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации. В определении от 24 апреля 2017 г. № 18-КГ17-10 указано, что индексация не является единственным способом повышения реального содержания заработной платы. Обязанность работодателя может исполняться посредством периодического увеличения окладов и выплаты премий безотносительно к установленному порядку индексации. В определении от 8 апреля 2019 г. № 89-КГ18-14 сформулирован более

строгий подход: суд должен установить правовую природу произведенных выплат и выяснить, осуществлялись ли они именно в целях повышения покупательной способности заработной платы. Повышение реального содержания заработной платы в иной, отличной от индексации форме было признано не соответствующим ст. 134 и ч. 6 ст. 135 ТК РФ.

В кассационной практике 2025–2026 гг. применяются оба подхода. Чаще суды исходят из достаточности фактического роста выплат: повышение оклада и премирование признаются исполнением обязанности, если они предусмотрены системой оплаты труда или названы локальным актом мерой повышения реального содержания заработной платы (определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 19 марта 2026 г. по делу № 8Г-5679/2026, определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 24 июня 2026 г. по делу № 8Г-10740/2026, кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 30 июня 2026 г. по делу № 8а-17675/2026).

Содержательный подход также сохраняется. Суд отказался учитывать годовое вознаграждение, выплату к отпуску, добровольное медицинское страхование и иные меры социальной поддержки как замену индексации, поскольку они имели иную правовую цель и не обеспечивали устойчивого повышения покупательной способности заработной платы (определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 21 мая 2026 г. по делу № 8Г-5778/2026). В другом деле судебные акты были отменены из-за того, что нижестоящие суды не исследовали локальные акты и правовую природу выплат; получение заработной платы выше прожиточного минимума не было признано доказательством исполнения ст. 134 ТК РФ (определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 18 июня 2026 г. по делу № 8Г-17643/2026).

С учётом общих начал трудового законодательства представляется, что не всякое увеличение совокупного дохода работника может засчитываться в счет индексации. Для этого выплата должна входить в систему оплаты труда, носить регулярный и гарантированный характер, применяться на основании общего правила и обеспечи-

вать устойчивое увеличение заработной платы в связи с ростом потребительских цен. Разовые поощрения, компенсации расходов и меры социальной поддержки этим признакам не отвечают.

Проведенное исследование показывает, что развитие судебной практики не устранило правовую неопределенность применения ст. 134 ТК РФ, а изменило её предмет. Обязанность работодателя обеспечить повышение уровня реального содержания заработной платы и установить индексацию получила устойчивое признание судебной практики. Однако обязательный характер гарантии не обеспечен минимальными требованиями к её размеру, периодичности и способу исполнения и, по мнению Конституционного Суда РФ, не может быть решён без соответствующей воли законодателя.

Сформировались два направления судебной оценки. Первое ориентировано прежде всего на соблюдение порядка, самостоятельно установленного работодателем, и допускает зачет общего роста окладов и премий. Второе требует определить правовую природу выплат и установить, направлены ли они на устойчивое сохранение покупательной способности заработной платы. Именно второе направление в большей степени соответствует пониманию индексации как государственной гарантии, поскольку не позволяет подменять её разовыми и дискреционными выплатами.

Для повышения определенности регулирования целесообразно дополнить ст. 134 ТК РФ минимальной периодичностью индексации и объективным ориентиром её размера. В качестве общего правила индексация могла бы проводиться не реже одного раза в год с учетом официального индекса потребительских цен. Платежеспособность работодателя может учитываться при определении порядка и сроков исполнения, но не служить основанием полного отказа от гарантии.

Одновременно необходимо закрепить условия зачета иных выплат в счет индексации: их включение в систему оплаты труда, регулярность, гарантированность, применение на основании общего правила и измеримый вклад в сохранение покупательной способности заработной платы.

Литература:

1. Дивеева Н. И., Лаврикова М. Ю. Индексация заработной платы: некоторые правовые проблемы реализации ст. 134 ТК РФ // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 11 (108). С. 74–80. DOI: 10.17803/1994–1471.2019.108.11.074–080.
2. Дивеева Н. И., Кузьменко А. В., Лаврикова М. Ю. Индексация заработной платы: механизмы реализации работодателями ст. 134 ТК РФ // Ежегодник трудового права. 2021. Т. 11. С. 146–156.
3. Шаповал Е. А. Индексация заработной платы как средство обеспечения повышения уровня реального содержания заработной платы // Кадровик. 2020. № 12.

Процессуальные последствия противоречия между позицией доверителя и действиями его представителя

Бабушкин Иван Анатольевич, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье исследуются последствия расхождения между волеизъявлением лица, участвующего в деле, и действиями его судебного представителя в арбитражном процессе. На основе анализа норм о полномочиях представителя, распорядительных действиях, признании обстоятельств и процессуальном эстоппеле, а также с учётом материалов актуальной судебной практики, обосновывается необходимость дифференцировать три группы ситуаций: противоречие в объяснениях по фактическим обстоятельствам и правовой аргументации, отказ доверителя от признания фактов, сделанного представителем, и конфликт при совершении распорядительных действий. Показано, что внутренние указания доверителя сами по себе не устраняют внешнее процессуальное полномочие и состоявшиеся распоряжения. Вместе с тем своевременно выраженное непосредственно суду несогласие доверителя должно препятствовать принятию еще не завершенного распорядительного действия.

Ключевые слова: судебное представительство, полномочие представителя, признание иска, признание фактических обстоятельств, отказ от иска, процессуальный эстоппель, арбитражный процесс.

Судебное представительство позволяет лицу участвовать в деле через профессионального посредника, однако процессуальные действия представителя совершаются от имени представляемого и порождают последствия непосредственно для него. Поэтому расхождение между текущей позицией доверителя и уже сделанным заявлением представителя нельзя считать только внутренним конфликтом участников договора об оказании юридической помощи. Оно затрагивает одновременно автономию доверителя, устойчивость процесса и оправданное доверие суда и другой стороны к внешне надлежащему полномочию.

Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — АПК РФ) не содержит общей нормы о разрешении такого противоречия. Статья 62 АПК РФ определяет объем общих и специально оговариваемых полномочий, статьи 49 и 70 устанавливают неодинаковые правила для распорядительных действий и признания обстоятельств, а статья 9 возлагает на участников риск последствий совершения или несовершения процессуальных действий. В результате один и тот же довод о том, что представитель действовал вопреки воле доверителя, получает в судебной практике различную оценку. Причина различий состоит не столько в непоследовательности судов, сколько в неоднородности самих действий представителя.

В научной литературе статус судебного представителя объясняется через сочетание производности полномочий и самостоятельности участия в процессе. Э. С. Алоян отмечает, что представитель выступает самостоятельным участником процессуальных отношений, но результат его действий возникает в правовой сфере представляемого [1, с. 152–158]. Е. В. Михайлова, напротив, особенно подчеркивает отсутствие у представителя собственного интереса в исходе дела и его обязанность передавать суду позицию доверителя. При выявлении действий против интересов представляемого автор предлагает выяснять позицию

последнего, а при необходимости откладывать разбирательство [2, с. 154–172]. Эта идея справедливо защищает личную автономию стороны, но требует ограничения: до тех пор, пока суду предъявлено действующее внешнее полномочие, внутреннее несогласие не может автоматически обесценивать каждое действие представителя. При иной логике институт судебного представительства в значительной степени ущемляется.

А. С. Федина связывает пределы самостоятельности представителя с характером конкретного полномочия: в использовании средств состязательной деятельности самостоятельность шире, а осуществление диспозитивных прав сильнее зависит от воли доверителя [4, с. 135–143]. Такой подход позволяет сформулировать исходную гипотезу настоящего исследования. Процессуальное последствие конфликта должно определяться не абстрактным приоритетом доверителя или представителя, а видом действия, стадией его совершения и тем, мог ли суд разумно полагаться на предъявленное полномочие.

Материалом исследования выступили судебные акты по делам № № А51–21635/2023, А56–28326/2013, А53–3714/2015, А19–1567/2017 и А60–3716/2021. Их сопоставление позволяет выделить три модели конфликта: изменение объяснений и правовой квалификации, последующее отрицание признанных представителем обстоятельств и оспаривание распорядительного действия, совершенного в пределах специального полномочия. Научная новизна исследования состоит в построении для этих моделей единого временного критерия: до завершения процессуального действия непосредственно выраженная суду воля доверителя может изменить его ход, но после возникновения предусмотренного законом результата простая смена позиции не устраняет уже наступившие последствия.

Первую группу образуют объяснения о правовой природе отношения, оценке доказательств, размере требования, применимой норме, а также обычные ходатайства

и возражения. Представитель вправе совершать их на основании общего полномочия. Такие заявления не являются безусловно обязательными для суда и обычно не исключают последующей корректировки позиции (АПК РФ прямо предусматривает право истца на уточнение исковых требований). Суд оценивает их вместе с доказательствами, а неверная правовая квалификация стороны не связывает суд. Поэтому непосредственное возражение доверителя против довода представителя должно рассматриваться как уточнение общей позиции участника дела, а не как основание автоматически удалить прежнее объяснение из процесса.

Однако свобода корректировки позиции не равна праву на немотивированное противоречивое поведение. В деле № А53–3714/2015 Пятнадцатый арбитражный апелляционный суд указал, что замена представителя ответчика сама по себе не является достаточным основанием для изменения ранее объявленной позиции. Суд связал такой поворот с недопустимостью непоследовательного и противоречивого поведения (процессуальный эстоппель, как указал суд «non concedit venire contra factum proprium»). В деле № А19–1567/2017 ответчик в отзыве в суде первой инстанции полностью признал задолженность, но в апелляции выдвинул новые возражения относительно ее размера. Арбитражный суд Восточно-Сибирского округа счел недопустимым отказ от ранее занятой позиции без убедительного объяснения. В обоих случаях суды отождествили процессуальную позицию не с личностью конкретного представителя, а с самой стороной.

В доктрине процессуальный эстоппель характеризуется как следствие добросовестности и запрета злоупотребления процессуальными правами, хотя его содержание прямо и исчерпывающе в кодексах не закреплено [3, с. 9–13]. Поэтому эстоппель не должен превращаться в формальный запрет исправлять ошибку представителя. Для его применения необходимо установить по меньшей мере несовместимость позиций, отсутствие разумного объяснения перемены и возникновение процессуального доверия к первоначальному заявлению. Иное смешивало бы санкцию за недобросовестность с обычной оценкой доказательств.

Вторую группу составляет признание обстоятельств по статье 70 АПК РФ, которое по своей сути отличается от признания иска. Признание факта относится к доказательственной деятельности и освобождает другую сторону от необходимости доказывания соответствующего обстоятельства. Для признания обстоятельств специальное полномочие представителя статьей 62 АПК РФ не установлено, тогда как признание иска требует прямого указания в доверенности. Следовательно, признание обстоятельства, сделанное представителем с общими полномочиями, относится к процессуальным действиям самой стороны.

При оценке конфликта необходимо учитывать, что часть 4 статьи 70 АПК РФ не допускает принятия признания обстоятельства, когда суд располагает данными о его совершении для сокрытия фактических обстоя-

тельств либо под влиянием обмана, насилия, угрозы или заблуждения. Поэтому прямое и немедленное возражение присутствующего доверителя является не автоматической отменой слов представителя, а обстоятельством, которое лишает заявление требуемой однозначности и обязывает суд выяснить причины расхождения.

Такое разграничение соответствует функции признания факта. Возможность без объяснения отозвать любое признание после того, как другая сторона отказалась от сбора и представления доказательств, особенно «скоропортящихся», превращала бы состязательность в одностороннее преимущество. Вместе с тем немедленно выявленное расхождение не позволяет считать признание бесспорным и требует исследования соответствующего обстоятельства в общем порядке.

Третья группа включает отказ от иска, признание иска, изменение его предмета или основания, заключение мирового соглашения и иные распорядительные действия. Они непосредственно изменяют судьбу заявленного требования и требуют специального полномочия, прямо указанного в доверенности. Кроме проверки полномочия суд осуществляет содержательный контроль по части 5 статьи 49 АПК РФ: не принимает действие, если оно противоречит закону или нарушает права других лиц. В пункте 29 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2021 г. № 46 дополнительно разъяснено, что отказ от иска противоречит закону, если он совершен вследствие обмана, насилия, угрозы, под влиянием существенного заблуждения либо при отсутствии полномочий.

Различие внешней и внутренней сторон представительства последовательно проявилось в деле № А56–28326/2013. Представитель истца отказался от иска, имея доверенность со специально оговоренным полномочием. Позднее доверитель утверждал, что к этому моменту доверенность была отменена. Однако до принятия отказа суд не был уведомлен о прекращении полномочий, а документ об отмене был представлен только при обжаловании определения. Федеральный арбитражный суд Северо-Западного округа постановлением от 27 марта 2014 г. № Ф07–1321/2014 оставил прекращение производства в силе и возложил на доверителя риск несвоевременного извещения суда. Суд указал на доступные способы оперативного уведомления, включая телеграмму и электронную систему подачи документов.

Приведенное дело показывает, что внутреннее решение об отмене доверенности не имеет ретроактивного процессуального эффекта для суда, который добросовестно исходил из внешнего полномочия. Но из него не следует безусловный приоритет представителя. Если уведомление об отмене поступило до принятия отказа, признания иска или мирового соглашения, специальное полномочие более не подтверждено и суд не вправе завершать соответствующее действие. Критическим является момент, когда распорядительное волеизъявление принято судом и породило предусмотренный законом результат.

Нарушение представителем внутренних инструкций, результатов согласования действий с доверителем, не остается без последствий. Оно может повлечь гражданско-правовую ответственность по договору, возврат вознаграждения, возмещение убытков, а для адвоката также дисциплинарную ответственность. Эти последствия, однако, относятся к внутреннему отношению и не должны автоматически разрушать процессуальный результат, возникший при наличии внешнего полномочия. Разделение внешнего и внутреннего эффектов позволяет не перекладывать на суд и процессуального оппонента риск организации отношений доверителя с выбранным им представителем.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что универсального правила о приоритете позиции довери-

теля либо действия представителя не существует. Внешне подтвержденное полномочие обеспечивает суду возможность относить действия представителя к стороне, а своевременно раскрытая личная воля доверителя ограничивает продолжение еще не завершеного распорядительного действия. Простая замена представителя и немотивированный отказ от прежней позиции не устраняют наступившие последствия и могут быть оценены через процессуальный эстоппель. Напротив, немедленно зафиксированный конфликт до принятия признания или отказа требует от суда уточнения позиции и проверки полномочий. Именно сочетание предметного и временного критериев дает предсказуемое решение, не жертвуя ни автономией доверителя, ни устойчивостью правосудия.

Литература:

1. Алоян Э. С. О некоторых аспектах правового положения представителя в цивилистическом процессе // Юридический вестник Самарского университета. 2018. Т. 4. № 4. С. 152–158. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2018-4-4-152-158>.
2. Михайлова Е. В. Правовой статус представителя в цивилистическом процессе: теоретические и практические аспекты // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 16. № 3. С. 154–172. DOI: <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2023.3.154.172>.
3. Вострикова А. М., Руф В. С. Процессуальный эстоппель: к вопросу о правовой природе // Уральский журнал правовых исследований. 2024. № 2 (27). С. 9–13.
4. Федина А. С. К вопросу о реализации принципов права в судебном представительстве по гражданским делам // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 1 (77). С. 135–143.

Срок обращения в суд по требованиям об оплате труда: объективное начало и пределы учёта неосведомлённости работника

Бабушкин Иван Анатольевич, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье исследуется соотношение исковой давности и сроков обращения в суд, установленных ст. 392 Трудового кодекса Российской Федерации, применительно к требованиям о невыплате или неполной выплате заработной платы. На основе анализа правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации и кассационных судов общей юрисдикции 2020–2026 гг. обосновано, что годичный срок части второй ст. 392 ТК РФ имеет объективно определённое начало — день, установленный для соответствующей выплаты. Фактическая неосведомлённость работника сама по себе не переносит этот момент. Однако обусловленная поведением работодателя невозможность получить существенные сведения о составе и основаниях начисления должна учитываться при восстановлении пропущенного срока. Предложены критерии, позволяющие отличить юридически значимую информационную недоступность от пассивности работника, незнания права и поздней переоценки уже известных обстоятельств.

Ключевые слова: срок обращения в суд, статья 392 ТК РФ, восстановление срока.

Статья 392 Трудового кодекса Российской Федерации (далее — ТК РФ) устанавливает несколько сроков судебной защиты трудовых прав. По общему правилу работник вправе обратиться в суд в течение трёх месяцев со дня, когда он узнал или должен был узнать о нарушении своего права. Этот срок является субъективным, то есть связан непосредственно с истцом и его реальной или иде-

альной осведомлённостью о нарушении права. Вместе с тем, для требований о взыскании заработной платы и других причитающихся работнику сумм часть вторая той же статьи предусматривает годичный срок, который начинает течь со дня установленного срока выплаты. Различие формулировок принципиально: в первом случае законодатель прямо использует субъективно-объективный

критерий осведомлённости, а во втором называет календарно определяемое событие исполнения денежной обязанности.

На практике это различие обостряется в спорах о скрытых недоначислениях. Работник получает денежную сумму, но не знает, что при расчёте не применён районный коэффициент, неправильно определён оклад, исключена надбавка, занижена премия или не учтена часть рабочего времени. Иногда нарушение выявляется после выдачи документов при увольнении, проверки инспекции труда, ознакомления с локальным актом либо решения по иску другого работника. Возникает вопрос: должен ли годичный срок начинаться лишь с фактического обнаружения нарушения или поздняя осведомлённость может иметь значение только при решении вопроса о восстановлении уже пропущенного срока.

В научной литературе сроки статьи 392 ТК РФ квалифицируются неодинаково. Н. А. Князева подчёркивает их материально-правовую природу и необходимость специального регулирования порядка применения и восстановления [1, с. 451–457]. В. А. Крыжан связывает проблемы исчисления срока по требованиям об оплате труда с разнообразием элементов заработной платы и различиями в моменте возникновения обязанности по их выплате [2, с. 36–39]. С. А. Комков рассматривает сроки обращения в комиссию по трудовым спорам и в суд как сроки исковой давности, отмечая нецелесообразность исчерпывающего перечня уважительных причин их пропуска [3, с. 37–41]. М. В. Пресняков, напротив, обращает внимание на неточность механического переноса гражданско-правовой терминологии в трудовое право [4, с. 53–65]. Дискуссия имеет практическое значение, поскольку от квалификации зависит допустимость применения общих правил Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ).

Так, исковая давность в смысле ст. 195 ГК РФ является сроком для защиты нарушенного права по иску. Её течение по общему правилу начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении права и о надлежащем ответчике. Сроки статьи 392 ТК РФ выполняют сходную стабилизирующую функцию, применяются по заявлению ответчика и при их пропуске без уважительных причин приводят к отказу в иске. Однако функциональное сходство не означает тождества правовых режимов. Трудовой кодекс самостоятельно определяет продолжительность, начало и восстановление этих сроков. Правила о приостановлении, перерыве и предельном сроке исковой давности, содержащиеся в ГК РФ, непосредственно к индивидуальному трудовому спору не применяются. Поэтому корректнее говорить о специальных материально-правовых сроках обращения в суд, функционально аналогичных исковой давности, но регулируемых трудовым законодательством [5].

Такой вывод исключает автоматическое применение п. 1 ст. 200 ГК РФ к требованиям об оплате труда. В части второй ст. 392 ТК РФ законодатель сознательно отказался от формулы «узнал или должен был узнать», со-

хранённой в части первой этой статьи, и установил специальное начало срока. День установленной выплаты определяется ст. 136, 140 ТК РФ, трудовым договором, правилами внутреннего трудового распорядка, коллективным договором, а для отдельных выплат — локальным нормативным актом или иным источником, предусматривающим соответствующее основание. Для ежемесячных недоначислений годичный срок исчисляется отдельно по каждой выплате. Для сумм, причитающихся при увольнении, отправной точкой обычно является день окончательного расчёта.

Однако объективность начала срока не делает осведомлённость полностью юридически безразличной. В конструкции рассматриваемой нормы день выплаты определяет начало, а информационное положение работника оценивается при восстановлении срока по части пятой. Смещение этих стадий приводит к двум противоположным проблемам. Первая состоит в переносе начала срока на любую названную работником дату обнаружения нарушения. Вторая — в отказе исследовать причины неосведомлённости на том основании, что закон уже объективно определил день начала срока, и, как следствие, пресекательно исключил возможность судебного разбирательства.

Конституционный Суд Российской Федерации в определении от 25 ноября 2020 г. № 2658-О связал часть вторую ст. 392 ТК РФ с обязанностью работодателя по ст. 136 ТК РФ. Суд указал, что работник должен узнать о невыплате или неполной выплате в день установленной выплаты заработной платы и получения расчётного листка. Эта формула иногда воспринимается как возвращение к субъективному моменту. Однако её содержание иное: закон презюмирует осведомлённость к установленной дате, поскольку одновременно с выплатой работодатель обязан раскрыть составные части заработной платы, иные начисленные суммы, удержания и общий размер выплаты. Расчётный листок выступает информационной гарантией, поддерживающей объективную модель начала срока.

В определении от 30 октября 2025 г. № 2680-О Конституционный Суд Российской Федерации уточнил эту позицию. Годичный срок признан достаточным для подготовки иска и направленным на быстрое восстановление права на оплату труда. По делам о невыплате или неполной выплате работник должен узнать о нарушении в день, установленный для выплаты. Вместе с тем суд при решении вопроса о восстановлении срока обязан проверить всю совокупность обстоятельств, которые не позволили своевременно обратиться в суд, включая доводы о неполучении расчётных листов и о делящемся характере нарушения. Следовательно, непредоставление информации не изменяет нормативную отправную точку автоматически, но не может быть исключено из оценки уважительности причин пропуска.

Из этих позиций следует различать фактическую и нормативную осведомлённость. Фактическая осведомлённость означает, что работник действительно понял

характер и размер недоплаты. Нормативная осведомлённость представляет собой вывод о том, что к установленному сроку выплаты работнику должны были быть доступны достаточные сведения для разумной проверки расчёта. Часть вторая ст. 392 ТК РФ опирается прежде всего на вторую категорию. Если сведения были раскрыты либо работник без препятствий мог их получить, позднее фактическое понимание не переносит начало срока. Если же информационная доступность была разрушена действиями работодателя, презумпция осведомлённости сохраняет значение для исчисления, но может быть опровергнута в целях восстановления срока.

Строгий подход последовательно выражен в определении Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 29 апреля 2025 г. по делу № 88–3476/2025. Работник требовал взыскать заниженные премии и ссылался на то, что узнал о незаконности их уменьшения только после рассмотрения аналогичного спора другого работника. Кассационный суд указал, что получение новой правовой оценки известных выплат не изменяет порядок исчисления срока и само по себе не является уважительной причиной. Истец был ознакомлен с трудовым договором, дополнительными соглашениями и локальным актом, ежемесячно получал премию в меньшем размере и мог своевременно проверить расчёт. Существенно, что суд оценил не только факт позднего знания, но и доступность исходной информации в спорный период.

Аналогичная логика применена Восьмым кассационным судом общей юрисдикции в определении от 10 апреля 2025 г. по делу № 8Г-5243/2025. Довод о неполучении расчётных листов был отклонён, поскольку истец получал заработную плату и не доказал, что обращался за листками, а работодатель отказал в их выдаче. Суд исходил из возможности получить сведения о составе выплаты и проверить её правильность. Тем самым отсутствие документа признано недостаточным без установления причинной связи между поведением работодателя и невозможностью предъявить иск. Этот подход предупреждает превращение простой ссылки на неосведомлённость в универсальный способ взыскания выплат за неограниченный период.

Иной подход представлен определением Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 28 февраля 2023 г. по делу № 88–3183/2023. Работодатель прекратил начислять районный коэффициент, расчётные листки в период работы не выдавал, а работник обнаружила нарушение при получении документов после увольнения. Суды признали причины пропуска уважительными и взыскали коэффициент за период, выходящий за пределы одного года до предъявления иска. В данном случае значение имела не субъективная убеждённость работницы в правильности расчёта, а недоступность документа, который должен был раскрывать изменение структуры заработной платы.

Следовательно, в кассационной практике спор фактически разрешается не через выбор между объективным и субъективным началом срока. Суды проверяют, имел

ли работник к дате выплаты минимально достаточный набор сведений и проявил ли разумную заботливость при их получении. Различие результатов объясняется фактическими обстоятельствами: наличием или отсутствием расчётных листов, содержанием трудового договора и локальных актов, доступностью показателей расчёта, обращениями работника за документами, отказами работодателя и оперативностью предъявления иска после раскрытия информации.

Субъективную неосведомлённость целесообразно оценивать по пяти взаимосвязанным критериям. Во-первых, скрытая информация должна быть существенной для выявления самого нарушения (должен возникнуть сам спор), а не только для точного расчёта иска. Во-вторых, сведения должны находиться преимущественно у работодателя и не следовать очевидно из суммы фактической выплаты. В-третьих, работодатель должен не исполнить информационную обязанность, отказать в документах либо предоставить сведения в форме, не позволяющей разумно установить состав начислений. В-четвёртых, работник должен проявить доступную ему осмотрительность: запросить документы, изучить вручённые акты либо иным способом попытаться проверить расчёт. В-пятых, после получения необходимых сведений он должен обратиться за защитой без неоправданной задержки.

Распределение бремени доказывания должно учитывать информационную асимметрию трудового отношения. Работник обязан указать, каких именно сведений ему не хватало, почему без них нарушение не могло быть выявлено, когда и каким образом информация была получена, какие действия предпринимались ранее и насколько быстро последовало обращение в суд. Работодатель, ссылающийся на пропуск срока, должен представить документы об установленной дате выплаты и доказательства исполнения обязанностей по информированию: расчётные листки, подтверждение их направления или вручения, локальные акты и сведения об ознакомлении с ними. Формальный вывод о том, что работник «мог обратиться», без оценки доступности расчётной базы не соответствует позиции Конституционного Суда Российской Федерации 2025 года — ведь в конце концов, начисление и выплата заработной платы в соответствии со всеми нормами трудового права является обязанностью работодателя, а обязанность по контролю за начислениями в ТК РФ работнику не вменяется.

Если считать срок статьи 392 ТК РФ обычной гражданско-правовой исковой давностью, возникает вероятность перенести начало на момент фактического или предполагаемого знания по ст. 200 ГК РФ, вне зависимости от буквального содержания нормы ТК РФ. Если признать его пресекательным, восстановление превращается в исключение, толкуемое чрезмерно узко. Специальная трудовая природа срока позволяет одновременно сохранить определённую объективного начала и компенсировать организационную зависимость работника через гибкую оценку уважительных причин [3; 4]. П. А. Ильичев спра-

ведливо отмечает необходимость разграничивать исковую давность и иные материально-правовые сроки обращения в суд, несмотря на сходство их функций [5].

Предлагаемое толкование может быть выражено следующим правилом. Годичный срок по части второй ст. 392 ТК РФ по буквальному содержанию статьи начинается на следующий день после установленного срока каждой спорной выплаты независимо от даты фактического осознания нарушения. Если на эту дату у работника отсут-

ствовала объективная возможность установить неполноту выплаты вследствие неисполнения работодателем своих обязанностей или сокрытия существенных элементов расчёта, данное обстоятельство оценивается как возможная уважительная причина восстановления срока. Восстановление допускается при доказанной причинной связи между информационным нарушением и несвоевременным иском, а также при разумной активности работника после получения сведений.

Литература:

1. Князева Н. А. Сроки обращения за защитой трудовых прав работников: юридическая природа, продолжительность и порядок применения // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 4. С. 451–457.
2. Крыжан В. А. Срок обращения в суд по спорам о взыскании заработной платы: актуальные проблемы // Трудовое право в России и за рубежом. 2018. № 1. С. 36–39.
3. Комков С. А. Исковая давность в трудовом праве: теория и практика правоприменения // Сибирский юридический вестник. 2021. № 2. С. 37–41. DOI: 10.26516/2071–8136.2021.2.37.
4. Пресняков М. В. Сроки исковой давности в трудовом праве: о словах и терминах // Журнал российского права. 2018. № 3. С. 53–65. DOI: 10.12737/art_2018_3_5.
5. Ильичев П. А. О соотношении сроков исковой давности и сроков обращения в суд // Актуальные проблемы российского права. 2011. № 4. С. 141–148.

Внеконкурсное оспаривание сделок должника: пределы кредиторского вмешательства

Бабушкин Иван Анатольевич, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье исследуется сформированный судебной практикой институт оспаривания кредитором сделок должника вне конкурсного производства, то есть без возбуждения дела о банкротстве. На основе научных работ и судебных актов 2025–2026 гг. разграничены предпосылки допустимости кредиторского иска и основания недействительности сделки. Показано, что наличие задолженности или неизбежность её возникновения обосновывают интерес кредитора (право на вмешательство), но не заменяют доказывание объективного вреда, умысла должника и осведомленности контрагента. Проанализированы особенности оценки неравноценности при передаче договорной позиции по выкупному лизингу, соотношение статей 10, 168 и 170 ГК РФ, а также изменение режима защиты после открытия конкурсного производства. Предложен четырехэлементный тест внеконкурсного оспаривания и механизм преобразования индивидуального иска в коллективный способ защиты при последующем банкротстве должника.

Ключевые слова: внеконкурсное оспаривание, злоупотребление правом, недействительность сделки.

Российское законодательство подробно регулирует оспаривание сделок должника после открытия процедуры конкурсного производства, но не содержит общего состава, позволяющего кредитору вернуть выведенный актив до наступления этой стадии. Между тем потребность в защите возникает раньше: должник может подарить имущество родственнику, уступить договорную позицию аффилированному лицу либо продать ликвидный актив по цене, исключающей реальное удовлетворение требования. В некоторых случаях основания для обращения в арбитражный суд с заявлением о несостоятельности должника отсутствуют вовсе; в некоторых

ожидание конкурсного производства увеличивает риск дальнейшего отчуждения имущества. С другой стороны, самостоятельное вмешательство кредитора в чужое обязательство также способно нарушить устойчивость оборота и является скорее исключением.

В научной литературе данная форма защиты обозначается как внеконкурсное кредиторское оспаривание или Паулианов иск. К. А. Усачева рассматривает его предпосылки, составы, последствия и соотношение с конкурсным оспариванием в контексте российской и европейской традиции [1, с. 8–54]. О. М. Свириденко связывает практическую необходимость института с отсутствием прямого

механизма оперативного возврата активов и обращает внимание на опасность двойного оспаривания [2, с. 105–112]. М. А. Волчанский анализирует возможность защиты до введения конкурсного производства [3].

Цель исследования состоит в определении пределов допустимого кредиторского вмешательства в сделку должника и его контрагента. Эмпирическую основу составили судебные акты арбитражных судов. Применены формально-юридический, сравнительный и системный методы.

Научная новизна исследования заключается в разграничении двух самостоятельных вопросов, которые в практике нередко объединяются. Первый вопрос касается допустимости иска: вправе ли конкретный кредитор вторгнуться в обязательственные отношения должника и контрагента. Второй относится к существу спора: доказан ли такой порок сделки, который оправдывает ее недействительность. Положительный ответ на первый вопрос не создает презумпции положительного ответа на второй. На этой основе предлагается сформированный по обстоятельствам судебных актов четырехэлементный тест, включающий проверку интереса кредитора, объективного вреда, субъективной недобросовестности и соразмерности последствия.

Наиболее последовательное описание внеконкурсного иска дано в постановлении арбитражного суда по делу № А46–9169/2024. Налоговый орган оспаривал четыре договора перенайма, по которым общество передало иному лицу права и обязанности лизингополучателя в отношении двух полуприцепов и двух тягачей. К моменту передачи первоначальный лизингополучатель внес значительную часть платежей, тогда как согласованная цена уступаемой позиции была существенно ниже общей суммы ранее произведенных предоставлений. Налоговый орган полагал, что сделки совершены для вывода актива в период налоговой проверки и исключения обращения на него взыскания.

Суд первой инстанции отказал в иске, поскольку предметы лизинга принадлежали лизингодателю, а первоначальный лизингополучатель освободился от будущих платежей. Апелляционный суд, напротив, признал сделки мнимыми и недействительными по статьям 10 и 168 ГК РФ, сославшись на утрату оплаченной договорной позиции и отсутствие эквивалентного встречного предоставления. Суд округа отменил оба акта и направил дело на новое рассмотрение. Причиной отмены стало не отрицание самого внеконкурсного способа защиты, а недостаточность исследования стоимости переданного актива, поведения участников и надлежащих последствий.

Суд округа квалифицировал требование как косвенный иск, предъявляемый кредитором от имени имущественной массы должника. Удовлетворение такого иска не передает кредитору правовой титул на возвращенный актив. Имущество или его стоимость возвращаются должнику, после чего кредитор получает лишь возможность обратиться на них взыскание в общем порядке. Такая конструкция объясняет, почему кредитор вправе ини-

цировать спор, не являясь стороной сделки, но одновременно ограничивает присуждение его действительным защитным интересом.

Однако существование требования образует только первый элемент состава. Сделка должна причинить объективный вред кредитору: создать препятствие для взыскания, сделать удовлетворение невозможным либо вывести актив, на который могло быть обращено взыскание. Если имущественная масса должника не уменьшилась, а полученное встречное предоставление доступно для исполнения, интервенция кредитора лишается материального основания. Следовательно, недостаточно доказать последовательность событий: возникновение долга, отчуждение имущества и последующее неисполнение. Необходимо причинная связь между сделкой и ухудшением перспектив взыскания.

Арбитражный суд Западно-Сибирского округа потребовал определить прогнозируемое сальдо взаимных предоставлений. Для этого необходимо установить рыночную стоимость имущества с учетом износа, остаток обязательств перед лизингодателем, вероятность дальнейшего исполнения договора первоначальным лизингополучателем и размер встречного предоставления нового участника. Сопоставлению подлежит коммерческая ценность договорной позиции с ценой ее передачи, а не цена всего предмета лизинга с номинальной суммой уступки. Этот вывод препятствует как формальному оправданию сделки будущими расходами, так и механическому признанию всей ранее уплаченной суммы вредом.

Третий элемент предложенного теста имеет субъективный характер. Для применения статей 10 и 168 ГК РФ необходимо установить умысел обоих участников, их сознательное и целенаправленное поведение во вред кредитору. Недобросовестность должника сама по себе недостаточна, поскольку контрагент может возмездно приобрести имущество, не зная о чужом обязательстве и финансовом положении отчуждателя. Судебная практика требует, чтобы злоупотребление было явным и очевидным, иначе общая оговорка статьи 10 ГК РФ превращается в средство пересмотра любой неудачной для кредитора сделки.

Бремя доказывания по общему правилу несет истец. Вместе с тем аффилированность участников, заинтересованность, необычная структура расчетов, отсутствие деловой цели, сохранение фактического контроля должника над активом и осведомленность о длительной неплатежеспособности могут обусловить перенос обязанности представить объяснения и документы на ответчиков. Само родство или корпоративная связь не предрешают спор. В деле № А46–9169/2024 суд подчеркнул, что сделки и зачет между аффилированными лицами допустимы, пока не доказаны злоупотребление и вред кредиторам.

Отдельной проверки требует соотношение оснований недействительности. Мнимая сделка по ст. 170 ГК РФ совершается без намерения достичь заявленного результата, тогда как вредоносная сделка может быть реально испол-

нена и именно благодаря исполнению уменьшить имущество должника. В деле № А46–9169/2024 апелляционный суд одновременно сослался на мнимость и статьи 10, 168 ГК РФ. Кассация указала, что заявленные основания должны рассматриваться самостоятельно, а их механическое одновременное применение недопустимо. Формальное исполнение не всегда исключает мнимость, но действительная передача прав и исполнение договора требуют прежде всего оценки вредоносной цели, а не фиктивности результата.

Переход от индивидуальной к коллективной защите является наиболее сложной границей института. В деле № А46–9169/2024 иск был предъявлен и рассмотрен нижестоящими судами до открытия конкурсного производства, которое ввели уже к моменту принятия кассационного постановления. Суд сохранил квалификацию заявленного требования как внеконкурсного, поскольку оценивал режим на момент принятия обжалуемых актов, но обязал при новом рассмотрении учитывать последующее банкротство. Это показывает, что возбуждение или развитие дела о несостоятельности не стирает ранее возникший спор, однако меняет назначение возвращаемого актива и круг затрагиваемых лиц.

Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 29 мая 2026 г. по делу № А67–1116/2022 демонстрирует противоположную ситуацию. В конкурсном производстве оспаривалось соглашение о признании долга перед подрядной организацией. Суд подтвердил приоритет п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве над общей статьей 10 ГК РФ. Применение статей 10 и 168 ГК РФ внутри банкротства допускается лишь при пороках, выходящих за пределы дефектов подозрительной сделки. Иначе общий состав позволял бы обходить специальные условия, сроки и распределение бремени доказывания.

Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 31 марта 2025 г. по делу № А67–9505/2022 служит полезным конкурсным эталоном доказывания неравноценности. Автомобиль с краном-манипулятором был продан за 500 000 руб., тогда как установленная экспертом рыночная стоимость превысила 1,2 млн руб. Оплата в полном размере не подтверждена, у должника имелись многочисленные неисполненные обязательства, а цена была кратно ниже рыночной. Суд признал совокуп-

ность условий п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве доказанной и сохранил возврат имущества в конкурсную массу.

Первый этап предлагаемого теста должен устанавливать защищаемое требование. Истец доказывает существующую задолженность либо обстоятельства, при которых ее возникновение неизбежно, а также отсутствие иного столь же эффективного способа защиты. Требование не обязательно должно быть подтверждено судебным актом, но не может быть предположительным.

На втором этапе устанавливается объективный вред. Суд сравнивает имущественное положение должника при совершенной сделке и без нее, учитывает полученное встречное предоставление, его ликвидность и доступность для взыскания. Для сложных активов определяется не номинальная стоимость имущества, а стоимость утраченного должником права. Вред должен относиться к кредиторам, отношения с которыми существовали к моменту сделки, либо к требованию, возникновение которого участники уже могли предвидеть.

Третий этап включает субъективную недобросовестность. Истец представляет совокупность признаков, подтверждающих намерение должника воспрепятствовать взысканию и знание контрагента об этой цели. Безвозмездность, кратная неравноценность, аффилированность, необычный расчет, отсутствие разумной деловой цели, сохранение пользования активом должником и близость исполнительных действий оцениваются во взаимосвязи. Ни один признак, включая родство или последующее банкротство, не должен считаться достаточным изолированно.

На четвертом этапе выбирается соразмерное последствие. Предпочтителен возврат актива или действительной стоимости в имущественную массу должника с одновременными обеспечительными мерами, исключая повторное отчуждение. Кредитор не получает преимущественного титула, а сохраняет право взыскания. Если после предъявления иска открыто конкурсное производство, результат должен поступать в конкурсную массу; управляющий и кредиторы привлекаются к спору, а индивидуальное исполнение прекращается.

Проведенный анализ показывает, что внеконкурсное оспаривание уже стало самостоятельным средством защиты, но его содержание продолжает формироваться судебной практикой.

Литература:

1. Усачева К. А. Внеконкурсное оспаривание поведения должника, причиняющего вред его кредиторам: российское право и европейская правовая традиция // Вестник гражданского права. 2017. N 5. С. 8–54.
2. Свириденко О. М. Оспаривание сделок во вред кредиторам вне процедуры банкротства (внеконкурсное оспаривание) // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. N 2. С. 105–112.
3. Волчанский М. А. Оспаривание сделки во вред кредиторам до введения конкурсного производства: комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2019 г. N 305-ЭС18–18538 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. N 8.
4. Савин Д. В. Становление и развитие внеконкурсного оспаривания в европейских правовых системах и в дореволюционной России // Пролог: журнал о праве. 2023. N 1. С. 44–53. DOI: 10.21639/2313–6715.2023.1.5.

О некоторых вопросах квалификации сделок в трудовых отношениях

Бабушкин Иван Анатольевич, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье обосновывается, что судебная практика смешивает два самостоятельных вопроса: обладает ли трудовой договор признаками сделки и допустимо ли применять к нему гражданско-правовые последствия недействительности. Суды общей юрисдикции, отказывая в реституции, нередко отрицают сделочную природу трудового договора. Арбитражные суды в делах о банкротстве, напротив, признают трудовые соглашения и выплаты оспариваемыми сделками на основании п. 3 ст. 61.1 Закона о банкротстве. Предложено рассматривать трудовой договор как особую трудовую сделку с организационным и имущественным эффектами. Дефект договора в индивидуальном трудовом споре должен устраняться специальными последствиями с сохранением оплаты выполненной работы, стажа и страховых прав, что, впрочем, не исключает применения конструкций, характерных для оценки недействительности сделок. При банкротстве предметом оспаривания должен выступать имущественный эффект соглашения, а не трудовое отношение в целом. Возврат допустим только в размере доказанного неравноценного избытка. Данная модель обозначена как отраслевая недействительность трудового соглашения.

Ключевые слова: трудовой договор, банкротство работодателя, оспаривание трудовых выплат.

В текущей российской судебной практике сложилось противопоставление: в индивидуальном трудовом споре суд общей юрисдикции отказывает в признании трудового договора недействительным, поскольку такой способ защиты не предусмотрен Трудовым кодексом Российской Федерации (далее — ТК РФ), а сам договор не считается сделкой. После возбуждения дела о банкротстве работодателя арбитражный суд проверяет тот же договор, дополнительное соглашение, приказ о премировании и произведенные выплаты как сделки. В результате правовая квалификация зависит не от содержания волеизъявления сторон, а от того, в какой юрисдикции и для защиты чьего интереса подано соответствующее заявление.

Представляется, что трудовой договор является особой трудовой сделкой, поскольку представляет собой согласованное волевое действие работника и работодателя, направленное на возникновение трудового правоотношения. Однако из этого не следует субсидиарное применение к нему всего режима главы 9 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ). Основания и последствия дефекта должны определяться с учетом личного характера труда и защитной функции трудового права.

В литературе вопрос традиционно рассматривается через выбор между полной рецепцией гражданско-правовой недействительности и отрицанием самого института. Д. В. Агашев предлагает использовать недействительность либо признание договора недействующим как способы защиты трудовых прав [1, с. 245–260]. Н. А. Бриллиантова и В. В. Архипов обосновывают необходимость специального механизма, не ухудшающего положение работника [2]. Е. В. Уракова подчеркивает, что выполненная работа должна быть оплачена независимо от дефекта договора [3]. Для банкротства проблему имущественного возврата специально исследует А. В. Егоров [4, с. 119–140].

Цель исследования состоит в разработке модели, объясняющей оба направления практики без отрицания сде-

лочной природы трудового договора и без механического переноса гражданской реституции. Для этого необходимо решить три задачи: отделить квалификацию договора от последствий его дефекта; разграничить организационный и имущественный эффекты трудового соглашения; определить предмет и пределы конкурсного оспаривания. Эмпирическую основу составили акты судов общей юрисдикции и арбитражных судов 2020–2026 гг. Используются формально-юридический, системный и сравнительный методы.

Отрицание сделочной природы наиболее определенно выражено в определении Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 13 мая 2026 г. по делу № 8Г-5163/2026 [88–6508/2026]. Работник просил признать трудовой договор недействительным, ссылаясь на несовпадение письменного условия о пятидневной рабочей неделе с фактическим режимом труда. Суд указал, что трудовое законодательство не предусматривает такого способа защиты, трудовой договор не является сделкой в смысле ст. 153 ГК РФ, а возвращение сторон в первоначальное положение невозможно. Нарушение было устранено посредством взыскания компенсации по ТК РФ.

В этой позиции обоснованным является вывод о неприменимости двусторонней реституции, но не вывод о природе договора. Статья 153 ГК РФ связывает сделку с волевым действием, направленным на установление, изменение или прекращение прав и обязанностей. Заключение трудового договора отвечает данным признакам: работник и работодатель согласуют волю, создавая взаимные права и обязанности. Личный и организационный характер возникающего отношения отличает трудовой договор от гражданского, но не устраняет его значение как юридического акта. Невозможность возвратить предоставленный труд характеризует последствия дефекта, а не способ возникновения правоотношения.

Смешение квалификации и последствий приводит к логическому разрыву. Если договор не признается сделкой,

становится затруднительно объяснить судебную проверку свободы и осознанности согласия на его изменение или прекращение. Между тем в п. 6 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 2 (2026) по делу N 5-КГ25-113-К2 указано, что соглашение по ст. 78 ТК РФ требует добровольного, осознанного и согласованного волеизъявления. Давление, заблуждение относительно последствий и угрожающая обстановка могут подтверждаться любыми доказательствами. Суд фактически устанавливает порок воли, хотя называет последствием не недействительность сделки, а незаконность увольнения.

Действующий ТК РФ уже содержит элементы специальной недействительности. В силу ст. 9 не применяются условия, снижающие уровень прав и гарантий работника. Статья 57 предписывает восполнить недостающие сведения и обязательные условия вместо признания договора незаключенным. Нарушение правил заключения договора в предусмотренных ст. 84 случаях влечет его прекращение на будущее. При незаконном увольнении применяются восстановление на работе, средний заработок и компенсация морального вреда. Общим для этих норм является сохранение факта выполненной работы и замена гражданской реституции отраслевыми последствиями.

На этой основе предлагается категория отраслевой недействительности трудового соглашения. Она означает, что дефект воли, содержания или субъектного состава влияет на юридическую силу соглашения, но последствия определяются не ст. 167 ГК РФ, а целями трудового законодательства. Недействительность отдельного условия влечет его неприменение при сохранении договора. Дефект договора в целом прекращает его действие преимущественно на будущее. Выполненная работа, заработная плата, трудовой и страховой стаж сохраняются. Дефект соглашения о прекращении трудового договора устраняется восстановлением трудового отношения либо иным последствием, предусмотренным ТК РФ.

Иная нормативная конструкция действует в банкротстве. Пункт 3 ст. 61.1 Федерального закона от 26 октября 2002 г. N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» прямо включает в круг оспариваемых сделок действия по исполнению обязательств, возникающих в соответствии с трудовым законодательством. Поэтому арбитражный суд вправе проверять условия трудового договора, дополнительное соглашение, приказ о повышении оклада или премировании, соглашение об увольнении, начисление и перечисление денег. В данном случае сделочная квалификация установлена специальной нормой и не зависит от подхода, принятого в индивидуальном трудовом споре.

Однако объектом конкурсного контроля следует считать прежде всего имущественный эффект трудового соглашения. Трудовой договор одновременно создает организационную связь, в рамках которой работник подчиняется трудовому распорядку и выполняет функцию, и имущественные обязанности по оплате труда. Возврат денег в конкурсную массу относится ко второму эффекту. Признание неравноценной выплаты недействительной не

должно задним числом уничтожать факт трудовых отношений, выполненную работу, квалификацию, стаж и иные социальные права. Иначе конкурсное оспаривание становится полной реституцией трудового договора, которую обоснованно отвергают суды общей юрисдикции.

Такое разграничение подтверждается определением Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2020 г. N 305-ЭС17-9623(7) по делу N A41-34824/2016. Нижестоящие суды признали недействительными повышение оклада и премии юрисконсульта, сославшись на кризис работодателя и отсутствие положительного финансового результата. Верховный Суд Российской Федерации отменил акты, поскольку не был исследован реальный трудовой вклад работника. Премии, входящие в систему оплаты труда, могут быть оспорены лишь при существенном несоответствии их размера встречному предоставлению.

В определении Верховного Суда Российской Федерации от 24 июля 2025 г. N 305-ЭС25-2583 по делу N A40-207017/2018 данный стандарт конкретизирован. Формальное отсутствие приказа или локального положения о премировании само по себе не доказывает неравноценность. Сопоставлению подлежит совокупное вознаграждение работника с оплатой аналогичной функции на предприятиях, сходных по роду и масштабу деятельности, региону и рынку. Основание для оспаривания возникает при существенном, в том числе кратном, отклонении. Представить сведения о таком отклонении должен конкурсный управляющий или иной заявитель, а не работник.

Еще более показательно определение Верховного Суда Российской Федерации от 4 июня 2026 г. N 305-ЭС24-19382(7,8) по делу N A40-295886/2022. Работник получил при увольнении по соглашению сторон компенсацию в размере шести месячных заработков. Нижестоящие суды признали условие соглашения и выплату недействительными. Верховный Суд Российской Федерации отменил эти акты, указав, что дополнительная компенсация по своей функции является выходным пособием, а приостановление деятельности работодателя и близость банкротства не отменяют гарантий обычного работника.

Для заявленной модели особенно важно, что в деле не отрицалась допустимость конкурсного оспаривания. Отказ был связан с недоказанностью его оснований. Управляющий не ссылаясь на аффилированность работника, руководящий статус, влияние на решения должника или кратное отклонение выплаты от рынка. Соглашение позволило работодателю избежать сопоставимых либо больших расходов при последующем сокращении. Следовательно, встречное предоставление работника выражалось не только в ранее выполненном труде, но и в согласии на прекращение отношения, имевшем самостоятельный экономический эффект для конкурсной массы.

Сопоставление практики позволяет сформулировать двухуровневую конструкцию. На первом уровне трудовой договор квалифицируется как особая трудовая сделка. Это объясняет значение свободного волеизъявления, воз-

возможность дефекта содержания и необходимость судебной оценки юридической силы соглашения. На втором уровне определяются отраслевые последствия. В индивидуальном трудовом споре они направлены на восстановление работника и сохранение результатов труда. В банкротстве они направлены на возврат доказанно выведенного имущества. Различие последствий не требует каждый раз менять квалификацию одного и того же юридического акта.

Предлагаемая конструкция выявляет и процессуальную асимметрию. В суде общей юрисдикции работнику отказывают в ссылке на недействительность собственного договора, поскольку соответствующий способ защиты не назван в ТК РФ. В арбитражном суде после банкротства работодателя этот же работник становится ответчиком по требованию о недействительности соглашения или выплаты. Такая асимметрия может быть оправдана защитой кредиторов лишь при повышенном стандарте доказы-

вания. Банкротство, период подозрительности, отсутствие локального акта или необычный размер выплаты являются поводом для исследования, но не презумпцией фиктивности труда и недобросовестности получателя.

Представляется, что следует отказаться от выбора между полным отрицанием сделки и механическим применением главы 9 ГК РФ. Трудовой договор является особой трудовправовой сделкой, но его дефекты не уничтожают социально значимые результаты труда. Суды общей юрисдикции должны отрицать не сделочную природу договора, а гражданско-правовую реституцию. Арбитражные суды вправе оспаривать имущественный эффект трудового соглашения по конкурсным основаниям, не аннулируя трудовое отношение целиком. Такая модель устраняет разрыв квалификаций, сохраняет защиту конкурсной массы и не превращает заработную плату в изначально подозрительное получение.

Литература:

1. Агашев Д. В. Недействительность трудового договора и признание трудового договора недействующим как перспективные способы защиты трудовых прав // Ежегодник трудового права. 2023. Вып. 13. С. 245–260. DOI: 10.21638/spbu32.2023.117.
2. Бриллиантова Н. А., Архипов В. В. Проблема недействительности условий трудового договора // Законодательство и экономика. 2007. N 6.
3. Уракова Е. В. Недействительный трудовой договор: гарантии для работников или работодателя? // Вопросы трудового права. 2012. N 1.
4. Егоров А. В. Оспаривание трудовых выплат при банкротстве // Вестник гражданского права. 2022. Т. 22. N 5. С. 119–140.

Субсидиарная ответственность в гражданском праве России

Баграмян Артур Арсенович, студент магистратуры
Северо-Кавказская государственная академия (г. Черкесск)

В тексте анализируется институт субсидиарной ответственности в российском праве, его отличие от солидарной ответственности, а также особенности применения в делах о банкротстве, включая презумпции вины контролирующих лиц. Рассматриваются доктринальные подходы, условия наступления такой ответственности и порядок взыскания, подчеркивается её дополнительный (резервный) характер по отношению к основному должнику.

Ключевые слова: субсидиарная ответственность, солидарная ответственность, банкротство, контролирующие должника лица, судебная практика.

Явление субсидиарной ответственности представляет собой особенность, присущую исключительно системам национального частного права России и государств — членов Содружества Независимых Государств. Данная правовая конструкция полностью отсутствует в современных зарубежных кодификациях, будь то так называемые классические европейские модели или более поздние законодательные акты. В рамках российской правовой системы неоднозначный характер субсидиарности, усугубленный недостаточной точностью регулирования, породил значительную доктринальную неопределён-

ность и практические трудности для юристов-практиков, причём его применение в банкротном праве подвергается особой критике со стороны учёных.

Субсидиарная ответственность правильно характеризуется как обязательство третьего лица — будь то поручитель, законный представитель, орган региональной власти или руководитель компании — удовлетворить остаточный долг, который основной должник не в состоянии погасить. Эта форма ответственности носит дополнительный характер, вступая в силу только в том случае, когда взыскание по основному обязательству оказывается

невозможным, и закреплена в статье 399 Гражданского кодекса Российской Федерации [1]. Этимологическое происхождение термина «subsidiarius» от латинского слова, означающего «резерв», точно подчеркивает его остаточный характер, что требует от кредитора исчерпания всех средств правовой защиты в отношении основного должника до обращения с регрессным требованием к вторичному должнику. Институт субсидиарной ответственности единоличного исполнительного органа должника действенный инструмент защиты законных прав и интересов как кредиторов, так и самого должника. В последние годы законодательство Российской Федерации о банкротстве претерпело существенные изменения; в частности, положения, регулирующие возложение субсидиарной ответственности на должностных лиц, теперь тщательно проработаны в недавно введенной главе III.2 Закона «О банкротстве» [2].

С точки зрения доктрины К. И. Евтеев определяет субсидиарную ответственность по Закону «О банкротстве» как внедоговорное обязательство, возникающее в рамках процедуры банкротства, подлежащее исполнению в случае недостаточности активов должника и возлагаемое на лиц, контролирующих должника, чьи противоправные действия, бездействие или решения стали причиной несостоятельности должника [4, с. 7].

Признается, что социальные отношения могут функционировать только в правовых рамках, а субсидиарная ответственность может быть закреплена либо договором — что приводит к договорной ответственности, — либо в силу закона, как в случае внедоговорной ответственности; причем последняя чаще встречается в делах, связанных с деликтами, совершенными несовершеннолетними, а также в случаях корпоративной несостоятельности, где она возникает автоматически при неисполнении обязательств основным должником. Договорная субсидиарная ответственность, напротив, обязывает дополнительного должника погасить задолженность основного должника независимо от наличия вины со стороны дополнительного должника, причем условия устанавливаются по взаимному соглашению сторон.

Солидарная ответственность, как отдельный вид обязательств в рамках гражданско-правовых отношений, предполагает возложение договорных обязанностей на нескольких лиц, независимо от того, вытекают ли они из договора или устанавливаются в силу закона. Её исторические корни уходят в римское право, где функциональным эквивалентом служила концепция «коррелятивного обязательства», обозначавшая коллективное обязательство, в рамках которого все стороны несли ответственность либо совместно, либо индивидуально; эта конструкция возникла либо из практической необходимости — когда иначе сделки не могли быть заключены, — либо из желания предоставить кредитору дополнительные гарантии. Для возникновения такой коррелятивной ответственности должны быть выполнены два существенных условия: предмет долга должен быть идентичным, а ос-

нование для возникновения обязательства — единым [7, с. 55].

Хотя солидарная ответственность и субсидиарная ответственность часто смешиваются как аналогичные понятия, поскольку обе предполагают взыскание задолженности с третьих лиц в дополнение к основному должнику, они основываются на принципиально разных правовых основаниях, что особенно заметно в процедуре взыскания: солидарная ответственность позволяет кредитору предъявлять требования к любому должнику в любом порядке или последовательности, тогда как субсидиарная ответственность возникает только в случае невозможности взыскания с основного должника, то есть когда у последнего отсутствуют достаточные средства или активы для погашения задолженности.

В ходе обычного исполнительного производства судебный пристав стремится наложить взыскание на солидарно ответственного должника, демонстрирующего наибольшую платежеспособность, тем самым ускоряя удовлетворение требования и способствуя закрытию исполнительного дела; этот должник, погасив задолженность, впоследствии осуществляет право регресса, чтобы взыскать с остальных солидарных должников их соответствующие доли выплаченной суммы [7, с. 58]. Однако на практике меры принудительного исполнения в отношении любого из солидарных должников могут оказаться безрезультатными, как правило, из-за отсутствия официального трудоустройства, отсутствия банковских вкладов или иного имущества, подлежащего наложению ареста, либо невозможности установить местонахождение должника, что влечёт возврат исполнительного листа кредитору [8, с. 112].

Опираясь на доктринальные труды М. М. Агаркова, признается, что нарушение обязательства может быть совершено исключительно должником, а третьи лица, по праву, не могут нарушать обязательство [6, с. 45]; однако в данном контексте, хотя правоотношения существуют между должником и его кредитором, ответственность за нарушение обязательств по закону возлагается на контролирующее лицо.

Таким образом, оптимальным представляется доктринальный подход, рассматривающий субсидиарную ответственность по Закону «О банкротстве» как самостоятельную форму ответственности контролирующего лица перед кредиторами основного должника, что подтверждается намерением законодателя расширить основания для её применения в процедурах банкротства.

Кроме того, законодатель установил конкретные презумпции вины в отношении руководства должника, согласно которым руководитель компании считается виновным, если договор нанес значительный ущерб сторонам, предоставившим кредит, причем такие договоры определяются как имеющие существенное значение по отношению к обороту предприятия, но приводящие к значительному ущербу. Кроме того, действия или бездействие руководства компании должны рассматриваться

как явные предвестники банкротства, если может быть доказано наличие просроченной налоговой задолженности и то, что по итогам налоговой проверки сумма дополнительных налоговых начислений превышает общую задолженность перед кредиторами третьей очереди более чем на 50 %. Следует также отметить, что возможность привлечения руководства компании-должника к ответственности в соответствии с Гражданским кодексом за ненадлежащее управление, приведшее к банкротству, возникает даже при отсутствии умысла [9, с. 204]. Тем не менее эти презумпции не следует толковать как прямое осно-

вание для возложения субсидиарной ответственности на руководство должника, поскольку их функция заключается скорее в оптимизации процесса доказывания путем облегчения подтверждения того, что бездействие или активные действия руководства стали определяющим фактором в невозможности удовлетворения требований кредиторов. Итоговый объём субсидиарной ответственности руководителя компании-должника включает все реестровые требования кредиторов, а также текущие платежи, которые не удалось осуществить по причине нехватки имущества должника.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301. — С. 15.
2. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 10.06.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 43. — Ст. 4190. — С. 45.
3. Разграничение субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц с применением иных мер гражданско-правовой ответственности / А. В. Сидоров // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — № 6. — С. 45–52.
4. Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц при трансграничной несостоятельности (банкротстве): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.3 / К. И. Евтеев. — М., 2017. — 26 с.
5. Евтеев К. И. Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц при банкротстве / К. И. Евтеев. — М.: Статут, 2018. — 192 с.
6. Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву // Агарков М. М. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. — М.: Статут, 2012. — Т. 2. — С. 15–178.
7. Лотфуллин Р. К. Субсидиарная и иная ответственность контролирующих лиц при банкротстве / Р. К. Лотфуллин. — М.: Инфотропик Медиа, 2021. — 240 с.
8. Тарантов Д. Н. Современное состояние судебного правоприменения и проблемы определения размера взыскания субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц / Д. Н. Тарантов // Молодой ученый. — 2026. — № 20. — С. 110–115.
9. Середа И. М., Середа А. Г. Механизм правового регулирования отношений, возникающих в связи с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве: монография / И. М. Середа, А. Г. Середа. — М.: Статут, 2020. — 256 с.

Новый вектор защиты прав потребителей в России: критический анализ изменений, внесенных Федеральным законом № 500-ФЗ

Габазова Анжелика Рустамовна, студент;
Кузьмина Анна Александровна, студент
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье авторы анализируют новые положения Закона о защите прав потребителей (№ 500-ФЗ), выявляя их противоречия с ГК РФ и Конституцией РФ.

Ключевые слова: защита прав потребителей, Федеральный закон № 500-ФЗ, Гражданский кодекс РФ, Конституция РФ.

С 1 февраля 2026 года вступил в силу Федеральный закон № 500-ФЗ, внесший масштабные изменения в Закон РФ «О защите прав потребителей» [1]. Данная реформа стала одним из наиболее значимых событий в сфере гражданского законодательства последних лет,

поскольку затронула фундаментальные институты ответственности продавца (исполнителя): порядок взыскания штрафа за отказ от добровольного удовлетворения требований потребителя, пределы неустойки, возможность уступки прав требования, а также механизм исчисления

убытков при возврате технически сложных товаров. Законодатель осуществил смену парадигмы: от модели автоматической ответственности, построенной на принципе «потребитель всегда прав», к модели, требующей оценки добросовестности обеих сторон и соразмерности санкций. Однако, как показал анализ нормативных новелл, принятые изменения содержат определенный ряд противоречий, конституционно значимых дефектов и рисков правоприменения, что делает их научное осмысление не только актуальным, но и необходимым для выработки сбалансированных подходов к дальнейшему совершенствованию законодательства.

Наиболее значимые новеллы коснулись порядка взыскания штрафа за отказ от добровольного удовлетворения требований потребителя, пределов неустойки, возможности уступки прав требования, а также правил исчисления убытков при возврате технически сложных товаров. Сравнительный анализ старой и новой редакций позволяет оценить направленность реформы и её потенциальные последствия для правоприменительной практики.

До внесения изменений пункт 6 статьи 13 ЗоЗПП предусматривал безусловное взыскание штрафа в размере 50 % от присуждённой судом суммы в пользу потребителя, если продавец (изготовитель) не удовлетворил законные требования в добровольном порядке. Данный механизм носил практически автоматический характер и не зависел от причин взыскания или поведения потребителя. После 1 февраля 2026 года статья 13 дополнена пунктами 7 и 8, которые существенно ограничивают применение штрафа. Теперь штраф не подлежит взысканию при наличии трёх обстоятельств: если требования не были удовлетворены по вине самого потребителя (например, в случае уклонения от предоставления товара на проверку качества); если нарушение произошло из-за действий контрагента продавца, но при условии, что продавец действовал добросовестно и разумно при выборе такого контрагента; либо если до суда стороны заключили медиативное соглашение (исключение — неисполнение соглашения по вине бизнеса).

Включение данных обстоятельств вызывает определённые вопросы о системности и согласованности этих норм с положениями Гражданского кодекса РФ. В частности, вызывает сомнения их соответствие принципу запрета злоупотребления правом (статья 10 ГК РФ), который предполагает, что никто не может извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения. Однако в данном случае законодатель использует эту конструкцию не для ограничения прав потребителя, а для освобождения бизнеса от ответственности, что может быть воспринято как предоставление недобросовестным продавцам правовой возможности освобождаться от штрафа путём указания на нарушение обязательств их контрагентом. Следующее обстоятельство вызывает ещё более серьёзные вопросы, поскольку прямо противоречит пункту 3 статьи 401 ГК РФ. Данная норма, устанавливающая ответственность за нарушение обяза-

тельств при осуществлении предпринимательской деятельности, прямо указывает, что к обстоятельствам непреодолимой силы, освобождающим от ответственности, не относятся, в частности, нарушение обязанностей со стороны контрагентов должника. Таким образом, новое основание для освобождения продавца от штрафа по ЗоЗПП является специальной нормой по отношению к общей норме ГК РФ, устанавливающей презумпцию вины предпринимателя. Наконец, третье обстоятельство отсылает к оценочным категориям, что традиционно компенсируется возможностью суда применить статьи 333 ГК РФ для снижения штрафа в случае его явной несоразмерности последствиям нарушения обязательства. Однако здесь возникает коллизия: если ЗоЗПП устанавливает безусловные основания для полного освобождения от штрафа, то возможность его снижения на основании статьи 333 ГК РФ по аналогии закона может быть поставлена под сомнение, поскольку специальный закон не предусматривает такого механизма для перечисленных случаев.

Одновременно с этим новая редакция статьи 13 содержит прямой запрет на уступку права требования неустойки и штрафа лицам, не являющимся потребителями, до вступления решения суда в законную силу. Такая сделка признаётся ничтожной. Ранее широко распространённая практика «потребительской цессии», при которой юридические фирмы или коллекторские агентства выкупали у граждан права требования на стадии досудебного урегулирования, признана законодателем злоупотреблением, искажающим социальную природу потребительского штрафа. Наиболее показательным примером является Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 26 августа 2020 г. № 305-ЭС20-7249 по делу № А40-25720/2019 [2]. В рамках этого дела дольщик уступил индивидуально предпринимателю по договору цессии право требования к застройщику неустойки и штрафа за несвоевременную передачу квартиры по договору долевого участия в строительстве (ДДУ). Суды нижестоящих инстанций удовлетворили иск предпринимателя и взыскали в её пользу в том числе и штраф, предусмотренный пункту 6 статьи 13 ЗоЗПП. Однако Верховный Суд РФ отменил эти судебные акты в части взыскания штрафа, указав, что право требования потребительского штрафа может быть уступлено только после его присуждения cedentu-потребителю. Свою позицию ВС РФ обосновал тем, что данное право требования по смыслу Закона о защите прав потребителей возникает не с момента нарушения обязательства, а в момент удовлетворения судом требований потребителя и присуждения ему денежных средств. Теперь штрафные санкции могут быть взысканы только в пользу самого потребителя, что, по замыслу законодателя, возвращает институту штрафа его исходное предназначение — защиту конкретного гражданина, а не извлечение прибыли профессиональными взыскателями. Что касается «просуженного долга» — то есть права требования, уже подтверждённого вступившим в силу судебным актом, — прямого законо-

дательного запрета на его уступку в новой редакции нет. Вместе с тем, необходимо учитывать общие ограничения гражданского законодательства, в частности положения статьи 383 ГК РФ, которая запрещает уступку прав, неразрывно связанных с личностью кредитора.

Существенные изменения претерпела и статья 23 ЗоЗПП, регулирующая неустойку за нарушение сроков удовлетворения требований потребителя. Если ранее неустойка составляла 1 % от цены товара за каждый день просрочки и не имела формального верхнего предела, теперь её сумма не может превышать цену товара, уплаченную потребителем. Кроме того, в законе прямо закреплено право суда уменьшать неустойку при явной несоразмерности последствиям нарушения. Дискреция суда при применении статьи 333 ГК РФ, предусматривающей возможность снижения неустойки при её явной несоразмерности последствиям нарушения, является юридически обоснованным механизмом. Как неоднократно отмечал Конституционный Суд РФ, данная норма не нарушает конституционных прав, а, напротив, предписывает суду устанавливать баланс между мерой ответственности и размером действительного ущерба, что согласуется с принципами справедливости и соразмерности [3]. Поскольку понятие «явной несоразмерности» является оценочным, закон не устанавливает его формальных критериев, оставляя их определение на усмотрение суда. Критерии явной несоразмерности определяются судом исходя из конкретных обстоятельств дела: значительное превышение суммы неустойки над размером возможных убытков потребителя, чрезмерно высокий процент по сравнению с обычно применяемыми ставками, незначительный период просрочки и отсутствие тяжких последствий для потребителя. Предоставление суду дискреционных полномочий по снижению неустойки обосновано компенсационной природой данного института, который не должен служить средством неосновательного обогащения одной из сторон. Суд не вправе снижать неустойку произвольно: такое снижение возможно лишь по мотивированному заявлению ответчика (продавца) и при очевидной несоразмерности, не вызывающей разумных сомнений.

Новый порядок расчёта убытков при возврате технически сложных товаров ненадлежащего качества, закреплённый в статье 24 ЗоЗПП, также существенно отличается от прежнего. Ранее при возврате такого товара потребитель вправе был требовать возмещения разницы между ценой по договору и ценой аналогичного товара на момент вынесения судебного решения, что в условиях инфляции и роста цен могло приводить к неосновательному обогащению покупателя. Теперь закон предписывает рассчитывать убытки исходя из цены аналогичного товара с учётом технических характеристик, степени износа и года выпуска на момент удовлетворения требования или вынесения решения суда. Исключение сделано для случаев, когда продавец умышленно ввёл потребителя в заблуждение относительно свойств товара (например,

скрыл год выпуска) — тогда сохраняется более выгодный для потребителя порядок расчёта (возмещение стоимости нового товара).

Анализ свежих изменений Закона РФ «О защите прав потребителей», внесённых Федеральным законом № 500-ФЗ от 28 декабря 2025 года (вступил в силу с 1 февраля 2026 года), позволяет выявить целый ряд существенных недостатков, вызывающих обоснованную критику со стороны правозащитных организаций, экспертов в области потребительского права и научного сообщества. Прежде всего, ключевым минусом реформы является фактическая ликвидация принципа «автоматической» ответственности продавца за нарушение прав потребителей, который на протяжении тридцати лет служил основным сдерживающим фактором для недобросовестного бизнеса. Новый порядок взыскания штрафа в размере 50 % от присуждённой суммы, предусмотренный статьёй 13 ЗоЗПП в редакции закона № 500-ФЗ, теперь позволяет суду отказывать во взыскании штрафа, если продавец заявит о «вине потребителя» или о том, что нарушение произошло по вине его контрагента. При этом законодатель не раскрыл чётких критериев «добросовестности» продавца, что создаёт широкое поле для судебного усмотрения и фактически перекладывает на потребителя бремя доказывания отсутствия своей вины — обстоятельства, которое ранее не имело правового значения [4]. Более того, как отмечается в экспертных комментариях, данное нововведение превращает Закон о защите прав потребителей из инструмента защиты в «инструмент оправдания бездействия нарушителя», поскольку недобросовестные продавцы получили мощный рычаг для ухода от ответственности путём имитации «разумного поведения» [5].

Следующим, на наш взгляд, недостатком является введение ограничения неустойки ценой товара (статья 23 ЗоЗПП), что фактически лишает потребителя главного рычага давления на продавца в случае длительной просрочки исполнения обязательств. Ранее неограниченная неустойка в размере 1 % за каждый день просрочки стимулировала продавца к скорейшему выполнению требований потребителя; теперь же, установив «потолок» в размере стоимости товара, законодатель снизил превентивную функцию данной меры ответственности, особенно в сегменте дорогостоящих товаров, где для крупного бизнеса такая ответственность становится легко прогнозируемой и, по сути, «включённой в издержки». Особую озабоченность вызывает введение запрета на уступку права требования неустойки и штрафа третьим лицам до вступления решения суда в законную силу.

Также возникает существенное противоречие между новыми изменениями Закона РФ «О защите прав потребителей» и Гражданским кодексом РФ в связи с редакцией статьи 24 ЗоЗПП, устанавливающей особый порядок расчёта убытков при возврате технически сложного товара ненадлежащего качества. Согласно пункту 4 статьи 24 в новой редакции, при возврате такого товара потребитель вправе требовать возмещения разницы между ценой

по договору и ценой аналогичного товара с учётом технических характеристик, степени износа и года выпуска на момент удовлетворения требования или вынесения решения суда. Данное положение вступает в прямое противоречие со статьёй 15 ГК РФ, которая закрепляет принцип полного возмещения убытков. В соответствии со статьёй 15 ГК РФ лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причинённых ему убытков, если законом или договором не предусмотрено возмещение убытков в меньшем размере. При этом убытки определяются как расходы, которые лицо произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб). В случае приобретения некачественного товара потребитель должен быть поставлен в то положение, в котором он находился бы, если бы его право не было нарушено, то есть получить денежную сумму, достаточную для приобретения нового, а не подержанного товара. Введение же в ЗоЗПП понятия «степень износа» применительно к товару, который изначально был бракованным и не мог эксплуатироваться надлежащим образом, является юридически некорректным и экономически необоснованным. Поскольку износ как объективная категория предполагает естественное ухудшение свойств товара в процессе его нормального использования, а не в силу скрытых производственных дефектов, применение такого подхода противоречит сути компенсации ущерба. Кроме того, статья 24 ЗоЗПП в новой редакции вводит дифференциацию между технически сложными и иными товарами, что порождает неравенство в уровне защиты прав потребителей и также может быть оспорено с точки зрения соответствия принципу равенства участников гражданских правоотношений, закреплённому в статье 1 ГК РФ.

Таким образом, нормы специального потребительского законодательства в части исчисления убытков за технически сложные товары вступают в коллизию с основополагающими принципами гражданского законодательства о полном возмещении убытков, что создаёт риски не единообразной судебной практики и требует либо внесения изменений в ГК РФ (что маловероятно), либо приведения положений ЗоЗПП в соответствие с нормами ГК РФ.

Федеральный закон № 500-ФЗ, внесший изменения в Закон РФ «О защите прав потребителей» с 1 февраля 2026 года, содержит ряд норм, вступающих в противоречие с положениями Конституции РФ. В частности, нарушается принцип равенства всех перед законом, закреплённый в статье 19 Конституции РФ. Дифференциация правил возврата товаров ненадлежащего качества в зависимости от их отнесения к технически сложным (статья 24 ЗоЗПП в новой редакции) ставит потребителей в неравное положение: покупатель автомобиля или ноутбука получает заведомо меньший объём защиты (возмещение с учётом износа), чем покупатель обычного товара, что не имеет объективного и разумного оправдания. Кроме того, запрет на уступку права требования неустойки и штрафа (статья 13 ЗоЗПП) распространяется только на потреби-

телей, тогда как кредитные организации сохраняют возможность свободно уступать права требования к гражданам коллекторским агентствам, что также порождает асимметрию прав участников гражданского оборота и нарушает конституционный принцип равенства.

Второе ключевое противоречие связано со статьёй 10 Конституции РФ, закрепляющей принцип разделения властей. Закон № 500-ФЗ (статья 3) делегирует Правительству РФ полномочия устанавливать «особенности применения неустойки и штрафа» в 2026 году. Поскольку ограничение прав потребителей (в том числе размеров штрафных санкций) может осуществляться только федеральным законом, передача этих полномочий на уровень подзаконного акта исполнительной власти является нарушением конституционного принципа, согласно которому законодательная власть не вправе передоверять свои полномочия иным органам без установления чётких пределов такого делегирования. Таким образом, новеллы 2026 года содержат конституционно значимые дефекты, которые могут стать основанием для обращения в Конституционный Суд РФ и требуют внесения изменений для приведения законодательства о защите прав потребителей в соответствие с основным законом страны.

Исходя из анализа недостатков Федерального закона № 500-ФЗ от 28 декабря 2025 года, внесшего изменения в Закон РФ «О защите прав потребителей» (вступили в силу с 1 февраля 2026 года), представляется возможным предложить ряд системных доработок, направленных на устранение конституционных противоречий, восстановление баланса интересов сторон и обеспечение предсказуемости правоприменения.

Одним из направлений доработки является устранение конституционно значимого нарушения принципа равноправия граждан (статья 19 Конституции РФ), которое выражается в дифференциации уровня защиты потребителей в зависимости от категории товара. Нынешняя редакция статьи 24 Закона о защите прав потребителей устанавливает для покупателей технически сложных товаров (автомобилей, ноутбуков, бытовой техники) заведомо худшие условия возврата, вводя понятие «степени износа» и привязывая компенсацию к цене подержанного, но нового товара. Предлагается исключить из пункта 4 статьи 24 норму об учёте износа, вернувшись к прежней формуле возмещения разницы между ценой по договору и ценой аналогичного нового товара на момент вынесения судебного решения, либо, как альтернатива, распространить правило об учёте износа на все категории товаров без исключения, что хотя и ухудшит положение всех потребителей, но хотя бы устранил дискриминационный признак.

Также необходимо доработать восстановление института штрафа в размере 50 % от присуждённой суммы, который в новой редакции статьи 13 фактически утратил своё превентивное значение из-за введения неопределённых оснований для освобождения от его уплаты. В действующей редакции штраф не взыскивается, если тре-

бования не удовлетворены «по вине потребителя», если нарушение произошло по вине контрагента продавца, либо если было заключено медиативное соглашение. При этом закон не раскрывает критерии «добросовестности» продавца при выборе контрагента, а само понятие «вины потребителя» является оценочным и может трактоваться судами произвольно. Сложность внесения ясности в этот вопрос подтверждается тем, что до принятия изменений 2026 года в правоприменительной практике отсутствовало единообразие по вопросу о том, на ком лежит бремя доказывания обстоятельств, освобождающих от ответственности. Так, например, Президиум Верховного Суда РФ в «Обзоре судебной практики по делам о защите прав потребителей» (утв. 23.10.2024) указал, что при разрешении требований потребителей необходимо учитывать, что бремя доказывания обстоятельств, освобождающих от ответственности за неисполнение либо ненадлежащее исполнение обязательства, лежит на продавце [6].

При этом существует и иная практика, в частности, Верховный Суд РФ в своём определении № 44-КГ20-19 от 02.03.2021 года также подтвердил, что обязанность доказывания таких обстоятельств лежит на продавце [7].

Однако в другом своём разъяснении № 5-КГ23-116-К2 от 31.10.2023 по спору о купле-продаже автомобиля с недостатками, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ указала, что на потребителя возлагается обязанность доказать, что качество приобретенного товара не соответствовало условиям договора, то есть фактически перенесла бремя доказывания недостатков на самого потребителя, что создавало правовую неопределённость [8]. Этот разброс подходов, при котором в одних случаях бремя доказывания возлагается на продавца, а в других — на потребителя, наглядно демонстрирует, что в законе не было идеального решения этого вопроса, что и потребовало его пересмотра в 2026 году. Для устранения этой неопределённости необходимо либо исключить данные основания, либо детализировать их вплоть до исчерпывающего перечня обстоятельств, при которых штраф не подлежит взысканию, с обязательным указанием на то, что бремя доказывания добросовестности лежит на продавце, а не на потребителе. Одновременно с этим следует отказаться от делегирования Правительству РФ полномочий по установлению «особенностей начисления неустойки и штрафа» на 2026 год, что, как отмечается в конституционно-правовых исследованиях, является передачей законодательных пол-

номочий исполнительной власти и нарушает принцип разделения властей (статья 10 Конституции РФ) — данная норма должна быть признана утратившей силу, а размеры штрафных санкций — установлены непосредственно федеральным законом.

Отдельного внимания заслуживает доработка механизма уступки права требования (цессии), который в новой редакции статьи 13 полностью запрещает потребителю переуступать право требования неустойки и штрафа третьим лицам до вступления решения суда в законную силу. Предлагается заменить полный запрет на регулируемую модель: разрешить уступку права требования при условии, что цессионарием является некоммерческая организация по защите прав потребителей, либо адвокатское бюро, специализирующееся на потребительских спорах, с обязательным раскрытием конечного бенефициара и ограничением вознаграждения цессионария разумными пределами. Такой подход сохранит доступ потребителей к профессиональной юридической помощи, одновременно исключив злоупотребления со стороны недобросовестных коллекторских структур.

Наконец, необходима доработка положений о неустойке (статья 23 Закона), которая в новой редакции ограничена ценой товара, что существенно снижает стимулирующую функцию этой меры ответственности, особенно при длительных просрочках. Целесообразно установить не жёсткий верхний предел, а дифференцированный подход: сохранить ограничение неустойки ценой товара для добросовестных продавцов, но предусмотреть возможность её превышения в случаях, если суд установит злонамеренное уклонение продавца от исполнения требований потребителя либо систематический характер подобных нарушений. Одновременно с этим следует законодательно закрепить презумпцию добросовестности потребителя, перенести бремя доказывания наличия обстоятельств, освобождающих продавца от ответственности, на самого продавца — это требование вытекает из положений статьи 1 Гражданского кодекса РФ о добросовестности участников гражданского оборота и должно быть прямо отражено в тексте Закона о защите прав потребителей. В целом предложенный комплекс доработок позволит сохранить превентивную функцию потребительского законодательства, восстановить нарушенные конституционные принципы и обеспечить сбалансированную защиту прав всех участников рынка.

Литература:

1. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 28.12.2025, с изм. от 17.02.2026) «О защите прав потребителей» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2026). — URL.: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/ (дата обращения 07.08.2026).
2. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 26.08.2020 № 305-ЭС20-7249 по делу № А40-25720/2019. — URL.: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=637177#FJpV7GVc3uj4R0nt> (дата обращения 07.08.2026).
3. Определение Конституционного Суда РФ от 30.03.2023 № 617. URL.: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=757354#E8Hc7GV8g1BTc8Mg> (дата обращения 07.08.2026).

4. Zakon.ru [Электронный ресурс]. — URL.: https://zakon.ru/blog/2020/5/27/protivorechiviy_zakonoproekt_pochemu_nelzya_isklyuchat_pravootnosheniya_mezhdu_dolschikami_i_zastroj (дата обращения 07.08.2026 г.).
5. Zakon.ru [Электронный ресурс]. — URL.: https://zakon.ru/blog/2026/2/1/prosba_zatyanut_poyasa_chno_menyaetsya_v_zaschite_prav_potrebitelej (дата обращения 07.08.2026 г.).
6. Обзор судебной практики по делам о защите прав потребителей, утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 23.10.2024. — URL.: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_488843/#dst100301 (дата обращения 07.08.2026).
7. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 02.03.2021 № 44-КГ20-19-К7, 2-1893/2019. — URL.: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=659176#J2bg2GVcTDrIxd9a2> (дата обращения 07.08.2026).
8. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 31.10.2023 № 5-КГ23-116-К2. — URL.: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=659176#J2bg2GVcTDrIxd9a2> (дата обращения 07.08.2026).

К вопросу о теоретических пробелах в определении юридической ответственности

Гоцик Анна Максимовна, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Ключевые слова: юридическая ответственность, ответственность, позитивная ответственность, негативная ответственность.

On the issue of theoretical gaps in the definition of legal liability

Keywords: legal responsibility, responsibility, positive responsibility, negative responsibility.

Процесс формирования юридической ответственности начал свое развитие еще в первобытном обществе, но продолжается по сей день. Понятие ответственности считается многозначным, и также способным рассматриваться в различных аспектах.

Целью данной статьи является найти всевозможные теоретические пробелы в определении юридической ответственности. В современном мире нет единого, универсального понятия юридической ответственности, каждый трактует на основании своего мировоззрения.

Поскольку юридическая ответственность выступает как «базовый элемент права, одна из наиболее значимых субстанций. Как один из ведущих и фундаментальных правовых институтов юридическая ответственность имеет глобальный характер, многосложный элементный состав, опирается на многие отрасли права, отличается значительным многообразием видов (разновидностей)», то довольно сложно представить единую формулировку определения [1].

По мнению Левковича Р.В. в российском законодательстве и правовой науке юридическая ответственность рассматривается в двух аспекта: в позитивном и негативном. Одним из первых сторонников «позитивной» ответственности в юридической науке был П. Е. Недбайло. Он писал, что социальный смысл такой ответственности «состоит в деятельности, соответствующей объективным

требованиям данной ситуации и объективно обусловленным идеалам времени». Позитивная юридическая ответственность возникает из юридической обязанности осуществлять положительные, полезные для общества действия, функции и социальные роли и реализуется в регулятивных правоотношениях, в которых обязанная сторона находится в состоянии подконтрольности и подотчетности.

Братусь С. Н. говорит, что негативная юридическая ответственность: «это та же обязанность, но принудительно исполняемая, если лицо (гражданин или организация), на котором эта обязанность лежит, не исполняет ее добровольно». Негативная (иногда ее называют ретроспективной) юридическая ответственность возникает в связи с совершением правонарушения и представляет собой правоотношение между государством в лице его органов (суда, прокуратуры, милиции и т. д.) и правонарушителем, который подвергается за содеянное соответствующим правовым санкциям, неблагоприятным для него (лишение свободы; штраф; возмещение причиненного вреда и т. д.) [2].

Так, Левкович Р. В. проиллюстрировал, что юридическая может рассматриваться как в позитивном, так и в негативном ключе. В научной статье он указал, что юридическая ответственность — это обязанность правонарушителя нести наказание, претерпевать санкции, предусмотрен-

ными правовыми нормами применяемыми компетентными органами за совершенное им противоправное действие. Для нарушителя юридическая ответственность означает применение к нему санкций правовых норм, указанных в них определенных мер ответственности [2].

Радачинский Ю. Н. считает, что понимание сущности юридической ответственности как правоотношения критикуется по различным основаниям. Помимо неопределенности отраслевой принадлежности такого правоотношения (например: уголовно-правовое, уголовно-процессуальное или уголовно-исполнительное, а может быть межотраслевое?), подобная позиция отождествляет юридическую деятельность по привлечению субъекта к ответственности с самой юридической ответственностью [3].

Под юридической ответственностью следует понимать проявление связи между личностью и государством, являющейся одним из гарантов правопорядка, выступающей мерой защиты интересов личности, общества и государства. Юридическая ответственность является одной из наиболее важных гарантий по защите и соблюдению прав и свобод человека и гражданина, с ее помощью решаются задачи по обеспечению социальной стабильности, охраны общества от преступных посягательств, именно так полагает Гушихин Д. А. [4].

Рассмотрев ряд определений юридической ответственности, можно прийти к выводу, что каждое из них

обладает рядом конкретных недостатков. Можно согласиться с точкой зрения О. Э. Лейста, который указывает основную причину дискуссионности проблем ответственности — не вполне достигнутая ясность соотношения понятий и категорий общей теории юридической ответственности и теорий ответственности отраслевых юридических наук. Эта неясность связана с рядом издержек.

Во-первых, в проблематику общей теории нередко включаются проблемы, важные для какой-либо отрасли права, но имеющие не общетеоретическое, а локальное, отраслевое значение.

Во-вторых, общая теория права еще не в полной мере использует важные в общетеоретическом плане достижения и выводы отраслевых наук, а при исследовании ответственности недостаточно опирается на действующее законодательство.

В-третьих, недостаточная разработанность методологических проблем ответственности приводит к тому, что в ее общем понятии нередко соединяются понятия отраслевых юридических наук без проверки действительной сферы их применения [5].

Вследствие этого, существует огромное количество различных критериев, которые непосредственно препятствуют созданию «идеального» определения юридической ответственности, например, регулярно повторяющейся признак — многоаспектность применения понятия.

Литература:

1. Кочко Н.А, Семенникова В.В, Кувалдин В. Д. «Ответственность органов местного самоуправления перед физическими и юридическими лицами» // «Экономика и социум». — 2020. — № 12(79). — С. 668.
2. Левкович Р. В. «Юридическая ответственность понятие и виды» // Международный научный журнал «Вестник науки» Левкович Р. В. — № № 9 (9). Том 4. — С. 91.
3. Радачинский Ю. Н. «О факторах, препятствующих формированию общей теории юридической ответственности» // Северо-Кавказский юридический вестник. — 2013. — № 2. — С. 13.
4. Гушихин Д. А. «Понятие и признаки юридической ответственности» // «Научно-практический электронный журнал Аллея Науки». — 2024. — № 4(91)
5. В. Н. Даниленко «Проблемы понятия и классификации юридической ответственности» // Вестник СГУПСа. — № 29. — С. 92.

Коррупция как системный фактор детерминации преступности в современной России: механизмы влияния и направления противодействия

Ермошенко Виталий Николаевич, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В статье анализируется коррупция как системное явление, детерминирующее состояние преступности в России. Предложена трехуровневая модель коррупции и интегративная концепция её воздействия на различные виды преступлений. На основе эмпирических данных раскрываются механизмы влияния коррупции на экономическую преступность, организованную преступность и терроризм. Обосновывается переход от репрессивных методов к созданию условий, при которых коррупция становится технологически невозможной. Предложены меры по совершенствованию законодательства, институциональным реформам и использованию цифровых технологий.

Ключевые слова: коррупция, преступность, экономическая преступность, организованная преступность, терроризм, противодействие коррупции, цифровые технологии.

Коррупция остаётся одной из наиболее острых проблем современной России, поражая все сферы государственного управления и экономики. По данным МВД, в 2024 году зафиксировано 38,5 тыс. коррупционных преступлений — на 5,7 % больше, чем в 2023-м; ущерб превысил 30 млрд рублей. В первом квартале 2025 года рост составил уже 24 %. Доля коррупции в структуре экономической преступности достигла 35–37 %. Цель исследования — выявить механизмы взаимодействия коррупции и преступности и оценить влияние коррупционных практик на динамику и структуру преступности.

Научные представления о коррупции эволюционировали от узкого понимания как взяточничества к широкому — как системного социально-правового феномена. Для преодоления упрощённого подхода предлагается трехуровневая модель: первый уровень — уголовно-наказуемые деяния (получение взятки, коммерческий подкуп, злоупотребление полномочиями); второй — административно-деликтные нарушения, не достигающие степени общественной опасности; третий — нравственно-деструктивные практики (конфликт интересов, nepotизм), формально не являющиеся правонарушениями, но создающие благоприятную среду для коррупции. Эта модель охватывает всё многообразие проявлений, сохраняя правовую определённость.

В криминологии выделяются различные модели влияния коррупции на преступность: психологическая, культурологическая, экономическая, институциональная. Ни одна из них не даёт полного объяснения, что требует интеграции. Предлагаемая модель рассматривает коррупцию как многомерный процесс, разворачивающийся на всех уровнях социальной реальности, где она выступает метасистемным фактором, трансформирующим природу преступности.

Механизмы воздействия коррупции на видовую преступность имеют универсальный характер, но специфическую реализацию. В сфере экономической преступности коррупция выполняет обеспечительную, легализующую, стимулирующую и интегрирующую функции. За 2020–2024 годы число экономических преступлений стабилизировалось, но доля коррупционных среди них выросла с 30,8 тыс. до 38,5 тыс. В организованной преступности наиболее опасно сращивание коррумпированных чиновников с криминальными структурами, превращающее коррупцию в устойчивую криминально-коррупционную систему. Классическая формула «Деньги — Товар — Деньги» трансформируется в три: «Деньги — Власть — Деньги», «Деньги — Криминал — Деньги», «Деньги — Деградация — Деньги». В сфере терроризма коррупция обеспечивает финансовую,

информационную и организационную инфраструктуру, включая создание условий для функционирования ячеек, легализацию средств, утечку информации, содействие в перемещении участников и оружия, нейтрализацию правоохранительного воздействия и идеологическое прикрытие.

Направления противодействия коррупции включают три блока. Первый — совершенствование законодательства: выделение коррупционных преступлений в отдельную главу УК РФ; введение двухуровневой конфискации (обязательной для преступных доходов и гражданско-правовой для необъяснённых активов); внедрение антикоррупционной экспертизы нормативных актов в сферах с высоким риском; принятие закона о защите лиц, сообщающих о коррупции; создание открытого реестра лиц, уволенных за утрату доверия. Второй — институциональные реформы: координация правоохранительных и контрольно-надзорных органов, обеспечение независимости подразделений собственной безопасности, обязательная ротация руководителей территориальных органов (не реже одного раза в 5 лет), создание независимого органа для рассмотрения сообщений о коррупции от сотрудников. Третий — снижение коррупционной ёмкости через технологические и общественные механизмы: принцип «цифровой по умолчанию», исключающий личный контакт с чиновниками; использование Big Data и ИИ для выявления конфликта интересов; применение блокчейна в госзакупках; развитие общественного контроля; внедрение антикоррупционного просвещения в образовательные программы. При этом необходимо учитывать риски «электронной коррупции» — манипуляций в сфере цифровых услуг и криптовалют.

Исследование подтверждает системный характер коррупции, требующий комплексного подхода. Коррупция выступает «криминогенным мультипликатором», многократно усиливающим деструктивный потенциал экономической, организованной и террористической преступности. Предложенная трехуровневая модель позволяет преодолеть редукционизм в понимании коррупции. Механизмы коррупционного воздействия носят универсальный характер (невмешательство, утечка информации, содействие, прикрытие), но их реализация дифференцирована в зависимости от сферы. Разработанный комплекс мер при поэтапной реализации способен обеспечить устойчивое снижение коррупционной и общей преступности, но требует политической воли, межведомственной координации и системного подхода с учётом региональной специфики и современных вызовов.

Литература:

1. Авдийский В. И., Дадалко В. А., Синявский Н. Г. Теневая экономика и экономическая безопасность государства. — М., 2024.

2. Долгова А. И. Криминологические оценки организованной преступности и коррупции. — М.: Российская криминологическая ассоциация, 2021.
3. Ищенко Е. П. О коррупционном симбиозе выборной власти и организованной преступности // Всероссийский криминологический журнал. — 2021. — № 2.
4. Кравченко А. Г. и др. Использование цифровых технологий в сфере противодействия коррупции // Административное и муниципальное право. — 2020. — № 6.
5. Лунеев В. В. Преступность XX века: мировые, российские тенденции. — М.: Норма, 2021.
6. Лунич Б. А. Коррупция в России и ее влияние на преступность // Вестник науки. — 2026. — № 4 (97).
7. Магомедов Ш. Б., Абдулатипов А. М. К вопросу о взаимосвязи терроризма и коррупции // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. — 2019. — № 4.
8. Новиков В. А., Сигарев А. В. Коррупция, экстремизм и терроризм // Baikal Research Journal. — 2023. — Т. 14, № 3.
9. Овчинский А. С., Чеботарева С. О. Матрица преступности. — М.: Норма, 2017.
10. Стебенева Е. В. Коррупциогенные факторы в детерминации коррупции // Уголовно-исполнительное право. — 2024. — № 4.

К вопросу об особенностях прекращения уголовного преследования с применением принудительных мер воспитательного воздействия или помещением несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение

Захарова Анна Дмитриевна, студент магистратуры

Казанский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Статья посвящена анализу правовых и процессуальных особенностей прекращения уголовного преследования несовершеннолетних с применением принудительных мер воспитательного воздействия или помещением в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа. Актуальность исследования обусловлена необходимостью совершенствования механизма применения альтернативных наказанию мер воздействия на несовершеннолетних правонарушителей.

Ключевые слова: прекращение уголовного преследования, несовершеннолетние, принудительные меры воспитательного воздействия, специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа, освобождение от уголовной ответственности, освобождение от наказания.

Одним из специальных механизмов уголовно-правового воздействия на несовершеннолетних выступает освобождение от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия. Его нормативную основу составляет статья 90 УК РФ, положения которой распространяются на лиц, совершивших преступления небольшой или средней тяжести. При этом сам факт совершения преступления соответствующей категории еще не означает автоматического применения данной нормы. Закон связывает возможность освобождения с установлением того обстоятельства, что исправление несовершеннолетнего может быть достигнуто без привлечения его к уголовной ответственности, посредством воспитательного воздействия. Вместе с тем конкретные критерии, которыми суд должен руководствоваться при оценке возможности такого исправления, законодатель определяет недостаточно подробно [1].

Особое значение в данном случае приобретает процессуальная сторона освобождения несовершеннолетнего от уголовной ответственности. В соответствии со статьей

427 УПК РФ прекращение уголовного преследования допускается в отношении подозреваемого или обвиняемого, не достигшего восемнадцатилетнего возраста, при наличии предусмотренных законом условий. Одним из них является согласие несовершеннолетнего либо его законного представителя на прекращение уголовного преследования [2]. Иная конструкция установлена статьей 431 УПК РФ: для прекращения уголовного преследования по предусмотренному ею основанию согласие несовершеннолетнего или его законного представителя не требуется. Таким образом, процессуальный порядок прекращения уголовного преследования зависит не только от характера применяемой меры, но и от конкретного юридического основания, установленного уголовно-процессуальным законодательством [10].

Содержание воспитательного воздействия раскрывается непосредственно в части 2 статьи 90 УК РФ. Закон предусматривает четыре основные меры: предупреждение; передачу несовершеннолетнего под надзор родителей, лиц, их заменяющих, либо специализированного

государственного органа; возложение обязанности загладить причиненный вред; ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего.

На практике перечисленные меры способны оказывать различное воздействие на поведение подростка. Наименее интенсивной из них является предупреждение. Оно не предполагает установления каких-либо продолжительных ограничений или обязанностей и фактически сводится к официальному разъяснению несовершеннолетнему последствий совершенного преступления и недопустимости дальнейшего противоправного поведения. В связи с этим применение предупреждения представляется наиболее оправданным в отношении лиц, которые впервые совершили преступление небольшой или средней тяжести, особенно при отсутствии устойчивой криминальной направленности и в случаях совершения деяния по неосторожности [5, с. 100].

По мнению В.Г. Просвирнина: «Более существенное воспитательное значение имеют меры, предполагающие длительное воздействие на несовершеннолетнего. Однако именно здесь возникает проблема, связанная с продолжительностью их применения. Передача подростка под надзор родителей либо специализированного государственного органа и ограничение его досуга предполагают определенный период контроля за поведением лица» [7, с. 80–91]. Если же в течение этого периода несовершеннолетний достигает восемнадцатилетнего возраста, дальнейшее применение соответствующих мер становится невозможным. Следовательно, формально установленный возрастной предел в ряде случаев способен препятствовать достижению той цели, ради которой мера первоначально назначалась.

С учетом этого в научной литературе предлагается рассмотреть возможность сохранения отдельных обязанностей и после достижения лицом совершеннолетия. Прежде всего это может касаться обязанности возместить причиненный преступлением ущерб, соблюдения установленных ограничений досуга и выполнения специальных требований к поведению [3, с. 135]. Подобное решение позволило бы не прекращать воспитательное воздействие исключительно по формальному основанию, если необходимость его продолжения объективно сохраняется. Вместе с тем распространение такого подхода на все без исключения принудительные меры вряд ли возможно, поскольку некоторые из них непосредственно обусловлены именно несовершеннолетним возрастом лица.

Самостоятельного рассмотрения требует помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа. Согласно части 2 статьи 92 УК РФ несовершеннолетний, осужденный к лишению свободы за преступление средней тяжести или тяжкое преступление, может быть освобожден судом от наказания с направлением в такое учреждение. Здесь уже речь идет не просто о контроле за поведением подростка в привычной социальной среде. Несовершеннолетний по-

мещается в специально организованную среду, где одновременно обеспечиваются его обучение, воспитание и применение педагогических методов с учетом индивидуальных особенностей.

Продолжительность нахождения в специальном учебно-воспитательном учреждении ограничена законом: несовершеннолетний может находиться там до достижения восемнадцатилетнего возраста, но в любом случае не более трех лет. При изменении обстоятельств установленный срок может быть сокращен. В частности, досрочное прекращение пребывания допускается, когда суд признает, что несовершеннолетний больше не нуждается в дальнейшем применении данной меры. Основанием для прекращения также может стать заболевание, препятствующее содержанию и обучению лица в учреждении [8, с. 515].

Следует учитывать и возрастные особенности субъектов, в отношении которых применяется рассматриваемый механизм. Лица, совершившие общественно опасные деяния до достижения возраста уголовной ответственности, могут быть направлены в воспитательные учреждения закрытого типа независимо от категории совершенного деяния. В отношении несовершеннолетних, достигших возраста уголовной ответственности, законодатель устанавливает более узкие условия: направление в соответствующее учреждение связывается с совершением преступления средней тяжести или тяжкого преступления [6, с. 81]. Такое разграничение обусловлено различиями в уголовно-правовом статусе указанных категорий лиц.

При этом масштабы фактического применения рассматриваемой меры остаются относительно небольшими. В Российской Федерации функционирует около 14 специальных учебно-воспитательных учреждений открытого типа, рассчитанных примерно на 3 тысячи детей. Кроме того, действует около 59 учреждений закрытого типа, общая вместимость которых составляет до 4,5 тысячи несовершеннолетних. Однако количество подростков, фактически направляемых в учреждения закрытого типа, значительно меньше их потенциальной вместимости. Так, в 2024 году в СУВУЗТ было направлено 19 несовершеннолетних, причем в отношении 7 из них решение было принято судом в порядке освобождения от наказания. Еще по пяти обращениям о помещении подростков в СУВУЗТ судами были вынесены решения об отказе в удовлетворении соответствующих требований [4, с. 179].

Приведенные сведения позволяют обратить внимание еще на одну особенность рассматриваемого института. Несмотря на внешнее сходство с уголовным наказанием, помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное или лечебно-воспитательное учреждение таковым не является. Часть 2 статьи 92 УК РФ прямо связывает применение данной меры с освобождением от наказания. Следовательно, ее назначение не должно рассматриваться как дополнительная разновидность уголовной репрессии.

Вместе с тем полностью включить помещение в СУВУЗТ в систему принудительных мер воспитательного

воздействия, предусмотренных статьей 90 УК РФ, также не представляется возможным. Между указанными институтами имеются существенные различия как по основаниям применения, так и по характеру ограничений, которым подвергается несовершеннолетний. При помещении в учреждение закрытого типа фактически происходит существенное ограничение свободы лица, однако оно сопровождается образовательным и воспитательным воздействием. Именно сочетание этих элементов придает рассматриваемой мере особый правовой характер.

Поэтому вопрос о законодательном закреплении статуса помещения в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа сохраняет практическую значимость. Представляется необходимым более четко определить его место среди иных мер уголовно-правового воздействия на несовершеннолетних. По существу, СУВУЗТ занимает промежуточное положение между уголовным наказанием и принудительными мерами воспитательного воздействия. Его можно рассматривать как специфическую форму принудительного воздействия, ориентированную не на наказание подростка, а на его исправление и последующую ресоциализацию при наличии необходимости в особых условиях обучения и воспитания. В этой связи законодательное уточнение правовой природы данной меры способствовало бы устранению существующих терминологических и правоприменительных неопределенностей.

Не менее существенной является проблема выбора судами конкретного основания прекращения уголовного

преследования несовершеннолетнего. Наличие специальной нормы статьи 90 УК РФ само по себе не означает, что именно она будет применена в конкретном уголовном деле. Судебная практика показывает, что при наличии соответствующих условий преимущество нередко отдается общим основаниям освобождения от уголовной ответственности, включая примирение с потерпевшим, деятельное раскаяние и назначение судебного штрафа. В результате специальный воспитательный механизм, предназначенный именно для несовершеннолетних, применяется менее активно [9].

С учетом изложенного совершенствование института освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности должно осуществляться одновременно по нескольким направлениям. Необходимо конкретизировать критерии, позволяющие суду установить возможность исправления подростка без применения уголовного наказания, устранить неопределенность относительно продолжительности отдельных воспитательных мер и более четко закрепить правовой статус помещения в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа. При этом ключевым ориентиром должно оставаться обеспечение воспитательного и ресоциализационного характера воздействия. Для несовершеннолетнего, в отличие от взрослого лица, применение уголовно-правовых мер должно в большей степени быть направлено на предупреждение дальнейшего противоправного поведения и возвращение к нормальной социальной жизни, а не исключительно на реализацию карательного воздействия.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.
3. Карпенко О. И. Основания освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности и наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия // Вестник Московского университета МВД России. — 2021. — № 6. — С. 134–138.
4. Ковалева Н. В. Основания прекращения уголовного преследования в отношении несовершеннолетнего с применением принудительной меры воспитательного воздействия // Вопросы российского и международного права. — 2022. — № 7. — С. 178–191.
5. Кузнецова А. С., Савельева О. Ю. Принудительные меры воспитательного воздействия: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. — 2024. — Т. 20. — № 1. — С. 98–104.
6. Мазуренко А. П., Шиханцов Г. Г. Оптимизация применения принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетним как эффективное средство профилактики преступности // Психопедагогика в правоохранительных органах. — 2023. — № 3. — С. 80–85.
7. Просвирнин В. Г. Особенности предмета доказывания по уголовным делам несовершеннолетних. Воронеж, 2001. — С. 80–81 // <https://studfile.net/preview/16425925/page:20/>
8. Рарог А. И. Уголовное право России Части общая и особенная. Учебник для бакалавров. / А. И. Рарог. — М.: Изд-во: Проспект, 2016. — 624 с.
9. Официальный сайт УМВД по Амурской области // <https://28.xn—b1aew.xn—p1ai/document/7515934>
10. Применение судами принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетним обвиняемым по уголовным делам, поступившим с обвинительным заключением или обвинительным актом // <https://studfile.net/preview/10028457/page:3/>

Проблемы правопреемства в вещных правах: универсальное и сингулярное правопреемство

Каденкова Алина Андреевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье исследуются теоретические и практические проблемы правопреемства применительно к вещным правам. Анализируется понятие правопреемства, проблема отсутствия его легального определения в гражданском законодательстве, а также основные доктринальные подходы к пониманию данного института: теории дискретности (непереходности) и транзитивности (переходности). Рассматриваются особенности универсального правопреемства в вещных правах на примере наследования и реорганизации юридических лиц. Особое внимание уделяется дискуссионным аспектам сингулярного правопреемства в вещных правах, возможности применения данной конструкции к договорным способам перехода права собственности, а также проблеме «разрыва» между передачей вещи и государственной регистрацией перехода права. Автором обосновывается вывод о необходимости более четкого законодательного регулирования момента возникновения права собственности у приобретателя по договору и распределения рисков между сторонами. В заключении предлагаются направления совершенствования гражданского законодательства в части правопреемства в вещных правах.

Ключевые слова: правопреемство, вещные права, универсальное правопреемство, сингулярное правопреемство, переход права собственности, момент перехода права, государственная регистрация, наследование, реорганизация юридических лиц.

Категория «правопреемство» является одной из фундаментальных и наиболее востребованных в практическом отношении конструкций гражданского права. Она известна всем современным правовым системам и имеет глубокие исторические корни, уходящие в римское частное право. Несмотря на это, вплоть до настоящего времени в науке гражданского права ведутся активные дискуссии относительно понятия правопреемства, его видов, пределов применения и механизма реализации. Как справедливо отмечается в диссертационном исследовании Е. А. Сауткиной, правопреемство относится к одному из наиболее востребованных в практическом отношении институтов гражданского права, однако в законодательстве отсутствует его легальное определение, что порождает многочисленные теоретические и практические проблемы [5].

Наибольшую сложность и дискуссионность указанные проблемы обнаруживают именно в сфере вещных правоотношений, где традиционные правопреемственные конструкции сталкиваются с необходимостью учета абсолютного характера вещных прав и их неразрывной связи с объектом этих прав — индивидуально-определенной вещью. Традиционно правопреемство рассматривалось преимущественно в контексте обязательственных правоотношений: уступка права требования, перевод долга, переход прав и обязанностей при реорганизации. Применение же категории правопреемства к вещным правам всегда вызывало определенные сложности, связанные с самой природой вещных прав как абсолютных прав, существующих независимо от личности их носителя. Как отмечают множество авторов, права и обязанности по своей природе являются идеологическими субстанциями, не существующими в материальном мире, поэтому их «передача» от одного лица к другому невозможна [4].

В то же время практика оборота недвижимости, наследования, реорганизации юридических лиц, а также судебная практика убедительно демонстрируют, что смена лица в вещном правоотношении — это реальность, нуждающаяся в последовательной доктринальной разработке и непротиворечивом законодательном регулировании.

Так, перейдем к рассмотрению подходов в понимании правопреемства в гражданском праве. В цивилистической доктрине сложилось два основных подхода к пониманию правопреемства: теория дискретности (непереходности) и теория транзитивности (переходности).

Сторонники теории дискретности, среди которых В. С. Толстой, В. А. Белов, В. А. Рясенцев, В. П. Грибанов, К. И. Скловский, С. В. Корнихин и другие, полагают, что при правопреемстве первоначальное правоотношение прекращается и возникает новое, с измененным субъектным составом. Аргументация данной позиции основывается на следующих положениях. Во-первых, права и обязанности являются идеологическими субстанциями, не существующими в материальном мире, соответственно, они не могут быть переданы как вещи. Во-вторых, при правопреемстве происходит прекращение субъективного права у правопредшественника и одновременное возникновение идентичного права у правопреемника. В-третьих, субъективные права и обязанности не являются объектами гражданских правоотношений в отличие от вещей, а значит, не могут быть предметом «передачи».

В противовес данной теории сторонники теории транзитивности, к числу которых относятся Б. Б. Черпахин, В. А. Белов (в определенной части), Е. А. Сауткина и другие, утверждают, что правопреемство заключается в изменении лиц, выступающих в качестве субъектов правоотношений, посредством переноса субъективных прав и обязанностей от одного лица к другому в рамках

одного правоотношения в отношении того же объекта. Ключевые аргументы данной позиции сводятся к следующему: нельзя говорить о прекращении одного правоотношения и возникновении на его основе другого, поскольку право на вещь прекращается только в случае гибели самой вещи, и его существование не зависит от смерти лица, занимающего место субъекта вещного правоотношения. Кроме того, в статье 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) имущественные права отнесены к объектам гражданских прав, а именно — к имуществу, и, как и все остальные объекты, обладают оборотоспособностью [1].

Представляется, что теория транзитивности является более обоснованной применительно к вещным правам, поскольку она учитывает специфику вещных прав как абсолютных прав, существующих независимо от личности их носителя, и позволяет объяснить непрерывность существования права при смене его обладателя.

Рассмотрим два ключевых вида правопреемства: универсальное и сингулярное.

Универсальное правопреемство характеризуется тем, что к правопреемнику переходит весь комплекс прав и обязанностей правопреемника как единое целое, в неизменном виде. Классическими формами универсального правопреемства в вещных правах являются наследование (раздел V ГК РФ) и реорганизация юридических лиц (статья 58 ГК РФ) [1].

Наследование представляет собой наиболее бесспорную разновидность универсального правопреемства в вещных правах. Согласно статье 1110 ГК РФ, при наследовании имущество умершего переходит к другим лицам в порядке универсального правопреемства, то есть в неизменном виде как единое целое и в один и тот же момент. При этом правопреемство в вещных правах при наследовании обладает рядом существенных особенностей. В соответствии со статьей 1152 ГК РФ, принятое наследство признается принадлежащим наследнику со дня открытия наследства независимо от времени его фактического принятия, а также независимо от момента государственной регистрации права наследника на наследственное имущество, когда такое право подлежит регистрации [2]. Это означает, что право собственности на недвижимое имущество, входящее в состав наследства, возникает у наследника в момент открытия наследства, то есть в день смерти гражданина, а не в момент государственной регистрации перехода права. Данное положение является важным исключением из общего правила.

Реорганизация юридического лица также влечет универсальное правопреемство. В соответствии со статьей 58 ГК РФ, при слиянии, присоединении, разделении, выделении и преобразовании юридического лица все его права и обязанности переходят к правопреемнику (правопреемникам). Судебная практика исходит из того, что правопреемство при реорганизации носит универсальный характер, то есть к правопреемнику переходят все права и обязанности реорганизованного лица, включая те, ко-

торые не были отражены в передаточном акте или раздeltельном балансе. Как разъяснено в постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 25, отсутствие в передаточном акте указания на какое-либо обязательство реорганизованного лица не освобождает правопреемника от его исполнения [3].

Особую сложность при универсальном правопреемстве представляет вопрос о судьбе ограниченных вещных прав. Так, сервитуты, право хозяйственного ведения, право оперативного управления, как правило, сохраняются при переходе права собственности на имущество к правопреемнику, поскольку они следуют за вещью. В этом проявляется так называемое «право следования» как специфический признак ограниченных вещных прав.

Наиболее дискуссионным является вопрос о возможности сингулярного (частного) правопреемства в вещных правах. Сингулярное правопреемство означает переход отдельного права (или отдельных прав) от правопреемника к правопреемнику в порядке, предусмотренном законом или договором. Классическими примерами сингулярного правопреемства в обязательственных правах служат уступка права требования и перевод долга.

В отношении вещных прав сингулярное правопреемство традиционно связывают с договорными способами перехода права собственности: купля-продажа, мена, дарение, рента и другие. Однако здесь возникает принципиальный вопрос: можно ли рассматривать переход права собственности по договору как правопреемство в строгом смысле этого слова?

В литературе высказываются различные точки зрения. Одни авторы категорически отрицают возможность сингулярного правопреемства в вещных правах, указывая, что при отчуждении вещи по договору происходит не «переход» права, а прекращение права у отчуждателя и возникновение нового права у приобретателя. По мнению В. С. Толстого, «при сингулярном правопреемстве право переходит, но при этом переходит только отдельное право, а не весь объем прав»; однако применительно к вещным правам, по его мнению, такой переход невозможен, поскольку право собственности не может быть «разделено» на части для передачи.

Другие исследователи, напротив, полагают, что сингулярное правопреемство в вещных правах возможно, хотя и имеет определенную специфику. Как отмечает Е. А. Сауткина, при сингулярном правопреемстве приобретатель получает право в том виде, в каком оно существовало у отчуждателя, с сохранением всех обременений и ограничений [5]. Это положение находит отражение в судебной практике, когда, например, при продаже заложенного имущества право залога сохраняется и переходит к новому собственнику вместе с правом собственности.

Представляется, что позиция, допускающая сингулярное правопреемство в вещных правах, является более обоснованной. Во-первых, статья 128 ГК РФ прямо относит имущественные права к объектам гражданских прав, а значит, они обладают оборотоспособностью

и могут переходить от одного лица к другому в установленном законом порядке. Во-вторых, судебная практика нередко использует конструкцию правопреемства при переходе прав на недвижимость, например, при рассмотрении споров о преимущественном праве покупки доли в праве общей собственности, когда права и обязанности продавца переходят к покупателю. В-третьих, сам Гражданский кодекс Российской Федерации использует понятие правопреемства применительно к договору продажи предприятия, где к покупателю переходят не только права собственности, но и все права требования и долги продавца (статья 559 ГК РФ).

Особую актуальность применительно к сингулярному правопреемству в вещных правах приобретает вопрос о моменте перехода права. В соответствии со статьей 223 ГК РФ, право собственности у приобретателя по договору возникает с момента передачи вещи, если иное не предусмотрено законом или договором. При этом для недвижимого имущества установлено специальное правило: право собственности на недвижимое имущество возникает с момента государственной регистрации (статья 551 ГК РФ).

Данное регулирование создает проблему «разрыва» между моментом передачи вещи (фактическим владением) и моментом государственной регистрации (юридическим оформлением права). В этот промежуток времени возникает ситуация, которую в литературе часто называют «хромым правом» или «владением без права». Приобретатель, фактически владеющий и пользующийся имуществом, еще не является его собственником, а отчуждатель, формально оставаясь собственником, утратил фактическое владение.

Эта ситуация порождает множество практических споров, в частности: кто несет риск случайной гибели или повреждения имущества до регистрации перехода права; имеет ли приобретатель право на защиту своего владения вещными исками; может ли быть обращено взыскание на имущество по долгам отчуждателя после передачи вещи, но до регистрации перехода права; вправе ли отчуждатель в одностороннем порядке отказаться от регистрации перехода права после передачи вещи.

По мнению автора, до регистрации перехода права собственности риск случайной гибели или повреждения имущества несет Продавец, поскольку, например, в выписке из Единого государственного реестра недвижимости (далее — ЕГРН) в графе «Правообладатель» числится Продавец. Касаясь обращения взыскания на имущество по долгам отчуждателя после передачи вещи представляется разумным мнение, что это является недопустимым, поскольку такое имущество фактически было из обладания отчуждателя, а приобретатель, получивший вещь по возмездной сделке, вправе рассчитывать на защиту своего владения от притязаний третьих лиц. Формальное сохранение записи о праве собственности за отчуждателем в ЕГРН не должно служить безусловным основанием для обращения взыскания, поскольку такая

запись не отражает действительное положение дел. Кроме того, принцип добросовестности (статья 1 ГК РФ) не допускает извлечения преимуществ из недобросовестного поведения, а кредиторы отчуждателя фактически стремятся удовлетворить свои требования за счет имущества, которое должнику уже не принадлежит. Законодательное решение данной проблемы видится в закреплении правила, согласно которому с момента передачи недвижимого имущества по договору и до государственной регистрации перехода права такое имущество не может быть предметом обращения взыскания по долгам отчуждателя при условии добросовестности приобретателя. По поводу одностороннего отказа от регистрации перехода права собственности хочется отметить, что в договоре, удостоверившем нотариусом, имеет место быть отсылка к данному вопросу, то есть и Продавец, и Покупатель вправе прописать такое условие в договоре и впоследствии отказаться от регистрации.

В литературе отмечается различные пути решения данной проблемы. Одни авторы предлагают закрепить в законе конструкцию «владения на праве собственности», которое возникало бы с момента передачи имущества и защищалось бы вещными исками. Другие предлагают сократить срок между передачей и регистрацией, установив обязательную государственную регистрацию перехода права в течение определенного короткого срока (например, 10 дней) с момента подписания договора. Третьи полагают, что проблему можно решить через признание за приобретателем права на иск к отчуждателю о государственной регистрации перехода права и возмещении убытков в случае уклонения от регистрации [6].

Автор полагает, что наиболее обоснованным является подход, при котором в период между передачей вещи и государственной регистрацией перехода права приобретатель должен признаваться фактическим владельцем (что будет подтверждаться, например, отметкой на первоначальном правоустанавливающем документе о том, что такого-то числа был заключен договор), защищаемым от посягательств третьих лиц, а риск случайной гибели или повреждения имущества должен распределяться между сторонами в соответствии с принципом добросовестности и условиями договора.

Для наглядности ниже приведена сравнительная таблица универсального и сингулярного правопреемства.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, правопреемство в вещных правах является сложным и недостаточно разработанным институтом, требующим дальнейшего совершенствования законодательного регулирования. Отсутствие легального определения правопреемства, как и его видов, порождает неопределенность в правоприменении.

Во-вторых, универсальное правопреемство (наследование, реорганизация юридических лиц) признается в доктрине и судебной практике как бесспорная форма преемства в вещных правах. При этом особого внимания заслуживает специфика момента перехода права при на-

Таблица 1. Сравнительная характеристика универсального и сингулярного правопреемства в вещных правах

Критерий сравнения	Универсальное правопреемство	Сингулярное правопреемство
Объём переходящих прав	Переходит весь комплекс прав и обязанностей как единое целое	Переходит отдельное право или их совокупность
Замена субъекта	Во всех правоотношениях	В одном или нескольких правоотношениях
Основания	Наследование (Гл. V ГК РФ); Реорганизация юрлиц (ст. 58 ГК РФ)	Договоры (купля-продажа, мена, дарение); Уступка прав; Перевод долга
Момент перехода (на примере недвижимости)	С момента открытия наследства / завершения реорганизации (независимо от регистрации)	С момента государственной регистрации (ст. 551 ГК РФ)
Возможность отказа от части	Невозможна (нельзя принять наследство частично)	Возможна (можно уступить часть прав)

следовании, когда право собственности возникает у наследника с момента открытия наследства, независимо от государственной регистрации.

В-третьих, сингулярное правопреемство в вещных правах представляет собой наиболее дискуссионный аспект в выбранной теме. Проблема момента перехода права при сингулярном правопреемстве требует законодательного решения. Предлагается рассмотреть возможность за-

крепления в Гражданском кодексе Российской Федерации правила, согласно которому фактический владелец, добросовестно получивший имущество по договору, признается собственником с момента передачи вещи, а государственная регистрация носит правоподтверждающий, а не правообразующий характер, либо установить четкие правила распределения рисков и защиты прав сторон в период между передачей и регистрацией.

Литература:

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024)
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть третья (собрание законодательства Российской Федерации, 2001, № 49, ст. 4552)
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. — 2015. — 30 июня.
4. Белов, В. А. Вещное право: учебник и практикум для вузов / В. А. Белов. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Юрайт, 2023. — 487 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-17890-1.
5. Правопреемство в вещных правах: диссертация... кандидата юридических наук: 5.1.3. / Сауткина Екатерина Андреевна; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»; Диссовет 0286-01-01]. — Саранск, 2024. — 229 с.
6. Сапонова Я. В., Саакян Г. Н. Проблемы реализации законодательства о переходе прав в обязательствах: актуальные вызовы и направления развития // Вестник науки. 2026. № 5 (98). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-realizatsii-zakonodatelstva-o-perehode-prav-v-obyazatelstvah-aktualnye-vyzovy-i-napravleniya-razvitiya> (дата обращения: 16.06.2026).

Компьютерная информация как объект исследования
в уголовном судопроизводстве

Кампарова Эллада Хасановна, студент магистратуры
Научный руководитель: Стронский Данил Дмитриевич, кандидат юридических наук, доцент
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье исследуется компьютерная информация как объект криминалистического исследования в уголовном судопроизводстве. Рассматриваются ее законодательное содержание, соотношение с электронным носителем и цифровым следом, особенности получения, фиксации и оценки. Предлагается авторская модель, объединяющая шесть взаимосвязанных элементов: источник, способ получения, целостность, содержание, механизм образования и связь с событием.

Ключевые слова: компьютерная информация, цифровая информация, электронный носитель, цифровой след, цифровые доказательства, криминалистика, уголовное судопроизводство, доказывание, специальные знания.

Введение

Цифровизация изменила не только способы совершения преступлений, но и характер сведений, с которыми работает следствие. Значительная часть сведений, имеющих значение для уголовного дела, существует в цифровой форме: электронные сообщения и документы, изображения, аудио- и видеозаписи, журналы событий, метаданные и иные данные, формируемые в процессе использования информационных систем.

В. Ф. Васюков и Э. И. Дамирчиев выделяют пользовательские данные, системные журналы, метаданные и телекоммуникационные сведения, обращая внимание на их доказательное значение. Однако обнаружение цифровых данных не решает задачу их криминалистической оценки: необходимо установить происхождение, способ получения, возможность изменения и связь с расследуемым событием.

Не менее важно разграничивать понятия «компьютерная информация», «электронный носитель» и «цифровой след».

Цель исследования — определить особенности компьютерной информации как объекта криминалистического исследования и предложить последовательность установления ее происхождения, содержания и связи с расследуемым событием.

Компьютерная информация как объект криминалистического исследования

Согласно примечанию 1 к статье 272 УК РФ, под компьютерной информацией понимаются сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи [1, прим. 1 к ст. 272]. Поэтому она не тождественна компьютеру, смартфону, жесткому диску или иному носителю. Пункт 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 декабря 2022 г. № 37 относит к компьютерной информации сведения, находящиеся в запоминающих устройствах, на внешних электронных носителях и передаваемые посредством каналов электрической связи [3, п. 2].

Для криминалистики это разграничение имеет практическое значение: при исследовании смартфона устройство выступает материальным объектом, а сообщения, фотографии, документы, данные приложений и сведения о соединениях — информационным объектом. Васюков и Дамирчиев обращают внимание на изменчивость цифровой информации, существование идентичных копий и зависимость ее отображения от технических средств [4, с. 38–50].

Компьютерная информация и электронный носитель

Статья 164.1 УПК РФ устанавливает специальные правила изъятия электронных носителей информации и ко-

пирования содержащейся на них информации, установлены случаи, когда изъятие электронного носителя допускается, а также требования к участию специалиста и фиксации порядка применения технических средств [2, ст. 164.1]. Возможность копирования информации без обязательного изъятия самого носителя в предусмотренных законом случаях показывает, что информационное содержание и материальная среда его хранения могут рассматриваться как взаимосвязанные, но самостоятельные объекты.

С. В. Лукошкина связывает работу с электронными носителями с участием специалиста и назначением судебных экспертиз [6, с. 210–217]. Поэтому при исследовании цифрового объекта необходимо учитывать три взаимосвязанных элемента: электронный носитель как материальную среду, компьютерную информацию как цифровое содержание и процессуальную форму ее получения.

Соотношение компьютерной информации и цифрового следа

Э. Г. Хомяков рассматривает цифровые следы с позиции механизма следообразования, их обнаружения и фиксации [5, с. 71–82]. Компьютерную информацию и цифровой след не следует полностью отождествлять. Компьютерная информация представляет собой сведения, существующие в цифровой форме, тогда как категория цифрового следа позволяет рассматривать эти сведения с позиции цифровой активности и механизма их образования. Например, электронное сообщение имеет определенное содержание, но сведения о времени его создания, учетной записи, устройстве и сетевой активности помогают установить, каким образом и в результате какой активности оно возникло. Отсюда возникает проблема идентификации: устройство → учетная запись → цифровое действие → конкретное лицо. Каждый переход требует дополнительного подтверждения.

Получение и исследование компьютерной информации

Цифровые данные могут изменяться вследствие действий пользователя и функционирования программного обеспечения. С. В. Рудакова отмечает: «данная информация может быть создана, изменена или уничтожена, в том числе в целях фальсификации для последующего обеспечения доказательств ложного алиби» [7, с. 58]. Следовательно, состояние цифровых данных необходимо оценивать вместе с условиями их получения.

Р. В. Костенко указывает, что при исследовании электронных документов, цифровых фотографий, аудио- и видеозаписей возникают вопросы «об их подлинности, целостности, способах проверки и оценки» [8, с. 74]. Это подтверждает необходимость учитывать не только содержание цифрового объекта, но и способ его получения и сохранения.

При исследовании компьютерной информации необходимо отвечать не только на вопрос: «что обнаружено?», но и на вопросы: «как информация возникла?», «в какой информационной системе?», «каким действием сформирована?», «когда возникла или изменилась?», «каким образом была получена в ходе расследования?», «какие иные сведения подтверждают ее связь с расследуемым событием?». Такая постановка вопросов переводит исследование от извлечения данных к установлению обстоятельств их возникновения.

Авторская модель исследования компьютерной информации

Предлагаем рассматривать криминалистическое исследование компьютерной информации как последовательность шести взаимосвязанных элементов: источник → способ получения → целостность → содержание → механизм образования → связь с событием.

Первый этап — установление источника: устройства, внешнего носителя, сервера, информационной системы, облачного хранилища. Второй — установление способа обнаружения, получения и фиксации. Третий — проверка целостности и возможности изменения. Четвертый — исследование содержания. Пятый этап — установление механизма образования: каким действием пользователя либо функционированием технической системы сформировалась информация. Именно его мы считаем центральным,

поскольку он позволяет перейти от вопроса «что находится в системе?» к вопросу «в результате какого процесса это возникло?». Шестой этап — сопоставление информации с обстоятельствами уголовного дела и установление ее связи с событием, действием, временем, способом его совершения и, при наличии совокупности подтверждающих данных, с конкретным лицом. Модель связывает технический источник с процессом образования информации и последующей криминалистической оценкой, не допуская автоматического вывода о личности пользователя.

Заключение

Компьютерная информация является самостоятельным объектом криминалистического исследования, однако ее оценка не может ограничиваться содержанием обнаруженных данных. Необходимо учитывать источник, способ получения, целостность, содержание, механизм образования и связь с расследуемым событием.

Разграничение компьютерной информации, электронного носителя и цифрового следа позволяет точнее определить объект исследования и избежать автоматического отождествления устройства или цифрового идентификатора с конкретным лицом. Предложенная шестиступенчатая модель ориентирует исследование от обнаружения данных к установлению обстоятельств их возникновения; центральным элементом этой последовательности выступает механизм образования информации.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 г. № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2023. № 3.
4. Васюков В. Ф., Дамирчиев Э. И. Понятие и виды цифровой информации, используемой в доказывании по уголовным делам // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2025. № 2. (34) С. 38–50.
5. Хомяков Э. Г. О сущности цифровых следов в криминалистике и их фиксации // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2025. № 1 (21). С. 71–82.
6. Лукошкина С. В. Проблемы изъятия электронного носителя информации в контексте участия специалиста и назначения судебных экспертиз // Всероссийский криминологический журнал. 2024. Т. 18. № 2. С. 210–217. DOI: 10.17150/2500-4255.2024.18(2).210-217.
7. Рудакова С. В. Цифровое алиби и цифровые доказательства // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2019. № 1. С. 56–59.
8. Костенко Р. В. Эволюция непосредственности исследования доказательств в цифровом уголовном судопроизводстве // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2025. № 2. С. 71–79. DOI: 10.31429/20785836-17-2-71-79.

Тактические особенности допроса свидетеля и подозреваемого при использовании цифровых доказательств

Кампарова Эллада Хасановна, студент магистратуры

Научный руководитель: Стронский Данил Дмитриевич, кандидат юридических наук, доцент

Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье рассматриваются тактические особенности допроса свидетеля и подозреваемого при использовании цифровых доказательств. Показано, что цифровая информация не создает самостоятельной процессуальной формы допроса, но меняет содержание подготовки, постановки вопросов и проверки показаний. Разграничиваются особенности допроса свидетеля и подозреваемого. Предлагаются авторская модель установления связи цифровой информации с конкретным лицом и алгоритм ее тактического предъявления в ходе допроса.

Ключевые слова: допрос, свидетель, подозреваемый, цифровые доказательства, цифровая информация, цифровой след, компьютерная информация, криминалистическая тактика, расследование преступлений.

Введение

Цифровые данные все чаще становятся частью доказательственной базы по уголовным делам. Сведения, имеющие значение для расследования, содержатся в мобильных устройствах, компьютерной технике, мессенджерах, социальных сетях, электронной почте и информационных системах. Поэтому показания необходимо сопоставлять с данными, отражающими действия пользователя, время и способ их совершения.

УПК РФ не выделяет «допрос с использованием цифровых доказательств» в самостоятельную процессуальную форму. Допрос проводится по общим правилам ст. 187, 189 и 190 УПК РФ. Специфика проявляется в подготовке следователя и содержании тактических приемов.

В классической криминалистике подготовка к допросу включает изучение материалов дела, личности допрашиваемого, определение обстоятельств и планирование вопросов [1, с. 334–345]. Киселев и Горбунова выделяют предварительный анализ технических данных и временной последовательности событий [2, с. 70–72], Яковлев — анализ IP-адресов, временных рамок и иных технических сведений [3, с. 103–105].

Особое значение имеет допрос свидетеля: необходимо установить не только содержание сообщения, но и источник осведомленности, способ восприятия и основания, по которым свидетель связывает цифровую информацию с лицом или событием.

Цель статьи — выделить эти особенности и предложить алгоритм использования цифровых доказательств.

Подготовка к допросу при наличии цифровых доказательств

Наличие цифровых доказательств не отменяет общих правил подготовки, но требует заранее определить, какая информация относится к событию, каким способом получена, какой период отражает и что необходимо проверить показаниями.

Следователь должен отделить сведения, уже подтвержденные техническим исследованием, от обстоятельств, которые можно установить только посредством показаний. При необходимости специалист разъясняет технические данные, но постановка вопросов и оценка ответов остаются задачей следователя.

Связь цифрового объекта с лицом нельзя выводить только из принадлежности устройства или учетной записи. Ее целесообразно проверять последовательно: цифровой объект → устройство → учетная запись → пользователь → фактический доступ → конкретное действие. Это авторская модель установления субъектной принадлежности.

Тактика допроса свидетеля

При допросе свидетеля центральным становится источник его осведомленности. Свидетель может непосредственно воспринимать событие, получать сведения от другого лица или знакомиться с ними через цифровой источник. В каждом случае нужно установить механизм получения информации.

Предлагаем трехуровневую детализацию. Первый уровень — обстоятельства восприятия: когда и где получены сведения, каким способом, какое устройство использовалось и кто имел к нему доступ. Второй — цифровой источник: сервис, приложение, учетная запись, способ получения и возможность изменения данных. Третий — содержание и связь с событием.

Логика вопросов: когда и где информация получена → каким способом → из какого цифрового источника → что именно воспринято → почему свидетель связывает ее с лицом или событием.

Если свидетель сообщает, что видел сообщение в мессенджере, необходимо выяснить, видел ли он исходную переписку, как определил отправителя, мог ли другой человек использовать учетную запись и имел ли свидетель доступ к устройству. Это отделяет факт восприятия от вывода о значении информации; вопросы задаются с учетом ст. 189 УПК РФ.

Тактика допроса подозреваемого

При допросе подозреваемого цифровая информация прежде всего используется для проверки его версии. После свободного рассказа ее можно детализировать: устройство → учетная запись → доступ → время → действия → цифровой результат.

Если подозреваемый признает принадлежность устройства или аккаунта, но отрицает конкретное действие, необходимо разграничить принадлежность, возможность доступа, фактический доступ и действие. Признание телефона своим не отвечает на вопрос, кто использовал его для отправки сообщения в определенное время.

Классическая тактика предусматривает свободный рассказ с последующей детализацией [1, с. 334–335]. В цифровой среде это позволяет сначала получить самостоятельную версию, а затем проверить ее конкретными техническими обстоятельствами.

Предъявление цифровой информации в ходе допроса

Цифровой материал не должен превращать допрос в демонстрацию осведомленности следователя. Его значение — в проверке конкретной версии: версия лица → детализация → предъявление относящегося к ней цифрового объекта → объяснение → сопоставление.

Практически это означает принцип точечного предъявления: один цифровой объект — одно проверяемое обстоятельство — одно объяснение. Если лицо отрицает использование учетной записи в определенный период, сначала устанавливаются обстоятельства доступа, затем предъявляется конкретная относящаяся к нему информация.

При этом вопросы подлинности и целостности цифровой информации нельзя оставлять за пределами допроса. Р. В. Костенко отмечает вопросы «об их подлинности, целостности, способах проверки и оценки» [5, с. 74]. При споре о цифровом объекте следует выяснять не только содержание, но и отношение лица к его происхождению и возможному изменению.

Цифровое доказательство не заменяет показания, а становится средством их проверки. Такой порядок позволяет не предъявлять сразу весь массив информации и сохраняет познавательную ценность ответов.

В. А. Семенцов отмечает: «весьма заметным является влияние технических средств и цифровых технологий на процедуру уголовно-процессуального доказывания, что не исчерпывает всего возможного потенциала цифровизации» [6, с. 99]. В допросе это проявляется прежде всего в расширении средств проверки показаний.

Предложения

На этой основе предлагаются две взаимосвязанные конструкции.

Первая — модель установления связи цифровой информации с конкретным лицом: цифровой объект → устройство → учетная запись → пользователь → фактический доступ → конкретное действие.

Вторая — алгоритм использования цифровой информации: свободный рассказ → цифровая версия → детализация → предъявление → объяснение → сопоставление. Сначала фиксируется самостоятельная версия лица, затем она проверяется конкретными цифровыми обстоятельствами.

Первая модель отвечает на вопрос, как проверять связь цифрового объекта с лицом, вторая — как вводить результаты такой проверки в структуру допроса. Цифровая информация становится инструментом проверки и детализации показаний.

Заключение

Использование цифровых доказательств не создает самостоятельной процессуальной формы допроса, но меняет его криминалистическое содержание. Подготовка включает анализ источника, времени и способа получения информации и обстоятельств, которые необходимо проверить.

При допросе свидетеля ключевым остается источник осведомленности, при допросе подозреваемого — проверка версии через обстоятельства фактического использования устройств, учетных записей и систем.

Предложенные модели соединяют традиционные приемы допроса с особенностями цифровой среды. Их смысл не в увеличении количества предъявляемых данных, а в том, чтобы каждое цифровое сведение отвечало на конкретный проверяемый вопрос.

Литература:

1. Криминалистика: учебник для бакалавров / отв. ред. Е. П. Ищенко. М.: Проспект, 2015. 368 с. ISBN 978–5–392–15364–0.
2. Киселев А. С., Горбунова К. А. Особенности тактики допроса обвиняемых при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 2 (41). С. 67–74. DOI: 10.47475/2311–696X–2024–41–2–67–74.
3. Яковлев Д. С. Специфика тактики допроса обвиняемых по делам о преступлениях в сфере компьютерной информации // Проблемы правовой и технической защиты информации. 2025. № 13. С. 101–108.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

5. Костенко Р. В. Эволюция непосредственности исследования доказательств в цифровом уголовном судопроизводстве // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2025. № 2 (17). С. 71–79. DOI: 10.31429/20785836–17–2–71–79.
6. Семенцов В. А. Цифровые технологии в отечественном уголовном судопроизводстве // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2022. № 4 (14). С. 97–105. DOI: 10.31429/20785836–14–4–97–105.

Санация недействительного брака: проблемы правового регулирования

Ляпунов Иван Александрович, студент

Научный руководитель: Ходырева Екатерина Александровна, доктор юридических наук, доцент

Удмуртский государственный университет (г. Ижевск)

В статье автор исследует проблемы применения санации в отношении недействительных браков, связанные с существующими пробелами в российском семейном законодательстве.

Ключевые слова: недействительный брак, основания недействительности брака, санация, оздоровление недействительного брака, семейное право, семейное законодательство, Семейный кодекс Российской Федерации, пробелы правового регулирования.

Согласно информации Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, за 2024 год в суды общей юрисдикции по первой инстанции поступило 1134 дела о признании брака недействительным, из которых 844 были рассмотрены с вынесением судебного решения. При этом требования по 715 делам были удовлетворены [1]. Какой вывод можно сделать из представленной статистики? Самый очевидный: дела указанной категории редки в судебной практике. Если учитывать, что по результатам последней Всероссийской переписи населения в России проживает около 24,2 млн семей [2], количество дел, равное 1134, не выглядит значительным. Но при более внимательном взгляде на данные обнаруживается куда более интересный факт: подавляющее большинство рассмотренных дел оканчивается вынесением судебного решения, удовлетворяющего требования заявителя, что дает повод задаться некоторыми вопросами.

Согласно п. 1 ст. 27 Семейного кодекса Российской Федерации (далее СК РФ), признание брака недействительным производится в случае нарушения условий, установленных ст. 12–14 и п. 3 ст. 15 данного Кодекса, а также в случае заключения фиктивного брака [3]. Однако указанные основания не всегда являются абсолютно безусловными. Бывает и так, что при рассмотрении дела о признании брака недействительным суд устанавливает, что обстоятельства, служившие препятствием для заключения брака, уже отпали и не могут иметь юридического значения. Тогда суд может сохранить юридическую силу брака, согласно п. 1 ст. 29 СК РФ [3], что в юридической науке принято называть санацией (оздоровлением) брака. Сложно переоценить значимость и полезность института санации, ведь он играет большую роль в сохранении браков и защите прав супругов. Но если исходить из ранее представленных статистических данных, становится понятно, что к санации правоприменитель прибегает не-

часто. И это, как представляется автору, можно объяснить отчасти тем, что порой при применении санации приходится сталкиваться с рядом серьезных правовых проблем, препятствующих правомерному и справедливому разрешению дела.

Рассмотрим некоторые коллизии и пробелы в правовом регулировании санации недействительного брака.

Прежде всего необходимо задаться вопросом: *существует ли вообще такой способ защиты прав, как признание недействительного брака действительным?* В юридической литературе санацию преимущественно трактуют как отказ в удовлетворении иска о признании брака недействительным [4, с.89; 5, с.127]. По мнению противников данного подхода, такой отказ свидетельствует о том, что суд в ходе разбирательства не нашел подтверждения наличия заявленных обстоятельств, исключающих юридическую силу брака, то есть их не было изначально. Из чего следует, что с позиции п. 1 ст. 29 СК РФ отклонение соответствующего иска в целом нельзя считать санацией, которая предполагает устранение действительно существовавших ранее препятствий для заключения брака. Изучение ряда судебных дел, доступных для ознакомления в открытых базах данных судебных решений, подтверждает вышесказанное. Однако встречаются в практике и дела, которые можно рассматривать в качестве аргументов, обосновывающих первую точку зрения. Например:

1. Истец ФИО1 требовала признать недействительным брак между ФИО5 и ФИО6, ссылаясь на то, что на момент его заключения ФИО5 состоял в браке с ней, поскольку решение мирового судьи о расторжении их брака было отменено. Представитель ответчика возражал, указывая, что брак между истцом и ФИО5 впоследствии все же был расторгнут в судебном порядке и решение вступило в законную силу. Таким образом, к моменту рассмо-

тения дела обстоятельства, препятствовавшие действительности брака ФИО5 и ФИО6 (наличие другого зарегистрированного брака), отпали: брак ФИО1 и ФИО5 был официально расторгнут. Дополнительно суд учёл, что у ФИО5 и ФИО6 есть малолетний ребёнок, а фактические брачные отношения истца с ФИО5 прекратились задолго до разрешения спора. Суд отказал в удовлетворении требований о признании брака недействительным [6].

2. ФИО4 обратилась в суд с иском к ФИО5 о признании недействительным брака между ФИО5 и ФИО1, зарегистрированного 04 апреля 1998 года, ссылаясь на то, что на момент его заключения ФИО1 состоял в другом браке с ФИО2, зарегистрированном 02 мая 1995 года в Австрии. Также указала, что ее права затрагиваются браком между ФИО5 и ФИО1 в связи с тем, что она является наследником умершего ФИО1, при этом вступление в наследство ФИО5 как супруги умершего повлияет на долю истицы в наследственном имуществе. Судом установлено, что указанный предыдущий брак был расторгнут 04 мая 2004 года, в связи с чем препятствие к заключению брака между ФИО5 и ФИО1 отпало до рассмотрения указанного дела. Учитывая, что супруги длительное время состояли в брачных отношениях, имели общего ребёнка, при жизни ФИО1 брак не оспаривался, а права ФИО4 заключением брака нарушены не были, суд также усмотрел в её действиях признаки злоупотребления правом. В связи с этим в удовлетворении исковых требований ФИО4 к ФИО5 о признании брака недействительным отказано [7].

В каждом из указанных дел суд акцентирует внимание на том, что порочность брака в определенный момент имела место, но к судебному разбирательству условия, составляющие эту порочность, отпали. Это подтверждается тем, что во всех случаях решение основывается на ст. 29 СК РФ.

Между тем в доктрине встречается позиция, согласно которой санация рассматривается как принятие судом решения о признании брака действительным [8, с.145–146; 9, с.101]. При этом, как отмечает М. В. Антокольская, речь идет именно о признании брака действительным, а не об отказе в признании брака недействительным [8, с.146]. Рассуждая о ключевом различии указанных взглядов, можно резюмировать: при первом подходе (признание брака через отказ в удовлетворении иска) санация предстаёт как пассивная форма оздоровления брака, тогда как в данном толковании она приобретает активный характер. Причем анализ судебной практики наводит на мысль, что активная форма санации может быть связана только с наличием встречного иска о признании брака действительным. Например:

1. Г. обратилась в суд с иском к Ф. о признании брака недействительным, указав, что 19 марта 1988 года ее отец Е. (умерший 8 июня 2019 года), не расторгнув заключенный 2 ноября 1985 года брак с ее матерью Н., вступил в брак с Ф., в связи с чем считает последний недействительным. Ф., не согласившись с заявленными требованиями, обратилась в суд со встречным иском о признании

брака действительным, указав, что брак между Е. и Н. был расторгнут на основании решения суда от 24 октября 1988 года, в связи с чем отпали обстоятельства, которые в силу закона могли препятствовать заключению другого брака. Суд установил, что на момент регистрации брака между Е. и Ф. имелось препятствие, предусмотренное ст. 14 СК РФ, однако к моменту рассмотрения дела это препятствие отпало, поскольку брак между Е. и Н. был прекращен. Руководствуясь п. 1 ст. 29 и абз. 2 п. 3 ст. 169 СК РФ, суд отказал в удовлетворении исковых требований о признании брака недействительным и удовлетворил встречные исковые требования, признав брак действительным с момента внесения актовой записи о расторжении предыдущего брака [10, п. 9].

2. А. обратился с иском к Ю. и администрации района города о признании брака недействительным, ссылаясь на то, что брак заключен между его братом В. и Ю. в период, когда последняя была признана решением суда недееспособной. Администрацией района города заявлен встречный иск о признании брака, заключенного между В. и Ю., действительным в связи с тем, что обстоятельства, препятствующие заключению брака, отпали. Суд установил, что на момент рассмотрения дела Ю. уже была признана ограниченно дееспособной, супруги длительное время состояли в фактических семейных отношениях, и препятствие более не существовало. В связи с этим суд, руководствуясь п. 1 ст. 29 СК РФ, отказал в удовлетворении первоначального иска и удовлетворил встречный иск, признав брак действительным с момента его регистрации [10, п. 16].

В представленных примерах санация применяется в два этапа: отклоняется иск о признании брака недействительным и удовлетворяется встречное требование о признании брака действительным. Кроме того, в резолютивной части дополнительно фиксируется: «признать брак, заключенный [дата, между кем, где], действительным с [дата]». То есть, по сути, суд подтверждает, что государство признает юридическую силу брака после устранения его пороков, что и является активной формой санации. При этом очевидно, что если бы при аналогичных условиях дела встречного иска не заявлялось, то суд, не выходя за предмет и основание иска, принял бы решение об отказе в удовлетворении требования о признании брака недействительным, как в первых двух примерах.

Важно уточнить, что в правоприменительной практике имеет место так называемое установление факта зарегистрированного брака, например, в ситуациях, когда брак был заключен за рубежом в соответствии с законодательством иностранного государства и теперь, по каким-то не относящимся к правопрепятствующим его заключению основаниям, не признается в России [11]. Но такая процедура не имеет никакого отношения к санации, ведь ее целью является подтверждение наличия самого брака.

Только теперь, на основе изложенных фактов, можно четко и полно сформулировать проблему, которой посвящена данная часть статьи: существует ли такой способ

защиты прав, как признание недействительного брака действительным, или все сводится к тому, что при рассмотрении требования о признании брака недействительным суд отказывает в удовлетворении заявленного иска, и возможно ли решение о признании недействительного брака действительным без соответствующего требования одной из сторон? Автор склонен полагать, что в данном вопросе необходимо исходить из понимания санации как особого семейно-правового механизма, что предполагает наличие специальной процедуры ее применения, которая обязательно должна включать в качестве завершающего этапа вынесение судом решения о признании брака действительным. В связи с этим предлагается внести изменение в положение п. 1 ст. 29 СК РФ и представить его в следующей редакции: «Суд вправе вынести решение о признании брака действительным, если к моменту рассмотрения дела о признании брака недействительным отпали те обстоятельства, которые в силу закона препятствовали его заключению». Представляется, что указанное уточнение будет способствовать установлению единства правоприменительной практики, а также оформит санацию как самостоятельный способ защиты прав супругов.

Согласно п. 4 ст. 27 СК РФ, брак признается недействительным с момента его заключения [3]. Однако *законодатель не указал, с какого момента в случае оздоровления брак следует считать действительным*. Это представляется еще одним значимым пробелом семейного законодательства. Необходимость его восполнения кроется в важности определения момента возникновения реальных супружеских отношений, а вместе с ними — супружеских прав и обязанностей. В истории развития отечественного семейного права был период, когда данный аспект регулировался законом: в абз. 3 ст. 43 Кодекса о браке и семье РСФСР 1969 года указывалось, что если к моменту рассмотрения дела отпали обстоятельства, препятствовавшие заключению брака, он может быть признан действительным с момента отпадения этих обстоятельств [12].

Учитывая, что именно КоБС РСФСР 1969 года составил основу действующего СК РФ, остается неясным, почему приведенное положение вошло в него без указания временного критерия. В связи с этим среди доктринальных позиций в первую очередь обращает на себя внимание мнение М. В. Антокольской как одного из разработчиков проекта современного СК РФ. С ее точки зрения, суд может признать юридическую силу за браком только с момента, когда обстоятельства, препятствовавшие его заключению, перестали существовать [8, с.146].

Напротив, Л. М. Пчелинцева [13, с.140] и И. М. Кузнецова [14, с.40] полагают, что, исходя из буквального толкования п. 1 ст. 29 СК РФ, брак признается действительным с момента его заключения, за исключением случая, когда брак был заключен с лицом, состоящим в другом зарегистрированном браке. Такой брак может быть признан действительным с момента прекращения предыдущего брака. Это же отмечает Н. Н. Тарусина, утверждая, что санация при нарушении принципа единобрачия имеет свою осо-

бенность действия во времени и пространстве: если нарушитель до судебного рассмотрения дела успел расторгнуть первый брак, то второй брак может влечь последствия только с момента прекращения первого [15, с.188].

Такая позиция ученых ставит определение момента признания брака законным в зависимость от вида основания недействительности, что находит отражение в правоприменительной деятельности. Скажем, в приведенных выше примерах из Обзора судебной практики по делам о признании брака недействительным (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14.12.2022) видно, что суды используют это правило, определяя брак действительным: с момента внесения актовой записи о расторжении предыдущего брака в первом случае и с момента регистрации брака, оспариваемого по обстоятельству недееспособности одного из супругов в момент его заключения, — во втором.

Автор считает представленный подход верным, поскольку он в полной мере соответствует основным началам семейного права, прежде всего, принципу моногамии (единобрачия), исключая возможность существования двух браков одновременно. В связи с этим предлагается дополнить п. 1 ст. 29 СК РФ следующим положением: «Брак признается действительным с момента его заключения либо с момента прекращения предыдущего брака».

Другая важная проблема: *законодатель не конкретизировал, при каких основаниях недействительности брака санация возможна, а при каких — нет*. Если проанализировать перечень таких оснований, то становится понятно, что среди них есть такие, которые в силу своей специфики либо практически не подлежат устранению, либо неустраняемы в принципе. Например, абсолютно очевидно, что невозможно устранить близкое кровное родство между супругами, а значит, их брак не подлежит оздоровлению. Однако вместе с тем может случиться так, что в судебном порядке будет оспорено отцовство или материнство, а это, в свою очередь, устраним недопустимый уровень родства между лицами и позволит им стать законными супругами. Точно так же может быть опровергнуто иное близкое родство, скажем, между братом и сестрой.

Нельзя также с уверенностью сказать, возможна ли санация брака при сокрытии одним из супругов своего венерического заболевания или ВИЧ-инфекции [16, с.109]. Предположим, что супруг, права которого были нарушены, подал заявление в суд с требованием признать брак недействительным, а через некоторое время изменил свое решение и заявил об отказе от иска. Существует вероятность, что суд не примет такой отказ, ссылаясь на ч. 2 ст. 39 ГПК РФ [17], а значит, санация брака не будет произведена. Противоречие закону в данном случае суд усмотрит в том, что рассмотрение этого дела может отвечать не только частным интересам, но и интересам государства, поскольку одной из целей государственной политики на сегодняшний день является противодействие распространению ВИЧ-инфекции [18] и венерических заболеваний [19].

Автор видит в такой позиции суда неправомерное вмешательство в дела супругов. Согласно абз. 6 п. 1 ст. 28 СК РФ [3], обращаться с иском в суд о признании брака недействительным по основанию сокрытия ВИЧ-инфекции или венерического заболевания может лишь супруг, права которого были нарушены, и только он; даже прокурор не имеет такого права. Этот факт является достаточным доказательством того, что указанная ситуация относится исключительно к сфере частной жизни граждан и не может быть подвергнута ограничениям публичного характера. Основываясь на изложенных размышлениях, можно сделать вывод о том, что санация брака, оспариваемого по п. 3 ст. 15 СК РФ [3], должна быть возможным исходом судебного разбирательства.

При этом устранение условия, препятствующего законности брака, будет заключаться в информировании не знавшего о болезни супруга. Значение для процедуры оздоровления будет иметь его воля, направленная на сохранение брака. Законодатель, судя по всему, изначально оставил задачу оценки устранимости препятствий на усмотрение судов, которые должны ее производить, опираясь на обстоятельства каждого конкретного дела. Нет смысла вносить какие-либо поправки в соответствующие статьи СК РФ для разрешения этого законодательного пробела, но логично конкретизировать данный момент через разъяснения Верховного Суда Российской Федерации, которые могут быть представлены дополнительными пунктами в Постановлении Пленума от 05.11.1998 N 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака».

Правила п. 2 ст. 29 СК РФ занимают особое место среди других положений данной статьи. Согласно содержанию названного пункта, суд может отказать в иске о признании недействительным брака, заключенного с лицом, не достигшим брачного возраста, если этого требуют интересы несовершеннолетнего супруга, а также при отсутствии его согласия на признание брака недействительным [3].

Анализируя данную норму, можно прийти к следующему выводу: возможность оздоровления брака, зарегистрированного при недостижении одним из лиц установленного законодательством возраста, находится в зависимости от субъективных потребностей этого лица и его желания сохранить брак. Следовательно, суд может проигнорировать наличие соответствующего правопрепятствующего факта и оставить брак в неизменном виде, если такая необходимость вытекает из потребностей и желаний несовершеннолетнего лица. Надо признать, что данное положение является новацией: в российском семейном законодательстве до принятия современного Семейного кодекса такой нормы не было.

Вместе с тем понятие «интересы несовершеннолетнего супруга» является оценочным, закон не конкретизирует, что именно имеется в виду под ним, однако на практике оно предполагает целый ряд значимых для такого супруга благ. Очевидно, что таковые блага носят как имущественный, так и неимущественный характер и могут

быть обеспечены главным образом нахождением несовершеннолетнего в браке (семейное воспитание рожденного несовершеннолетним ребенка, забота и поддержка несовершеннолетнего в период беременности, здоровье несовершеннолетнего, безопасность личной и семейной тайны и т. д.), из чего и следует необходимость его сохранения.

Важность существования такого положения не ставится под сомнение, но *можно ли назвать его реализацию оздоровлением брака?* Судя по всему, научный консенсус в данном вопросе заключается в признании того, что п. 2 ст. 29 СК РФ закрепляет особый порядок санации (как бы ее частный случай) в отношении браков с несовершеннолетним элементом [14, с. 41; 20, с. 35; 21, с. 49].

Автор не может согласиться с этой позицией по двум причинам. Первая вытекает из рассуждений, приведенных несколькими абзацами выше: отклонение иска о признании брака недействительным не является санацией, она должна реализовываться специальным решением суда.

Вторая причина основывается на том, что для признания брака действительным требуется устранение правопрепятствующих этому обстоятельств, что прямо следует из смысла п. 1 ст. 29 СК РФ.

В рассматриваемом случае конкретное обстоятельство продолжает существовать, несовершеннолетний остается несовершеннолетним, а юридическая сила брака признается только за счет его интересов и желаний. Необходимо различать санацию и отклонение иска о признании недействительным брака, заключенного с несовершеннолетним лицом. Иначе нарушается смысл и структура механизма санации.

И еще один вопрос, на который следует обратить внимание. По общему правилу, закрепленному в п. 4 ст. 29 СК РФ, брак не может быть признан недействительным после его расторжения. Исключение составляют случаи наличия между супругами запрещенной законом степени родства либо состояния одного из супругов в момент заключения брака в другом нерасторгнутом браке [3].

Здесь автор усматривает еще одну значимую проблему. По закону расторгнуть можно только действительный брак, а значит, по логике вещей, *факт расторжения недействительного брака может рассматриваться как признание его действительным*. По сути дела, уполномоченный орган своим актом о расторжении брака производит его санацию, хотя факт нарушения необходимых для заключения брака условий не был исчерпан. Такая ситуация кажется несколько несправедливой по отношению к добросовестному супругу, который, не имея возможности признать брак недействительным, не может защитить свои права.

Автор считает, что ключ к разрешению данной проблемы лежит в закреплении правовой нормы, позволяющей лицам требовать признания брака недействительным после его расторжения при любых основаниях недействительности. Для этого предлагается изменить п. 4 ст. 29 СК РФ следующим образом: «Брак может быть при-

знан недействительным после его расторжения». Однако введенное изменение может привести к случаям, когда действительность брака будет оспариваться спустя продолжительное время, что значительно осложнит работу судов при изучении и проверке доказательств и может повлечь принятие неправомερных решений. Во избежание этого предлагается установить срок исковой давности в один год, и тогда окончательная редакция п. 4 ст. 29 СК РФ будет выглядеть так: «Расторгнутый брак может быть признан недействительным в течение года со дня его прекращения».

Таким образом, можно прийти к выводу, что санация недействительного брака является малоизученным институтом семейного права с рядом своих проблем и недостатков. Необходимость его дальнейшего развития и исследования диктуется существующими законодательными и правоприменительными пробелами. В представленной работе были рассмотрены лишь некоторые из них, которые автор счел наиболее значимыми и на которые в ходе дальнейшего совершенствования семейного законодательства следует обратить внимание в первую очередь.

Литература:

1. Отчёт о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2024 г. — Текст: электронный // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: [сайт]. — URL: https://cdep.ru/userimages/Statistika_2024/F3-svod-vse_sudy-2024.xls (дата обращения: 07.04.2026).
2. Российские семьи. — Текст: электронный // Российские реформы в цифрах и фактах: [сайт]. — URL: <https://refru.ru/fam55.html> (дата обращения: 07.04.2026).
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 23.03.2026, с изм. от 15.05.2026). — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 10.04.2026).
4. Постатейный комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации, Федеральному закону «Об опеке и попечительстве» и Федеральному закону «Об актах гражданского состояния» / О. Г. Алексеева, В. В. Андропов, А. А. Бухарбаева [и др.]; под ред. П. В. Крашенинникова. — М.: Статут, 2012. — 656 с. — Текст: электронный // Цифровой образовательный ресурс IPR SMART: [сайт]. — URL: <https://www.iprbookshop.ru/29326.html> (дата обращения: 05.06.2026). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.
5. Семейное право: учебник / Н. А. Аблятипова, Ф. М. Аминова, Г. Г. Бодурова [и др.]; под ред. С. Н. Тагаевой. — М.: ИНФРА-М, 2026. — 501 с. — Текст: электронный // Электронно-библиотечная система Znanium: [сайт]. — URL: <https://znanium.ru/catalog/document?id=466376> (дата обращения: 21.05.2026). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.
6. Решение № 2–7242/2018 2–7242/2018–М-5677/2018 М-5677/2018 от 6 ноября 2018 г. по делу № 2–7242/2018. — Текст: электронный // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/LocIq9l9Rgx/> (дата обращения: 24.05.2026).
7. Решение № 2–10242/2018 2–240/2019 2–240/2019(2–10242/2018;)-М-9778/2018 М-9778/2018 от 5 февраля 2019 г. по делу № 2–10242/2018. — Текст: электронный // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/nPNKofL0hxZR/> (дата обращения: 10.04.2026).
8. Антокольская, М. В. Семейное право: учебник / М. В. Антокольская. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма: Инфра-М, 2010. — 432 с. — Текст: непосредственный.
9. Семейное право: учебник для бакалавров / Л. И. Глушкова, О. М. Гюрджан [и др.]; отв. ред. С. О. Лозовская. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2018. — 347 с. — Текст: электронный // Электронный каталог РНБ: [сайт]. — URL: https://primo.nl.ru/permalink/f/df0lai/07NLR_LMS011630178 (дата обращения: 21.05.2026). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.
10. Обзор судебной практики по делам о признании брака недействительным (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14.12.2022). — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_434362/ (дата обращения: 23.04.2026).
11. Решение от 05 апреля 2013 по делу № 2–221/13. — Текст: электронный // Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции: [сайт]. — URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/656978721> (дата обращения: 17.06.2026).
12. Кодекс о браке и семье РСФСР (утв. ВС РСФСР 30.07.1969) (ред. от 07.03.1995, с изм. от 29.12.1995). — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3261/ (дата обращения: 17.06.2026).
13. Пчелинцева, Л. М. Семейное право России: учебник / Л. М. Пчелинцева. — 6-е изд., перераб. — М.: Норма, 2009. — 720 с. — Текст: непосредственный.
14. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации (постатейный) / М. В. Антокольская, Ю. А. Королев, И. М. Кузнецова [и др.]; под ред. И. М. Кузнецовой. — М.: БЕК, 1996. — 512 с. — Текст: электронный // Кон-

- сультантПлюс: [сайт]. — URL: <http://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=CMB&n=138&dst=100583> (дата обращения: 10.04.2026). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.
15. Тарусина, Н. Н. Брак по российскому семейному праву: учебное пособие / Н. Н. Тарусина. — Ярославль: Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, 2007. — 255 с. — Текст: электронный // Научная электронная библиотека eLIBRARY.ru: [сайт]. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21096677> (дата обращения: 10.04.2026). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.
 16. Ульбашев, А. Х. Семейное право: учебник для среднего профессионального образования / А. Х. Ульбашев. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2026. — 197 с. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт: [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/587285/p.109> (дата обращения: 15.04.2026). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.
 17. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 04.08.2026). — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 15.04.2026).
 18. Федеральный закон от 30 марта 1995 г. № 38-ФЗ «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)» (ред. от 23 марта 2026г.). — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6222/ (дата обращения: 15.04.2026).
 19. Приказ Минздрава РФ от 30 июля 2001 г. № 291 «О мерах по предупреждению распространения инфекций, передаваемых половым путём» (в ред. от 15 ноября 2001г.). — Текст: электронный // Гарант: [сайт]. — URL: <https://base.garant.ru/4177729/> (дата обращения: 16.04.2026).
 20. Гришаев, С. П. Постатейный комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации / С. П. Гришаев. — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: <http://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=CM-B&n=18540&dst=100001%2C-2&date=09.08.2026> (дата обращения: 09.08.2026). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.
 21. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации (постатейный) / З. А. Ахметьянова, Е. Ю. Ковалькова, О. Н. Низамиева [и др.]; отв. ред. О. Н. Низамиева. — М.: Проспект, 2010. — 560 с. — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=CMB&n=16420&dst=100567> (дата обращения: 22.05.2026). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

Актуальные проблемы и направления совершенствования законодательства о наследовании выморочного имущества

Малишова Анастасия Елизбаровна, студент магистратуры
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (г. Москва)

Статья посвящена анализу теоретических и практических проблем правового регулирования института выморочного имущества в Российской Федерации. Автор рассматривает ключевые материальные и процессуальные пробелы, с которыми сталкиваются государственные органы и муниципальные образования при оформлении прав на такое имущество. Особое внимание уделено анализу актуальной судебной практики, включая правовые позиции Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ по вопросам ответственности публично-правовых образований по долгам наследодателя и автоматического перехода прав на объекты. На основе проведенного исследования предлагаются конкретные направления реформирования гражданского законодательства.

Ключевые слова: выморочное имущество, наследование по закону, муниципальная собственность, Росимущество, гражданское право, пассивы наследства, судебная практика, совершенствование законодательства.

Current issues and directions for improving legislation on escheated property inheritance

The article is devoted to an analysis of theoretical and practical problems of legal regulation of the institution of escheat property in the Russian Federation. The author examines the key substantive and procedural gaps that state bodies and municipal entities face when formalizing rights to such property. Special attention is paid to an analysis of current judicial practice, including the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation on issues of the liability

of public legal entities for the decedent's debts and the automatic transfer of rights to objects. On the basis of the conducted research, specific directions for reforming civil legislation are proposed.

Keywords: *escheat property, intestate succession, municipal property, Rosimushchestvo, civil law, inheritance liabilities, judicial practice, improvement of legislation.*

Институт выморочного имущества выполняет важнейшую социальную и экономическую функцию в механизме гражданско-правового регулирования. Его главная цель — исключить существование «бесхозных» объектов, обеспечивая стабильность гражданского оборота и возвращая имущество умерших граждан, у которых не осталось наследников, в пользование общества.

Согласно статье 1151 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), выморочное имущество в виде жилых помещений, земельных участков и долей в них переходит в собственность муниципальных образований или городов федерального значения, а иное имущество — в собственность Российской Федерации [1]. Однако, несмотря на высокую значимость данного института, действующий правовой механизм содержит множество пробелов. Организационный вакуум, отсутствие системного учета и процессуальная неопределенность приводят к тому, что жилые помещения годами пустуют, разрушаются, генерируют долги по коммунальным платежам и становятся объектами мошеннических схем. Это обуславливает актуальность комплексного анализа проблем наследования выморочного имущества и поиска путей реформирования отечественного законодательства.

Так, в действующем законодательстве РФ отсутствует норма, обязывающая органы местного самоуправления или Федеральное агентство по управлению государственным имуществом (Росимущество) в конкретный срок заявить о своих правах на выморочный объект и оформить свидетельство у нотариуса. Поскольку для государства не требуется подавать заявление о принятии наследства (оно принимается автоматически в силу закона), процесс юридического оформления документов часто откладывается публичными субъектами на годы.

Системное бездействие органов власти порождает масштабную судебную практику. Согласно устойчивой правовой позиции Верховного Суда РФ, выморочное имущество переходит в собственность публично-правового образования автоматически со дня открытия наследства (т. е. смерти гражданина), независимо от факта государственной регистрации права или получения свидетельства у нотариуса [2].

На практике это приводит к тому, что суды массово удовлетворяют иски управляющих компаний и ресурсоснабжающих организаций к муниципалитетам. Администрации городов и районов принудительно обязывают выплачивать задолженность по жилищно-коммунальным услугам, накопившуюся с момента смерти одинокого собственника. Суды справедливо указывают, что «бездействие ответчика по оформлению выморочного имущества не освобождает его от обязанностей собственника по

содержанию данного имущества и не должно ущемлять права третьих лиц». Тем не менее, бюджеты несут избыточную нагрузку из-за отсутствия четкого процессуального регламента выявления таких квартир.

Действующая редакция ст. 1151 ГК РФ устанавливает строгое разделение: недвижимость (жилье, земля) переходит в местный (муниципальный) бюджет, а «иное» (вклады в банках, автомобили, акции, предметы домашнего обихода) — в федеральный бюджет в лице Росимущества.

Данный подход создает логистический и правовой тупик. Если в выморочной квартире, перешедшей муниципалитету, осталось движимое имущество (мебель, бытовая техника), местные власти не имеют юридического права им распоряжаться. В свою очередь, территориальные органы Росимущества физически не обладают ресурсами для оперативного выезда, описи, изъятия и реализации малоценных бытовых вещей, находящихся в отдаленных муниципальных образованиях. В результате муниципальные органы власти не могут полноценно вовлечь жилое помещение в оборот (например, предоставить его очередникам по договору социального найма), поскольку оно фактически «заблокировано» чужой (федеральной) собственностью.

Одной из самых острых проблем остается баланс интересов между государством как вынужденным наследником и коммерческими кредиторами (в первую очередь, банками). В соответствии со ст. 1175 ГК РФ, наследники отвечают по долгам наследодателя солидарно, но в пределах стоимости перешедшего к ним наследственного имущества.

Особую значимость в разрешении этой проблемы имеет Постановление Конституционного Суда РФ. Поводом к рассмотрению дела стал спор, в котором банк выдал гражданину кредит под залог квартиры (ипотека). После его смерти жилье признали выморочным, и оно перешло в муниципальную собственность. Квартира была продана на торгах для погашения кредита, однако вырученной суммы не хватило для закрытия всего долга из-за падения рыночных цен. Банк потребовал взыскать оставшуюся часть задолженности напрямую из средств местного бюджета, ссылаясь на общие нормы об обязательствах.

Конституционный Суд РФ встал на защиту муниципальных бюджетов и разъяснил важный принцип: если у умершего гражданина не было иного имущества, взыскивать разницу с государства или муниципалитета сверх суммы, реально вырученной от реализации выморочного объекта, незаконно [3]. Ответственность публично-правового образования строго ограничена фактической

стоимостью полученного актива. Данный прецедент защитил бюджетные средства от чрезмерных притязаний финансовых организаций, однако сама процедура оценки и реализации заложенного выморочного имущества до сих пор остается излишне затянутой.

Для устранения выявленных пробелов и минимизации судебных споров представляется необходимым:

- На законодательном уровне обязать нотариусов автоматически направлять электронное уведомление в органы местного самоуправления или Росимущество, если в течение 6 месяцев со дня открытия наследственного дела никто из физических или юридических лиц не заявил о своих правах на наследство. Информация о таких объектах должна аккумулироваться в специальной базе данных, интегрированной с Росреестром, что полностью исключит риски мошеннического захвата жилья по поддельным документам.

- изменить абзац 2 пункта 2 статьи 1151 ГК РФ, установив, что движимое имущество, находящееся внутри выморочного жилого помещения, автоматически переходит в собственность того же муниципального образования, к которому переходит и сама недвижимость. Это избавит Росимущество от выполнения экономически нецелесообразных и избыточных функций, а местным властям позволит осуществлять комплексную очистку и оперативное распоряжение жилым фондом.

- зафиксировать в законе пресекательный срок (например, один год с момента получения уведомления от нотариуса или со дня открытия наследства), в течение которого орган исполнительной власти или местного самоуправления обязан подать заявление о выдаче свидетельства о праве на наследство. Это повысит дисциплину государственных служащих и ускорит процесс распределения квартир среди нуждающихся граждан.

- закрепить правило, согласно которому с момента смерти одинокого гражданина до момента государственной регистрации права муниципальной собственности на выморочный объект начисление пеней, штрафов

и иных неустоек за неоплату жилищно-коммунальных услуг приостанавливается. Муниципалитет должен выплачивать исполнителю услуг только сумму основного долга, так как пеня выполняет карательную функцию за виновное поведение, которое нельзя вменить публичному субъекту до момента, пока он физически не узнал о существовании выморочного объекта [4].

Проведенное исследование теоретических основ и правоприменительной практики института выморочного имущества в Российской Федерации позволяет сделать вывод о наличии глубокого системного кризиса в данном секторе гражданского права. На современном этапе развития законодательства государство и муниципальные образования зачастую выступают в роли пассивных и вынужденных приобретателей, а не эффективных собственников. Существующий правовой вакуум — отсутствие процессуальных сроков для выявления объектов, архаичное разделение движимого и недвижимого имущества между уровнями бюджетов, а также несбалансированный механизм ответственности по долгам наследодателя — превратил данный институт из инструмента пополнения публичного фонда в источник постоянных судебных издержек и управленческих проблем.

Анализ актуальной судебной практики наглядно демонстрирует, что суды вынуждены брать на себя функции регулятора, восполняя пробелы закона. Принцип автоматического перехода прав на выморочное имущество со дня смерти гражданина, провозглашенный Верховным Судом РФ, с одной стороны, защищает стабильность оборота, но с другой — наказывает муниципальные бюджеты за объективную неосведомленность о наличии пустующего жилья. В свою очередь, прецедентное решение Конституционного Суда РФ об ограничении ответственности публичных субъектов рыночной стоимостью залога стало важнейшим шагом на пути защиты бюджетных средств от коммерческих кредиторов, однако оно не решает организационных проблем затягивания процедур оценки и реализации имущества.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 01.01.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 49. — Ст. 4552.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» // Российская газета. — 2012. — № 127.
3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации по делу о проверке конституционности статьи 1175 Гражданского кодекса РФ в связи с жалобой администрации муниципального образования. [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru).
4. Белов, В. А. Наследственное право: учебник для вузов / В. А. Белов. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 430 с.

Сложности правоприменительной практики по делам о наследовании выморочного имущества

Малишова Анастасия Елизбаровна, студент магистратуры
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (г. Москва)

Статья посвящена критическому анализу материально-правовых и процессуальных трудностей, возникающих в правоприменительной практике органов местного самоуправления, судов и нотариата при переходе выморочного имущества в публичную собственность. Автор подробно исследует дуализм правовой природы выморочности, коллизии, связанные с моментом возникновения права собственности у публично-правовых образований, а также проблемы взыскания коммунальных долгов и выявления латентного выморочного имущества. На основе обобщения материалов судебной практики Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ предложены пути минимизации правоприменительных рисков через совершенствование механизмов межведомственного взаимодействия.

Ключевые слова: выморочное имущество, правоприменительная практика, судебные споры, органы местного самоуправления, Росимущество, нотариат, бремя содержания имущества, долги наследодателя.

Challenges in law enforcement practice regarding cases involving escheated property

The article is devoted to a critical analysis of the substantive and procedural difficulties that arise in the law-enforcement practice of local self-government bodies, courts and notarial bodies when escheat property passes into public ownership. The author examines in detail the duality of the legal nature of escheat, conflicts regarding the moment at which public legal entities acquire the right of ownership, as well as problems of collecting utility debts and identifying latent escheat property. Based on a synthesis of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation and the Constitutional Court of the Russian Federation, ways are proposed to minimize law-enforcement risks through the improvement of inter-agency cooperation mechanisms.

Keywords: escheat property, law-enforcement practice, judicial disputes, local self-government bodies, Rosimushchestvo, notariat, burden of property maintenance, decedent's debts.

Эффективность института выморочного имущества напрямую зависит от четкости процессуальных алгоритмов его выявления, учета и оформления. Статья 1151 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) закрепляет императивное правило, согласно которому имущество умершего переходит в собственность государства или муниципалитета, если отсутствуют наследники как по закону, так и по завещанию [1].

Однако на этапе практической реализации этой нормы правоприменители — суды, нотариусы, органы Росимущества и местного самоуправления — сталкиваются со значительными трудностями. Российское законодательство, провозглашая автоматический переход прав на выморочные объекты к публичным субъектам, не сформировало для этого адекватного административно-процессуального базиса. В результате правоприменительная практика характеризуется высокой степенью конфликтности, затяжными судебными разбирательствами и неэффективным использованием освобождающегося жилого фонда.

На основании изучения правоприменительной практики можно выделить следующие проблемы:

1. Коллизия момента перехода права собственности и доктрины «автоматического принятия»

В соответствии с п. 4 ст. 1152 ГК РФ [1] и разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ № 9 [2], для приобретения выморочного имущества публично-правовым образованиям не требуется совершать актов принятия

наследства. Оно считается принадлежащим им со дня открытия наследства.

Данная теоретическая конструкция порождает глубокий кризис в правоприменении. Органы местного самоуправления зачастую физически не знают о смерти одинокого гражданина и об открытии наследства. В то же время, будучи «автоматическими» собственниками в силу закона, они задним числом признаются ответственными за все риски, связанные с имуществом.

Судебная практика наводнена исками управляющих компаний к муниципалитетам о взыскании задолженности по оплате жилого помещения и коммунальных услуг за периоды, когда объект фактически стоял безхозным. Суды последовательно занимают позицию защиты интересов ЖКХ, указывая, что неосведомленность исполнительной власти об открывшемся наследстве не освобождает бюджет от обязанности нести бремя содержания имущества со дня смерти наследодателя. Это создает дисбаланс, при котором публичный субъект несет материальные санкции за латентные (скрытые) процессы, которые он не мог контролировать.

2. Проблемы межведомственного информационного вакуума и выявления имущества.

Одной из главных практических сложностей является отсутствие системного обмена данными между органами ЗАГС, органами внутренних дел, нотариатом и структурами ЖКХ.

Нотариус, открывший наследственное дело по заявлению кредиторов (например, банка), не имеет прямой законодательной обязанности и регламентированного механизма розыска и принудительного уведомления администрации района о том, что имущество имеет признаки выморочного.

Квартиры умерших граждан годами остаются незаселенными, что приводит к их постепенному разрушению, аварийным ситуациям (протечки, пожары) и криминальному захвату. В судах общей юрисдикции регулярно рассматриваются дела о признании недействительными сделок купли-продажи выморочных квартир, совершенных мошенниками по поддельным договорам дарения или решениям судов, вынесенным на основании сфальсифицированных документов. Публичный собственник включается в процесс защиты своего имущества слишком поздно, когда объект уже несколько раз перепродан добросовестным покупателям, что порождает новые социальные конфликты.

3. Правоприменительные барьеры при распределении пассивов.

Серьезный пласт судебных споров связан с реализацией ст. 1175 ГК РФ об ответственности наследников по долгам. В практике возникают ситуации, когда выморочная квартира обременена ипотекой, а сумма кредита значительно превышает текущую рыночную стоимость недвижимости.

До недавнего времени коммерческие банки пытались взыскивать остаток невыплаченного долга (после продажи квартиры на торгах) напрямую из средств казны муниципальных образований. Точку в этой деструктивной практике поставил Конституционный Суд РФ, указав, что обязательства государства как вынужденного преемника строго лимитированы действительной стоимостью выморочного имущества [3].

Тем не менее, в правоприменении осталась процедурная сложность: суды тратят месяцы на проведение дорогостоящих судебных экспертиз для установления точной рыночной стоимости объекта на момент открытия наследства, так как от этой цифры зависит верхний предел ответственности публичного бюджета перед пулом кредиторов.

4. Проблема выморочных долей в праве общей долевой собственности

Особую категорию дел составляют споры, где выморочным признается не весь объект, а лишь микродоля в коммунальной квартире или частном доме.

Правоприменительная практика органов местного самоуправления демонстрирует крайнюю неохоту принимать такие доли на баланс, поскольку их невозможно использовать для распределения среди очередников или детей-сирот по договорам социального найма. Вторые сособственники жилья оказываются в юридическом тупике: они не могут продать или реконструировать дом, поскольку сособственник (государство) не оформляет свои права, но и отказаться от доли в пользу соседей в упрощенном порядке закон не позволяет. Решать такие вопросы гражданам приходится исключительно через дли-

тельные судебные иски к администрациям о признании долей выморочными и их принудительном выкупе [4].

Для минимизации указанных рисков и стабилизации судебной практики требуется внедрение институциональных механизмов:

1. Необходимо дополнить Основы законодательства РФ о нотариате нормой, обязывающей нотариуса по истечении установленного срока (6–9 месяцев) при отсутствии частных наследников в императивном порядке направлять извещение в уполномоченный орган публичной власти.

2. Целесообразно на уровне обзора судебной практики Верховного Суда РФ закрепить правило, что до момента официального уведомления органа власти о наличии выморочного имущества, на публичного субъекта не могут возлагаться пени, штрафы и убытки, связанные с непредоставлением коммунальных услуг, за исключением оплаты за фактически потребленные общедомовые ресурсы (отопление).

3. Стоит рассмотреть возможность внедрения механизма, при котором Росимущество может в административном (несудебном) порядке передавать права на малоценное движимое имущество, оставшееся в выморочных квартирах, муниципальным образованиям без прохождения громоздких процедур федерального учета.

Комплексный правовой анализ материально-правовых и процессуальных аспектов правоприменительной практики по делам о наследовании выморочного имущества позволяет сделать вывод о наличии глубокого системного дисбаланса в исследуемой сфере гражданского права. Ключевая коллизия современного этапа заключается в непреодоленном противоречии между абстрактной гражданско-правовой доктриной и реальными административно-организационными возможностями публичных субъектов. Концепция «автоматического» перехода прав собственности на выморочные объекты со дня смерти наследодателя, безусловно, обеспечивает непрерывность гражданского оборота, однако де-факто она наказывает муниципальные образования и органы государственной власти за объективную неосведомленность о наличии открывшегося наследства. В результате правоприменительная практика оказалась перегружена однотипными судебными спорами, где публично-правовые образования вынуждены нести неоправданные расходы по погашению коммунальных долгов и штрафных санкций за латентные процессы, которые они не имели возможности контролировать.

Резюмируя, можно утвердительно заявить, что модернизация правоприменительных алгоритмов в сфере выморочного наследования позволит трансформировать данный сектор из источника финансовых убытков и судебных тяжб в эффективный инструмент государственной социальной политики. Реализация предложенных мер обеспечит оперативную передачу освобождающихся квартир нуждающимся категориям граждан (очередникам, детям-сирот, многодетным семьям), существенно

разгрузит суды общей юрисдикции и арбитражные суды, и в конечном итоге утвердит статус государства как под-

линно ответственного, прозрачного и эффективного собственника.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 01.01.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 49. — Ст. 4552.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» // Российская газета. — 2012. — № 127.
3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации по делу о проверке конституционности положений статьи 1175 Гражданского кодекса РФ. [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru).
4. Белов, В. А. Наследственное право: учебник для вузов / В. А. Белов. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 430 с.

Договор строительного подряда: теория и практика

Мяттонен Екатерина Владимировна, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

Статья анализирует договор строительного подряда как инструмент правового регулирования отношений в сфере капитального строительства. Рассматриваются его правовая природа, существенные условия, субъектный состав, а также проблемы реализации норм гражданского законодательства — в частности, распределение рисков, приёмка работ и ответственность сторон. На основе ГК РФ, федеральных законов и судебной практики выявлены ключевые проблемы и предложены пути их решения. Сделан вывод о важности детальной проработки договорной документации для минимизации правовых рисков.

Правовая природа договора строительного подряда

Договор строительного подряда (ст. 740 ГК РФ) [1] — ключевой инструмент регулирования инвестиционной деятельности в строительстве и реконструкции. Его цель — создание материального объекта при сбалансированной защите интересов заказчика и подрядчика.

Предмет договора — единство действий подрядчика и их результата: строительство, реконструкция, капремонт, монтажные и иные связанные работы. Особенность — направленность на создание или преобразование объекта недвижимости, что требует соблюдения градостроительных норм и последующей госрегистрации права собственности.

Спорным остаётся вопрос о предмете договора: одни исследователи считают предметом готовый объект, другие — и процесс, и результат работ. Предпочтительна позиция, объединяющая оба элемента [2].

Важный аспект — распределение рисков (ст. 741 ГК РФ) [1]: подрядчик несёт риск случайной гибели или повреждения объекта до приёмки, но стороны могут согласовать иной порядок (например, перенос риска на заказчика по этапам работ).

Существенные условия и практика их применения

Ключевое существенное условие — предмет договора, который конкретизируется через техническую документацию и смету (ст. 743 ГК РФ) [1].

При выявлении неучтённых работ подрядчик обязан уведомить заказчика. Если заказчик молчит 10 дней (или иной установленный срок), подрядчик вправе приостановить работы, отнеся убытки на заказчика. На практике доказывание своевременного уведомления и обоснованности дополнительных работ часто становится предметом споров.

Сроки работ должны соответствовать проектной документации; важны не только начальный и конечный сроки, но и промежуточные (в том числе с учётом «мокрых процессов», требующих времени на высыхание и набор прочности). Стороны могут разбить работы на этапы с отдельными сроками и стоимостью [3].

Цена определяется по смете; при отсутствии указания на приблизительный характер цены презюмируется твёрдая цена, которую подрядчик не вправе увеличить в одностороннем порядке.

Приёмка работ: проблемы теории и практики

Приёмка — центральный элемент исполнения договора (ст. 753 ГК РФ) [1], оформляется актом, подписанным обеими сторонами. Заказчик может отказаться от подписания при наличии недостатков, ухудшающих результат.

На практике заказчики нередко уклоняются от приёмки, указывая на незначительные дефекты, чтобы отсрочить или избежать оплаты. В таких случаях подрядчик вправе составить односторонний акт, который при под-

тверждении судом имеет силу двустороннего. Суд оценивает: уведомление заказчика о готовности, факт выполнения работ и обоснованность отказа от подписания [4].

Даже при подписании двустороннего акта заказчик вправе заявлять возражения по качеству работ, в том числе по скрытым недостаткам, в пределах сроков, установленных ст. 724, 725 ГК РФ [1].

Гарантийные обязательства и ответственность сторон

По ст. 755 ГК РФ [1] подрядчик предоставляет гарантию качества (по умолчанию — 5 лет). Бремя доказывания того, что недостатки возникли не по его вине (изза нормального износа, неправильной эксплуатации и т. п.), лежит на подрядчике — это создаёт для него существенные риски.

Ответственность подрядчика (ст. 754 ГК РФ) [1] охватывает:

- нарушение строительных норм;
- качество материалов и оборудования;
- действия вне условий договора;
- снижение надёжности и прочности объекта;
- нарушение требований техники безопасности;
- причинение вреда жизни, здоровью, имуществу.

Меры ответственности (ст. 723 ГК РФ) [1]:

- безвозмездное устранение дефектов;
- соразмерное снижение цены;
- возмещение расходов на устранение недостатков;
- расторжение договора и возмещение убытков.

Подрядчик освобождается от ответственности при форс-мажоре.

Заказчик отвечает за:

- несвоевременное или неточное предоставление документов;
- нарушение договорных обязательств;
- несвоевременную или неполную оплату работ [5].

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (дата обращения: 05.08.2026).
2. Хапчаева, К. А. Договор строительного подряда и его существенные условия / К. А. Хапчаева. — Текст: электронный // КиберЛенинка: [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dogovor-stroitel'nogo-podryada-i-ego-suschestvennye-usloviya> (дата обращения: 05.08.2026).
3. Волковская, Л. Н. Договор строительного подряда: анализ актуальных проблем теории и практики / Л. Н. Волковская. — Текст: электронный // cyberleninka.ru: [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dogovor-stroitel'nogo-podryada-analiz-aktualnyh-problem-teorii-i-praktiki> (дата обращения: 05.08.2026).
4. Заяханов, Г. М. Сдача-приемка работ по договору строительного подряда / Г. М. Заяханов. — Текст: электронный // cyberleninka.ru: [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sdacha-priemka-rabot-po-dogovoru-stroitel'nogo-podryada> (дата обращения: 05.08.2026).
5. Пугач, А. А. и Голикова С В Юридическая природа договора строительного подряда и его место в системе гражданско-правовых договоров / А А и Голикова С В Пугач. — Текст: электронный // cyberleninka.ru: [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskaya-priroda-dogovora-stroitel'nogo-podryada-i-ego-mesto-v-sisteme-grazhdansko-pravovyh-dogovorov> (дата обращения: 05.08.2026).

Основные меры — возмещение убытков и уплата неустойки.

Перспективы совершенствования правового регулирования

Для повышения эффективности регулирования предлагается:

1. Детализировать процедуру приёмки в ГК РФ: установить чёткие сроки для приёмки и мотивированного отказа с правовыми последствиями пропуска (признание приёмки состоявшейся и обязанности оплаты).

2. Усовершенствовать регулирование гарантийных обязательств: ввести «период ответственности за явные недостатки» с презумпцией вины подрядчика, а для общего гарантийного срока (5 лет) распределить бремя доказывания так, чтобы заказчик доказывал связь недостатка с действиями подрядчика, а подрядчик — что недостаток возник по независящим от него причинам.

3. Трансформировать императивную норму ст. 741 ГК РФ [1] в диспозитивную и распределять риск пропорционально контролю сторон над объектом, например, передавая часть риска заказчику по мере промежуточной приёмки этапов работ.

Заключение

Договор строительного подряда — сложный правовой институт, эффективность которого зависит от чёткого согласования условий. Законодательная модель в целом адекватна, но на практике возникают проблемы с доказыванием, изменением условий, приёмкой и гарантийной ответственностью. Минимизировать риски позволяет детальная проработка договора, фиксация этапов взаимодействия и соблюдение установленных процедур — это способствует балансу интересов сторон и успешной реализации строительных проектов.

Правовая природа аудио- и видеозаписей, полученных в ходе оперативно-розыскной деятельности в системе доказывания

Петренко Павел Максимович, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В настоящей статье рассматривается правовая природа аудио- и видеозаписей, получаемых в условиях оперативно-розыскной деятельности.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, доказывание, аудиозапись, видеозапись, допустимость доказательств, уголовный процесс.

Прежде всего стоит сказать о том, что современное уголовное судопроизводство все чаще опирается на технические средства фиксации, которые становятся единственным способом изобличения виновных, что непосредственно коррелирует с довольно быстрым развитием современной науки и техники.

В то же время, как представляется, центральной проблемой здесь выступает вопрос о том, каким образом носители информации, появившиеся вне процессуальных правил, приобретают юридическую силу.

Думается, что изложенная проблема при ее характеристике вынуждает искать равновесие на стыке теории доказательств и методологии работы государственных органов.

Несомненно, прежде всего в указанном контексте, необходимо разграничить результаты оперативно-розыскной деятельности в их изначальном виде и доказательства в уголовно-процессуальном значении.

В свою очередь ст. 89 УПК РФ содержит запрет на использование результатов ОРД, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам [1].

Однако, как справедливо отмечает В. А. Лазарева, этот запрет относится не к самим сведениям, а к способу их непосредственного введения в процесс без надлежащей проверки [2].

Таким образом, правовая природа аудио- и видеозаписей отличается двойственностью, которая характеризуется тем, что исследуемые материалы будучи зачастую продуктом непроцессуальной активности соответствующих должностных лиц, скрыто содержат в себе фактические данные, которые можно легализовать через процедуру приобщения.

Несомненно, в данном ключе стоит отметить, что механизм определенного перевода исследуемых сведений в разряд доказательств работает автоматически.

Так, согласно Инструкции о порядке представления результатов ОРД, оперативная информация обретает четкую процессуальную форму через следственные действия, которые могут быть абсолютно различными, в том числе в качестве последних могут выступать осмотр носителя, вынесение постановления о приобщении вещественного доказательства, допрос лиц, проводивших фиксацию [3].

Думается, что именно на стыке указанной трансформации аудио- и видеозаписей в процессуальную форму доказательств и обнаруживается основной массив проблем в исследуемом вопросе.

В контексте обозначенной проблемы, Е. А. Доля, например, последовательно отстаивал позицию, что дефект, допущенный на стадии проведения оперативного мероприятия, не может быть исправлен дальнейшим безупречным следственным осмотром, поскольку юридическая «доброкачественность» доказательства производна от законности вторжения в частную жизнь [4].

В контексте аудио- и видеозаписей, как представляется, ключевым критерием допустимости выступает не только формальная проверка сопроводительных документов, приложенных к исследуемым результатам ОРД, но и установление отсутствия признаков монтажа, а также законность источника происхождения записи.

В свою очередь, если получение рассматриваемых данных, например, не было санкционировано судебным решением, когда этого требует ст. 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», использование файла в судебном заседании становится недопустимым [5].

Так же определенный интерес представляет соотношение вербальной и визуальной составляющих записи.

Р. С. Белкин подчеркивал, что звукозапись не самостоятельное доказательство, а техническое средство фиксации речи, требующее идентификации путем фоноскопической экспертизы [6].

Видеоряд же отображает динамическую картину события, позволяя суду непосредственно наблюдать поведенческие особенности и иные обстоятельства, запечатленные непосредственно на аудиозаписи.

Наконец, серьезным пробелом остается отсутствие в УПК РФ порядка исследования цифровых доказательств, полученных в ходе производства ОРД.

М. П. Поляков в рассматриваемой связи достаточно справедливо указывал, что отсутствие верифицируемых сведений о движении электронного носителя, то есть «цифровой цепи законности», должно непосредственно толковаться в пользу защиты [7].

Наконец, подводя итог вышеизложенному, можно заключить, что аудио- и видеозаписи, полученные в ходе оперативно-розыскной деятельности, обладают многолойной правовой природой.

В то же время, легализация аудио- и видеозаписи в системе доказывания допустима лишь при единстве трех условий, а именно правомерности проведения самого

оперативного мероприятия, технической достоверности носителя информации и неукоснительного соблюдения процедуры преобразования рассматриваемых записей в процессуальную форму доказательства.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481.
2. Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе: учебник. М., 2020.
3. Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: утв. Приказом МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27.09.2013 г. (Зарегистрировано в Минюсте России 05.12.2013 № 30544) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155629/7b4b74e38f87270ed5f9b-8065718f040c30ed687/
4. Доля Е. А. Формирование доказательств на основе результатов ОРД. М., 2016.
5. Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 01.04.2025 г) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/2aa4e34ca71a259391d2b-346d591ab588c7d7863.
6. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. М., 2006.
7. Поляков М. П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов ОРД. Н. Новгород, 2001.
8. Костенко Р. В. Эволюция непосредственности исследования доказательств в цифровом уголовном судопроизводстве // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2025. № 2 (17). С. 71–79. DOI: 10.31429/20785836-17-2-71-79.

Возвращение смертной казни: необходимость или шаг назад? Взгляд на проблему

Савельева Ксения Денисовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Лепешкина Оксана Ивановна, кандидат юридических наук, доцент
Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Санкт-Петербург)

Проблема смертной казни остается одной из самых сложных и многозначительных тем в уголовном праве, порождая множество дискуссий и споров как среди правоведов, так и в обществе в целом. В мире, где каждая жизнь имеет свою ценность, вопрос о правомерности такого сурового наказания становится особенно актуальным.

Соответственно, без рассмотрения аргументов «за» и «против», без проведения их сравнительного анализа невозможно дать однозначный ответ на вопрос о допустимости и целесообразности применения смертной казни в системе уголовных наказаний.

Таким образом, дилемма смертной казни ставит перед нами фундаментальные вопросы о справедливости, гуманности, роли государства в защите жизни и предупреждении преступности. Поиск баланса между этими ценностями требует глубокого осмысления, постоянного диалога и готовности рассматривать все аспекты данной проблемы, прежде чем прийти к взвешенному и обоснованному решению.

В статье рассматривается вопрос о необходимости и оправданности возвращения смертной казни в российскую систему уголовных наказаний.

Автор анализирует аргументы как «за», так и «против» высшей меры наказания, опираясь на методы анализа, индукции, синтеза и социологические исследования.

Ключевые слова: смертная казнь, уголовное право, альтернативы смертной казни, мораторий на смертную казнь, право на жизнь.

Введение

Смертная казнь — одна из самых острых и дискуссионных тем в современном мире. На протяжении веков человечество пыталось найти ответ на вопрос о допу-

стимости лишения жизни человека как меры наказания, который вызывает у всех разную реакцию: одни убеждены в необходимости института смертной казни, другие же наоборот решительно выступают против. В современной России жизнь человека признано считать «наивысшей

ценностью». Статья 20 Конституции Российской Федерации в своей первой части закрепляет важнейшее основное право человека — право на жизнь. Однако, эта же самая статья во второй части содержит норму о смертной казни. В ней определено, что смертная казнь впредь до ее отмены может устанавливаться федеральным законом в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни при предоставлении обвиняемому права на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей.

Почти тридцать лет в России не действует принцип «жизнь за жизнь», не казнят даже совершившего особо тяжкое преступление. Действующий мораторий на смертную казнь, введенный в 1996 году, в связи с вступлением Российской Федерации в состав Совета Европы, де-факто приостановил применение этой меры наказания, но де-юре Россия сохранила законодательное закрепление смертной казни в Уголовном кодексе и Уголовно-исполнительном кодексе.

Тревожные события нашего времени, напряжённая криминогенная обстановка в стране и, в частности, рост латентности по особо тяжким деяниям, а также выход России из Совета Европы вновь с особой остротой подняли вопрос о применении смертной казни. Данная тема, как никогда ранее, становится предметом активных дискуссий в обществе, прежние аргументы «за» и «против» смертной казни получают новую актуальность и силу в контексте современной реальности, затрагивая глубинные моральные, этические, правовые и социальные аспекты, вызывая полярные мнения и жаркие споры. Интересно, что даже во власти появились разногласия по этому поводу. Так, заместитель председателя Совета Безопасности Дмитрий Анатольевич Медведев отметил, что теперь у России есть шанс «восстановить ряд важных институтов для предотвращения особо тяжких преступлений в стране, типа смертной казни для опаснейших преступников» [3]. Выступая на пленарном заседании Международного петербургского юридического форума, глава Следственного комитета РФ Александр Иванович Бастрыкин заявил, что «нужно рассмотреть возможность отмены моратория на смертную казнь. В некоторых случаях ее нужно применять, и в этих случаях я сторонник смертной казни» [2].

Сторонники смертной казни видят в ней необходимый инструмент для борьбы с особо тяжкими преступлениями, гарантию безопасности общества и восстановление справедливости. Противники же считают ее варварским пережитком прошлого, нарушающим фундаментальное право на жизнь и неэффективным средством предотвращения преступности.

Аргументы, приводимые сторонниками применения смертной казни

Один из ключевых аргументов сторонников смертной казни — это восстановление справедливости и возмездие.

Они утверждают, что ее возвращение в российскую систему наказаний способно обеспечить справедливое возмездие за совершенные особо жестокие преступления, указывая на рост латентности таких преступлений, которые остаются безнаказанными или не раскрытыми. Это, по их мнению, создает чувство незащищенности в обществе и влияет на уровень доверия к правоохранительным органам.

Кроме того, сторонники смертной казни обращают внимание на кризис современного уголовного права в России. Они считают, что существующие нормы и законы не способны адекватно справляться с возрастающей криминальной обстановкой и бороться с нарастающими угрозами общественной безопасности. Возможность применения смертной казни, по их мнению, поможет восстановить авторитет уголовной юстиции и показать жесткость государства в борьбе с тяжкими преступлениями.

Для многих людей, особенно в случаях особо тяжких преступлений, таких как массовые убийства, террористические акты или жестокие изнасилования, смертная казнь воспринимается как единственно адекватная мера наказания. Они считают, что преступники, лишившие жизни других людей или причинившие им невосполнимый вред, должны заплатить своей жизнью. Это не просто месть, а, по их мнению, восстановление баланса, нарушенного преступлением. Идея «око за око» глубоко укоренилась в сознании многих, и для них пожизненное лишение свободы не является достаточным возмездием.

Н. В. Витрук считает, что: «с позиции права смертная казнь как исключительная мера наказания за убийства с отягчающими обстоятельствами, за серийные убийства является соразмерной, адекватной, эквивалентной формой ответственности и полностью соответствует идеям прав и свобод человека, требованиям справедливости и правового равенства» [4, с. 55].

Другим важным аргументом является сдерживающий эффект. Сторонники смертной казни полагают, что страх перед смертной казнью может отпугнуть потенциальных преступников от совершения тяжких преступлений. Идея заключается в том, что угроза окончательного и необратимого наказания будет более действенной, чем пожизненное лишение свободы.

«Страх перед наказанием — всем известный и всеми признанный фактор профилактического сдерживания» — так пишет профессор М. М. Бабаев, описывая превентивную функцию наказания [1, с. 185].

Исследователями данного института отмечается и тот факт, что применяемая в отношении особо опасных преступников смертная казнь, является более гуманной мерой наказания, чем пожизненное лишение свободы.

Так, М. А. Федотов, бывший председатель Совета по правам человека, отметил особые условия содержания в колониях для пожизненно осужденных, назвав их адом, считает, что: «...пожизненное заключение — это очень суровое наказание, гораздо суровее, чем смертная казнь. Смертная казнь раз и все, а пожизненное заключение — смертная казнь каждый день» [10].

В целом, повышение поддержки смертной казни в России и стремление вернуть ее в качестве меры наказания, связано с потребностью укрепления общественной безопасности, восстановлением доверия к правоохранительным органам и решением проблемы растущей угрозы особо тяжких преступлений.

Кроме того, сторонники смертной казни указывают на экономический аспект. «Одни сутки содержания заключенных обходятся государству 2–3 тысячи рублей» — рассказала член Совета по правам человека при Президенте Ева Меркачева [5].

Эти средства, по мнению сторонников смертной казни, могли бы быть направлены на другие нужды, например, на профилактику преступности, поддержку жертв или развитие социальных программ. В то время как смертная казнь, по их мнению, является более экономически выгодной.

Важно также отметить, что в России существует значительная часть населения, которая поддерживает возвращение смертной казни. Это отражает общественное мнение, которое, в свою очередь, формируется под влиянием различных факторов, включая уровень доверия к правоохранительной системе, восприятие справедливости и общую атмосферу в обществе. В периоды повышенной общественной напряженности или после резонансных преступлений, призывы к возвращению смертной казни становятся особенно громкими.

Аргументы, приводимые противниками применения смертной казни

Однако, противники смертной казни выдвигают не менее весомые аргументы, ставящие под сомнение ее необходимость и целесообразность. Главным из них является необратимость ошибки. В России, как и в любой другой стране, судебная система не застрахована от ошибок. История знает немало случаев, когда люди, приговоренные к высшей мере наказания, впоследствии оказывались невиновными. Ошибки правосудия, к сожалению, неизбежны, и в случае смертной казни они становятся трагическими и неисправимыми.

В. Е. Квашиш писал: «Следует помнить, что никакая, даже самая совершенная, система правосудия не застрахована от вероятных ошибок и пристрастий. Такие субъективные, чисто человеческие факторы, как неопытность или невнимательность, беспринципность, подверженность давлению общественного мнения и т. п., могут заметно повлиять на весь ход судебного процесса и, главное, на вынесение смертного приговора» [6, с. 492].

В случае пожизненного лишения свободы, такая ошибка может быть исправлена, но казненного человека вернуть к жизни невозможно.

Введение моратория на смертную казнь является прямым отражением эволюции понимания ценности человеческой жизни. Общество, стремящееся к гуманизации, признает, что даже самый жестокий преступник

остается человеком, обладающим неотъемлемым правом на жизнь. Это право не может быть отнято государством, каким бы тяжким ни было совершенное преступление. Мораторий символизирует отказ от примитивного принципа «око за око», который, будучи воплощением мести, не способствует построению справедливого и милосердного общества.

Также существует опасение, что смертная казнь может стать инструментом политических репрессий или применяться избирательно по отношению к определенным социальным группам.

Противниками смертной казни ставится под сомнение и аргумент о ее сдерживающем эффекте, который не имеет однозначного подтверждения в мировой практике. Существует распространенное заблуждение, что введение смертной казни автоматически приведет к снижению уровня преступности, однако реальность такова, что этот метод не обладает доказанной эффективностью в качестве сдерживающего фактора. Напротив, государства, отказавшиеся от смертной казни, часто демонстрируют более низкие показатели насильственной преступности. Это говорит о том, что гуманизация правовой системы и общества в целом может быть более эффективным инструментом обеспечения безопасности, чем угроза смерти.

Что касается экономического аспекта, то он также является спорным. Процесс рассмотрения дел, связанных со смертной казнью, включая многочисленные апелляции и дополнительные экспертизы, зачастую оказывается более дорогостоящим, чем пожизненное лишение свободы. Это связано с необходимостью обеспечения максимальной точности и предотвращения судебных ошибок, что требует значительных временных и финансовых затрат. Таким образом, утверждение о том, что смертная казнь экономически выгоднее, не всегда соответствует действительности. Следует отметить, что во всех колониях для пожизненно осужденных есть собственные производства. Практически все осужденные трудоустроены и отчисляют часть заработанных средств на покрытие расходов, связанных с их содержанием. Помимо этого, они имеют возможность погашать государственные иски, назначенные судом, а также выплачивать компенсации потерпевшим.

Кроме того, необходимо учитывать этические и моральные аспекты. Многие религии и философские учения осуждают смертную казнь как нарушение фундаментального права на жизнь. Государство, как институт, призванный защищать своих граждан, не должно уподобляться преступникам, отнимая жизни. Применение смертной казни может способствовать дегуманизации общества, снижая ценность человеческой жизни в глазах граждан.

Нравственно-этический аргумент лучше всех изложил академик Д. С. Лихачев: «Смертная казнь... воспитывает равнодушие к чужой жизни, создает эффект привыкания к смерти, вызывает появление профессиональных убийц

от правоохранительных органов (те несчастные, что приводят смертный приговор в исполнение). Обесценивание человеческой жизни опасно» [8, с. 1].

Смертная казнь рассматривается ее противниками как нарушение фундаментального права на жизнь, которое закреплено во многих международных документах и конституциях.

Существенным моментом является то, что, являясь членом общества, человек не отказывается от своего права на жизнь, и общество не получает полномочий ею распоряжаться. Более того, ликвидация одного преступника неминуемо влечет за собой появление нового. То есть, смертная казнь, по сути, является тем же самым убийством, только санкционированным государством, и таким образом, не прекращает, а как бы «закрепляет» цикл насилия, начатый тяжким преступлением.

Смертная казнь также подвергается критике за ее негуманность и жестокость.

Такого же мнения придерживается и Президент России — Владимир Владимирович Путин: «Применяя смертную казнь в отношении своих граждан, даже преступников, государство воспитывает других своих граждан в жестокости и порождает вновь и вновь жестокость со стороны граждан в отношении друг друга и в отношении самого государства...» [11, с. 370]. В. В. Путин назвал возвращение смертной казни мерой «бессмысленной и контрпродуктивной», при этом Президент отметил, что даже в условиях «достаточно серьезных» боевых действий власти не идут на этот шаг, а принимают «целый ряд решений» по повышению гуманности правосудия [12].

Когда государство отказывается от применения крайних мер, оно посылает обществу четкий сигнал: насилие не является решением проблем, а жизнь — высшая ценность. Это формирует более гуманное отношение к окружающим, снижает уровень агрессии и жестокости в обществе. Вместо того чтобы культивировать страх перед смертью, общество учится ценить жизнь и искать пути решения конфликтов мирным путем.

Противники смертной казни предлагают альтернативные пути решения проблемы тяжких преступлений. Пожизненное лишение свободы без права на досрочное освобождение рассматривается как суровая, но при этом обратимая мера наказания. Оно позволяет изолировать опасных преступников от общества, но при этом сохраняет возможность исправления судебной ошибки.

Криминолог В. Н. Кудрявцев отмечает, что «не может быть никакого нравственного обоснования для расправы с отдельным, уже беззащитным и теперь не опасным человеком, для применения смертной казни к преступнику. Эту меру необходимо исключить из набора криминологических стратегий» [7, с. 160].

Кроме того, пожизненное лишение свободы может быть дополнено программами реабилитации и психологической помощи, направленными на изменение поведения осужденных.

Важным аспектом является также профилактика преступности. Это включает в себя работу с причинами, толкающими людей на совершение тяжких преступлений: социальное неравенство, бедность, отсутствие доступа к образованию и медицинскому обслуживанию, проблемы с психическим здоровьем. Инвестиции в социальные программы, образование и здравоохранение могут оказаться гораздо более эффективными в долгосрочной перспективе, чем применение высшей меры наказания. Академик А. Д. Сахаров считал, что «только длительная эволюция общества, общий гуманистический подъем, воспитывающий в людях глубокое преклонение перед жизнью и человеческим разумом, и большее внимание к трудностям и проблемам ближнего могут привести в будущем к снижению преступности и даже полной ее ликвидации» [9, с. 368].

Заключение

В 2025 году из 196 независимых государств, которые являются членами ООН или имеют статус наблюдателя ООН, 113 стран законодательно полностью отменили применение смертной казни для всех видов преступлений. Кроме того, 7 государств ввели запрет для обычных преступлений (при этом сохранив смертную казнь для особых обстоятельств, например, военных преступлений) и 24 страны на практике не применяют смертную казнь.

Верховный комиссар ООН по правам человека Фолькер Тюрк вновь призвал все государства, сохраняющие смертную казнь, немедленно ввести мораторий на казни, заменить все действующие смертные приговоры и двигаться к полной отмене смертной казни.

«Смертная казнь не является эффективным инструментом борьбы с преступностью и может привести к казни невиновных людей, — заявил Тюрк. На практике смертная казнь также часто применяется произвольно и дискриминационно, в нарушение фундаментальных принципов равенства перед законом».

Страны, отказавшиеся от смертной казни, не столкнулись с ростом уровня тяжких преступлений. Напротив, многие из них отмечают снижение преступности и повышение уровня общественной безопасности.

Возвращение смертной казни в современном мире представляется шагом назад, а не необходимостью. Аргументы в пользу ее применения, такие как возмездие и сдерживающий эффект, не выдерживают критики при более глубоком анализе и сравнении с международным опытом. Необратимость судебной ошибки, нарушение права на жизнь и негуманность делают смертную казнь неприемлемой для цивилизованного общества.

Вместо того чтобы возвращаться к архаичным формам наказания, необходимо сосредоточиться на совершенствовании правоохранительной системы и судебной власти. Укрепление доверия к институтам правосудия, повышение качества расследований, обеспечение доступа к квалифицированной юридической помощи, а также раз-

витие эффективных программ реабилитации и профилактики преступности — вот те направления, которые могли бы принести реальную пользу обществу. Развитие общества должно идти по пути гуманизации, а не возвращения к варварским практикам прошлого.

В конечном итоге, решение о возвращении смертной казни должно быть основано не на эмоциях или сиюминутных настроениях, а на глубоком анализе всех последствий, с учетом международного опыта и фундамен-

тальных принципов справедливости и гуманизма. Пока существуют сомнения в безупречности судебной системы и реальном сдерживающем эффекте смертной казни, а также учитывая ее необратимость, возвращение к этой мере наказания представляется преждевременным и рискованным шагом. Общество должно стремиться к построению такой системы правосудия, которая будет не только карать, но и защищать от ошибок, сохраняя при этом высшую ценность — человеческую жизнь.

Литература:

1. Бабаев М. М. Уголовное наказание и преступность / М. М. Бабаев, Ю. Е. Пудовочкин // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 3(90). С. 184–188
2. Белоусов Е. «Бастрыкин предложил отменить мораторий на смертную казнь» // Коммерсант [Электронный ресурс] — URL <https://www.kommersant.ru/doc/6793382> (дата обращения 15.11.2025)
3. Васильева Н. «Медведев: Ограничений для возвращения смертной казни в России нет» // Парламентская газета [Электронный ресурс] — URL: <https://www.pnp.ru/social/medvedev-ogranicheniy-dlya-vozhvrashheniya-smertnoy-kazni-v-rossii-net.html> (дата обращения 10.11.2025).
4. Витрук Н. В. Общая теория юридической ответственности: Монография // Н. В. Витрук — М.: Изд-во РАП, 2008. 304 с.
5. Заманова Р. «Стало известно во сколько обходится содержание российских заключенных» // Газета.ru [Электронный ресурс] — URL <https://www.gazeta.ru/social/news/2024/06/21/23295361.shtml> (дата обращение 23.11.2025)
6. Квашис В. Е. Куда идет смертная казнь: мировые тенденции, проблемы и перспективы / В. Е. Квашис — СПб.: Юрид. центр-Пресс, 2011. С. 492.
7. Кудрявцев В. Н. Стратегии борьбы с преступностью. 2-е изд., испр. и доп. / В. Н. Кудрявцев — М., 2005. С. 160.
8. Лихачев, Д. С. Ни правого, ни виновного не убивайте / Д. С. Лихачев. — Российская газета. — 1989. — 31 марта (№ 60). 2 с.
9. Савельева Е. Н. Андрей Дмитриевич Сахаров: Библиографический справочник: в 2 ч. Ч. 1: Труды / авт.-сост. е.Н. Савельева — М.: Права человека. 2006. — 368 с.: порт. — (Публикации Архива Сахарова).
10. Стариков Н. «Пожизненное или казнь: какого справедливого наказания заслуживают особо опасные преступники» [Электронный ресурс] — URL <https://nstarikov.ru/pozhiznennoe-ili-kazn-kakogo-spravedlivogo-nakazaniya-zasluzhivajut-osobo-opasnye-prestupniki-4490266> (дата обращение 21.11.2025)
11. Фарниева, М. Э. Конституционное право на жизнь и смертная казнь в современной России / М. Э. Фарниева // Студенческая наука. 2017. 368–371 с.
12. Хрущев П. «Путин отметил, что Россия не вводит смертную казнь даже в условиях боевых действий» // Газета.ru [Электронный ресурс] — URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2024/12/10/24593150.shtml>

Понятие и сущность информации в сети Интернет как объекта государственно-правового регулирования

Сацкевич Никита Андреевич, студент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье исследуется понятие и сущность информации, размещаемой в глобальной сети, через призму государственно-правового регулирования. Автор анализирует легальные дефиниции, закреплённые в российском законодательстве, а также доктринальные подходы к определению правовой природы интернет-информации как нематериального объекта. В работе последовательно раскрываются философские предпосылки осмысления информации, прослеживается эволюция её трактовки от античной метафизики до кибернетических и правовых концепций. Особое внимание уделяется синтезу теоретических, практических и сравнительно-правовых аспектов регулирования, обосновывается необходимость комплексного подхода к формированию правового режима информации в цифровой среде.

Ключевые слова: информация, интернет, государственно-правовое регулирование, правовая природа, цифровая среда, информационная безопасность, правовой режим, персональные данные, объект правоотношений.

The concept and essence of information on the internet as an object of state legal regulation

Satskevich Nikita Andreevich, student
Moscow University of Finance and Law

The article examines the concept and essence of information placed on the global network through the prism of state legal regulation. The author analyzes the legal definitions enshrined in Russian legislation, as well as doctrinal approaches to determining the legal nature of Internet information as an intangible object. The paper consistently reveals the philosophical prerequisites for understanding information, traces the evolution of its interpretation from ancient metaphysics to cybernetic and legal concepts. Special attention is paid to the synthesis of theoretical, practical and comparative legal aspects of regulation, and the need for an integrated approach to the formation of the legal regime of information in the digital environment is substantiated.

Keywords: information, Internet, state legal regulation, legal nature, digital environment, information security, legal regime, personal data, object of legal relations.

В системе государственно-правового регулирования информация, размещённая в сети Интернет, представляет собой совокупность электронных сведений (данных, сообщений), доступных неограниченному кругу пользователей посредством телекоммуникационных сетей. Отличительными характеристиками такой информации выступают возможность её свободного распространения, тиражирования, модификации и интерактивного использования.

В соответствии со статьёй 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», под информацией понимаются «сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления». Однако в цифровой среде данное определение наполняется новым содержанием, обусловленным технологическими особенностями Интернета.

Как справедливо отмечает В. В. Архипов, правовая природа информации раскрывается через её понимание в качестве нематериального актива, имеющего самостоятельную ценность и выступающего объектом многообразных правоотношений, независимо от способа фиксации [1].

Философская рефлексия о сущности информации прошла длительный путь эволюции. На ранних этапах она осмыслялась как отражение объективной реальности, как знание, транслируемое между субъектами. Так, Аристотель связывал информацию с «отпечатком формы» в материи. В свою очередь, Гегель на зрелом этапе своего творчества рассматривал информацию как одну из форм проявления «абсолютной идеи» [2, с. 15]. Данный подход акцентирует смысловое измерение информации, подчёркивая её содержательную наполненность и ценностно-интерпретационную природу [3].

Становление кибернетики как научной дисциплины, исследующей закономерности управления и циркуляции информации в биологических системах и технических структурах, способствовало выработке формализованного подхода к определению информации. Один из основоположников этой науки, Норберт Винер, рассматривал информацию в качестве количественного показателя, характеризующего степень упорядоченности либо, напротив,

уровень энтропии системы. При этом учёный акцентировал внимание на синтаксическом измерении информации — её структурной организации и способах трансляции.

В юридической плоскости дефиниция информации обычно строится вокруг её объективированной формы (документ, сообщение, массив данных) и способности быть воспринятой субъектами. Законодатель стремится охватить как формальные, так и содержательные характеристики, закрепляя, в частности, понятия «персональных данных» или «государственной тайны». Однако ключевая трудность заключается в том, каким образом право может воздействовать на нематериальный объект, который находится в состоянии перманентного изменения и трансформации.

В научных исследованиях Э. Г. Кочетова и В. Н. Лопатина значительное место отводится правовым аспектам обеспечения информационной безопасности. Авторы анализируют проблемы защиты информационных ресурсов от несанкционированного вмешательства, искажения и утраты, а также определяют роль публичной власти в выстраивании эффективной системы информационной защиты.

В рамках своих теоретико-правовых концепций В. С. Нерсисянц и Ю. Е. Пермяков рассматривают информацию как неотъемлемый элемент правовой системы. Их работы акцентируют внимание на влиянии информации на процесс формирования правосознания и особенности правоприменительной деятельности.

Т. Я. Хабриева в исследованиях, посвящённых конституционно-правовой проблематике, интерпретирует информацию в двух аспектах: во-первых, как фундаментальное право человека и гражданина, во-вторых, как инструмент реализации государственной власти. Ф. Цзинжу и ряд других зарубежных учёных вносят существенный вклад в сравнительно-правовой анализ моделей государственного регулирования информационных отношений, выявляя как общие тенденции, так и национальные особенности в различных правовых порядках.

Проведённый анализ научной литературы позволяет констатировать, что совокупность исследований пере-

численных авторов образует целостную научную картину государственно-правового регулирования информационных отношений. В работах учёных охватываются как фундаментальные теоретические положения, определяющие природу и сущность информации как правового феномена, так и прикладные аспекты, связанные с практической реализацией регулятивных механизмов в цифровой среде. Особую ценность представляют сравнительно-правовые исследования, позволяющие выявить общие закономерности и национальные особенности правового воздействия на информационную сферу в различных правовых порядках.

Литература:

1. Архипов В. В. Интернет-право. М.: Юрайт. 2020. — 249 с.
2. Аммоний. О категориях Аристотеля. Итака, штат Нью-Йорк: издательство Корнеллского университета. 1991. с. 15
3. Гегель Г. В. Философия права: [Пер. с нем.] / Георг Вильгельм Фридрих Гегель. АН СССР, Ин-т философии. — Москва: Мысль, 1990. — 524 с.

В числе исследователей, внесших наиболее существенный вклад в разработку принципов и механизмов государственно-правового регулирования информации, размещаемой в сети Интернет, следует выделить Ю. Ф. Абрамова, И. Н. Барцица, Н. П. Ващекина, М. В. Залоило, В. А. Копылова, Е. А. Кузнецову, Л. В. Санникову, Ю. С. Харитонову и других учёных. Их труды заложили теоретико-методологические основы для понимания информации как объекта правового воздействия, а также сформировали концептуальные подходы к определению границ и содержания государственного регулирования в данной области.

Допрос как самое распространенное следственное действие

Серяков Сергей Дмитриевич, старший следователь

Следственный отдел по г. Волжску Следственного управления Следственного комитета России по Республике Марий Эл (Республика Марий Эл)

В статье рассматривается допрос как одно из наиболее распространенных и значимых следственных действий в уголовном судопроизводстве. Раскрываются понятие, цели и процессуальный порядок проведения допроса, а также его значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу. Особое внимание уделяется тактическим особенностям подготовки и проведения допроса, вопросам обеспечения прав и законных интересов допрашиваемых лиц, а также проблемам оценки и фиксации полученных показаний. Анализируются основные положения уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации и практические аспекты применения допроса в деятельности органов предварительного расследования.

Ключевые слова: допрос, доказательство, тактика допроса, процессуальный порядок, фиксация показаний, следственное действие, расследование преступлений, допрашиваемое лицо.

Для установления истины по уголовному, органам предварительного расследования необходимо полно и всесторонне исследовать все обстоятельства совершенного преступления. Чтобы найти виновное лицо, требуется провести десятки, сотни, а порой и тысячи следственных действий. Как и в советский период, так и сейчас, допрос является самым распространенным следственным действием. Можно встретить уголовные дела, по которым следователю (дознавателю) не требовалось назначения экспертизы или производства опознания, обыска. Довольно редко возникает необходимость производить следственный эксперимент. Если говорить о допросе, то мы можем безошибочно предположить, что в истории уголовного судопроизводства, пожалуй, нельзя встретить ни одно расследованное уголовное дело, по которому он не проводился бы вообще [11, с. 380–381].

Следователь при проведении допросов и очных ставок тратит на них примерно 23–27 % своего рабочего времени. То время, которое следователь тратит на проведение иных следственных действий, таких как следственный эксперимент, обыск, несопоставимо меньше — 3,5–4 % [8, с. 125–141]. В связи с этим не возникает удивления, что отечественными и зарубежными специалистами проведено немало исследований, касающихся понятия допроса, порядка проведения и закрепления его результатов.

В различных источниках приведено множество понятий такого, пожалуй, самого классического (хрестоматийного) следственного действия, как допрос. По мнению Л. В. Бертовского, самый распространенный подход к данному понятию сформулирован в учебнике, подготовленном кафедрой криминалистики МГЮА. В нём допрос понимается как наиболее распространенное следственное действие, которое заключается в получении

от лица показаний об обстоятельствах, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных, криминалистически значимых обстоятельствах [5, с. 11].

Известный теоретик и практик Л. Я. Драпкин указывает нам на то, что под допросом необходимо понимать один из наиболее распространенных процессуальных способов получения доказательств, сущность которого состоит в том, что следователем непосредственно от допрашиваемого лица в установленной уголовно-процессуальной форме берутся показания о тех обстоятельствах, которые стали ему известны и иных данных, имеющих значение для расследования уголовного дела [6, с. 126].

В процессуальном же отношении допрос представляет собой следственное действие, которое производится в целях собирания доказательств.

Цель допроса заключается в получении доказательств в виде показаний, для чего следователю (дознавателю) необходимо:

- 1) вызвать лицо на допрос;
- 2) допросить его;
- 3) зафиксировать полученные показания.

Нам никогда не следует забывать, что допрос является единственным процессуально допустимым способом получения показаний [7, с. 698].

По мнению Л. В. Бертовского, в предмет допроса могут входить известные допрашиваемому обстоятельства деяния, по поводу которого возбуждено уголовное дело, связанные с ними события предкриминального и посткриминального характера, и события, которые развиваются параллельно исследуемому деянию [5, с. 11].

Следует отметить, что одним из первых криминалистов, кто дифференцировал рекомендации по производству допроса в зависимости от процессуального положения был известный австрийский профессор Ганс Гросс. В своей знаменитой работе «Руководство для судебных следователей как система криминалистики», во второй главе под названием «О допросах», он посвятил второй параграф допросу свидетелей, а третий допросу обвиняемых. Однако не совсем остаётся ясным, почему ученый решил выделить именно такие виды допросов.

Таким образом, рассмотрев и проанализировав понятие допроса на стадии предварительного расследования, мы выяснили, что данное следственное действие занимает большую часть времени у лица, в производстве которого находится уголовное дело, в сравнении с каким-либо иным. Также мы увидели различные определения понятия допроса, представленные современными учеными, каждое из которых довольно содержательно и полностью отражает суть этого хрестоматийного следственного действия.

Поскольку допрос — самое распространенное следственное действие, то его процессуальная форма наиболее детализирована, хотя закон и не называет каких-либо особых фактических или процессуальных оснований для его производства.

Говоря о месте допроса, то его проведение возможно либо по месту производства предварительного следствия (чаще всего это кабинет следователя или дознавателя), либо по решению следователя (дознавателя) по месту нахождения допрашиваемого.

Уголовно-процессуальное законодательство требует от должностного лица заносить в протокол допроса показания допрашиваемого в первом лице и по возможности дословно. Считаю данное требование обоснованным, поскольку при их последующем анализе мы можем сориентироваться в вопросе об их ложности или правдивости. Также и у суда будет меньше оснований сомневаться в том, что данные показания не были написаны по определенному шаблону и с полной выгодой для лица, которое осуществляет расследование.

Рассматривая указанный выше проблемный вопрос, А. В. Победкин указывает, что необходимость изложения показаний дословно не означает, что в протокол обязательно должна быть занесена и жаргонная, нецензурная лексика. Желательно, по возможности, толкование отдельных понятий по согласованию с допрашиваемым. Однако может встретиться случай, когда изложение показаний допрашиваемого лица именно такими фразами и словами может оказаться необходимым для следствия. Однако, встречаются и мнения, приведенные, например, О.Я. Баевым и И. А. Стерниным [4, с. 33–35], в соответствии с которыми в любом случае употреблять в протоколе нецензурную и жаргонную лексику нельзя, следует заменять её эвфемизмами, то есть эмоционально нейтральными словами или выражениями, а также использовать иные приёмы замены на литературный и разговорный язык.

После окончания стадии свободного рассказа следователь может задать дополнительные вопросы. Сами вопросы и ответы на них необходимо указывать в той последовательности, которая присутствовала на самом следственном действии. Те вопросы, которые были отвечены самим следователем или на которые допрашиваемое лицо оказалось отвечать, обязательно должны быть отражены в протоколе с указанием конкретных мотивов отказа или отказа.

Перед началом производства данного следственного действия следователю необходимо указать на необходимость допрашиваемому сделать соответствующие записи, пометки в протоколе, а именно:

1) допрос свидетеля или потерпевшего — отметка о предупреждении об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний, предусмотренной ст. ст. 307, 308 УК РФ [2], которая подтверждается подписью.

2) первый допрос подозреваемого — отметка о разъяснении ему того, в совершении какого преступления он подозревается;

3) первый допрос обвиняемого — его заявление о том, признает ли он себя виновным.

Не предупреждаются об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных по-

казаний, предусмотренных ст. ст. 307, 308 УК РФ, потерпевшие и свидетели в возрасте до шестнадцати лет. Также об этом не предупреждаются подозреваемые и обвиняемые, поскольку они вправе отказаться от дачи показаний и защищаться любыми способами.

Однако, к примеру, следует иметь в виду, что обязанность свидетеля давать правдивые показания, не исключает необходимость разъяснения ему положений, закрепленных в ст. 51 Конституции РФ [1], о праве не свидетельствовать против самого себя, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом.

В связи с тем, что осуществление допроса сопряжено с применением процессуального принуждения, например, обязанностью являться на допросы, даче правдивые показания, ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний, допрашиваемый имеет право на квалифицированную юридическую помощь. Когда производится допрос свидетеля, то такую юридическую помощь ему вправе оказать адвокат, при допросе потерпевшего — представитель. При производстве следственного действия с подозреваемым или обвиняемым — защитник. Следует подчеркнуть, что при производстве допроса с участием свидетеля адвокат не является ни представителем, ни защитником, а субъектом, который оказывает свидетелю юридическую помощь.

Если при допросе участвуют защитник, педагог, психолог, родитель или законный представитель несовершеннолетнего, переводчик, эксперт, специалист, оперативные сотрудники, то необходимо указать необходимые установочные данные таких лиц, а также подписи каждого участвующего.

В своей практической деятельности, следователю (дознавателю) необходимо помнить, что наводящие вопросы при проведении допроса недопустимы. Следует отметить, что наводящим признается такой вопрос, который содержащейся в нем формулировкой, информацией, эмоциональным, интонационным подтекстом, мимикой, жестами и иным образом подсказывает, наводит допрашиваемого на определенный ответ и в процессе его постановки рассчитан на повторение содержащейся в нем или подсказанной им информации. Например, вопрос может звучать так: «Были ли Вы в такое-то время в таком-то месте?» — является наводящим. Правильно построенный вопрос должен звучать так: «Где вы были в такое-то время?» [10, с. 45].

Важным является тот факт, что при допросе законодатель разрешает пользоваться допрашиваемым лицам документами и записями. По моему мнению данное положение полезно в том плане, что не всегда человек может хорошо запомнить необходимые для следствия данные, например, дату, время, адрес, регистрационный номер, фамилию и инициалы лица, поскольку точность данных делают допрос более содержательным и полным.

Закон требует от следователя отражения в протоколе также следующих действий, если они имели место при производстве данного следственного действия:

1) предъявление допрашиваемому вещественных доказательств, документов, оглашение протоколов иных следственных действий, воспроизведение материалов аудио- и (или) видеозаписи, киносъемки следственных действий. (ч. 3 ст. 190 УК РФ)

2) проведение фотографирования, аудио- и (или) видеозаписи, киносъемки хода допроса. При этом необходимо обязательно отразить сведения о техническом устройстве, а также заявление допрашиваемого лица по поводу их применения.

3) изготовление допрашиваемым различных схем, чертежей, рисунков, диаграмм.

По окончании следственного действия допрашиваемое лицо может ознакомиться с протоколом путем личного прочтения либо по его просьбе протокол оглашается следователем.

Как и сам допрашиваемый, так и участвующие лица могут делать необходимые дополнения и уточнения к протоколу. После чего каждый участник должен подписать протокол. Факт ознакомления допрашиваемого с показаниями и правильность их записи подтверждается его подписью. К тому же законодатель определил, что подпись допрашиваемого лица должна стоять на каждой странице протокола допроса.

Если допрашиваемый потерпевший или свидетель — несовершеннолетний, который не достиг шестнадцати лет, либо лицо, достигшее данного возраста, но страдающее психическим расстройством или отстающее в психическом развитии, то обязательно следователь обеспечивает участие педагога или психолога в данном следственном действии. В случае расследования уголовных дел о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, допрос лиц, подпадающих под категорию, указанные выше, проводится с обязательным участием психолога.

Следователь, при необходимости, опираясь на обстоятельства расследуемого уголовного дела, может пригласить по своему усмотрению педагога или психолога и при допросе несовершеннолетнего, достигшего шестнадцати лет.

В ходе данного следственного действия вправе участвовать законный представитель потерпевшего или свидетеля. Если присутствие данного лица противоречит интересам допрашиваемого, то следователь имеет право не допустить его к участию, обеспечив участие в допросе другого законного представителя.

Следует отметить, что при производстве допроса очень важным является учет его продолжительности. Согласно ст. 187 УПК РФ [3], производство допроса не может осуществляться непрерывно более 4 часов. Общая же продолжительность допроса в течение дня не может превышать 8 часов, с учетом того, что после первых 4 часов следственного действия допрашиваемому был организован перерыв для отдыха и принятия пищи не менее чем на один час. При подготовке к допросу, всегда необходимо помнить про особенности времени допроса отдельных

категорий лиц. Если участвует несовершеннолетний потерпевший или свидетель и его возраст составляет менее семи лет, то без перерыва возможен его допрос продолжительностью не более 30 минут, а в общей сложности — не более одного часа, если такое лицо достигло возраста 7 лет, но не достигло четырнадцати лет — не более одного часа, а в общей сложности — не более двух часов. При осуществлении допроса лица, старше четырнадцати лет, то его продолжительность не должна превышать двух часов, в общей сложности — четырех часов.

При учете всех перечисленных временных ограничений по производству допроса, необходимо обязательно учитывать заключение врача о его продолжительности, которое может поступить от допрашиваемого лица. Однако по поводу данного положения существует дискуссионное мнение, касающееся того, что продолжительность допроса можно только сократить или всё же его можно и увеличить. В своем диссертационном исследовании А. С. Моторин анализирует различные точки зрения по поводу регламентации продолжительности непрерывного допроса. То, что законодатель не дал четкой определенности, А. С. Моторин считает оправданным как по процессуальным, так и по тактическим мотивам [9, с. 12].

Говоря об особенностях проведения допроса несовершеннолетних потерпевших или свидетелей, стоит подчеркнуть, что в данном следственном действии должна

обязательно применяться видеосъемка или кинозапись, за исключением случая, если несовершеннолетние или их законные представители против этого возражают.

Протокол допроса по своей конструкции обычно состоит из четырех частей:

- 1) анкетная часть, в которой указываются необходимые сведения о личности допрашиваемого;
- 2) часть, в котором изложен свободный рассказ допрашиваемого лица;
- 3) часть протокола, в которой отражены записи поставленных допрашиваемому вопросов и его ответов;
- 4) удостоверительная часть, в которой имеется отметка об ознакомлении допрашиваемого с записью данных им показаний и удостоверение его подписью правильности протокола.

Если участвующее лицо по каким-либо причинам отказывается подписать протокол или же в силу физических недостатков или состояния здоровья не может не способен этого сделать, то данный факт удостоверяется в общем порядке, в соответствии со ст. 167 УПК РФ.

Итогом всего сказанного служит вывод о том, что рассмотренный нами порядок допроса и его содержательная часть довольно широко детализированы, однако остаются проблемные вопросы, касающиеся внесения в протокол жаргонной и ненормативной лексики, недопустимости наводящих вопросов, заключения врача о продолжительности допроса.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: (Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Собрание Законодательства РФ. — 1993. — № 31. — Ст.8.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.
4. Баев О. Я., Стернин И. А. Об одной лингвистической проблеме фиксации показаний допрашиваемого в уголовном судопроизводстве // Правовые реформы в современной России: значение, результаты, перспективы: материалы науч.-практ. конф., посвященной 50-летию юбилею юридического факультета ВГУ (Воронеж, 20–21 ноября 2018 г.). Вып. 5, ч. 5: Уголовное право, уголовный процесс, криминалистика. Воронеж: Издательство ВГУ, 2009. С. 33–35.
5. Допрос: тактика и технология / Л. В. Бертовский. — М.: Издательство «Экзамен», 2015. — С. 11.
6. Криминалистика. Учебник. Том II / под общ. ред. А. И. Бастрыкина. — М.: Издательство «Экзамен», 2014. — С. 126.
7. Курс уголовного процесса / Под. ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головки. — 2-е изд., испр. — М.: Статут, 2017. — С. 698.
8. Михайлов А. И., Соя-Серко Л. А., Соловьев А. Б. Научная организация труда следователя. М., 1974. С. 125–141.
9. Моторин А. С. Производство допроса в контексте современной системы уголовно-процессуальных гарантий: автореферат дис.... кандидата юридических наук: 12.00.09 / Моторин Алексей Сергеевич; [Место защиты: Кубан. гос. ун-т]. — Краснодар, 2009. — С. 12.
10. Центров Е. Наводящий вопрос и пределы использования информации при допросе // Рос. юстиция. 2003 № 5. С. 45.
11. Шаталов А. С., Крымов А. А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: академический курс по направлению «Юриспруденция». — Москва: Проспект, 2019. — С. 380–381.

Очная ставка как самостоятельное следственное действие в уголовном процессе

Серяков Сергей Дмитриевич, старший следователь

Следственный отдел по г. Волжску Следственного управления Следственного комитета России по Республике Марий Эл (Республика Марий Эл)

В статье рассматривается очная ставка как самостоятельное следственное действие в уголовном процессе. Раскрывается ее процессуальная природа, цели и задачи, а также особенности проведения в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации. Анализируется значение очной ставки для устранения существенных противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц, установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, и проверки достоверности полученной информации.

Ключевые слова: очная ставка, следственное действие, уголовный процесс, допрос, показания, противоречия в показаниях, доказывание, доказательства, следователь, участники уголовного судопроизводства.

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации содержится лишь одна статья, посвященная непосредственно очной ставке. В отечественном уголовно-процессуальном законодательстве отсутствует четкое определение приведенного следственного действия.

В одной из своих работ Р. С. Белкин указывает на то, что очная ставка — название этого следственного действия происходит от старорусского «очи на очи» — допрос, при котором допрашиваемые глядят друг другу в глаза [2, с. 78].

Л. Я. Драпкин понимает под очной ставкой следственное действие, которое предусмотрено ст. 192 УПК РФ [1], заключающееся в поочередном допросе в присутствии друг друга двух ранее допрошенных лиц из числа свидетелей, потерпевших, подозреваемых и обвиняемых, в показаниях которых имеются существенные противоречия [3, с. 148].

Иной подход к рассматриваемому понятию предлагает С. А. Шейфер, который понимает под очной одно-временный допрос нескольких лиц в целях выяснения причин существенных противоречий, обнаружившихся в ранее данных ими показаниях. Он справедливо отмечает, что целью очной ставки не может быть устранение противоречий между двумя ранее допрошенными лицами, как многие считают, ведь важно не просто устранить имеющиеся противоречия, а установить действительные обстоятельства, т. е. выяснить причины противоречий [8, с. 100].

Законодатель указывает в ч.1 ст. 192 УПК РФ на фактическое основание проведения данного следственного действия — наличие существенных противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц. Лицо, осуществляющее предварительное следствие, по собственному усмотрению использует предоставленную ему возможность по устранению выявленных им противоречий. Отсутствует конкретно закрепленная обязанность проведения очной ставки при выявлении каких-либо нестыковок. Следователь, используя предоставленный ему объем полномочий, опираясь на свой опыт, может иным способом устранить выявленные противоречия, не прибегая к организации очной ставки. Необходимо отметить, что существенными противоречия могут быть тогда, когда они

возникают по поводу обстоятельств, подлежащим доказыванию, а также иным вопросам, имеющим значение для дела.

Действующее законодательство не ограничивает количество участников очной ставки (двое, трое, четверо и т. п.), чем отличается от ранее действующего УПК РСФСР, который закреплял возможность проведения очной ставки не более чем между двумя участниками [6, с. 613]. Ещё более десяти лет назад ученый Соловьев А. Б. указывал, что практика прочно стоит на традиционной позиции проведения очной ставки только между двумя ранее допрошенными лицами. Если же противоречия были выявлены между более чем двумя допрашиваемыми, то будет целесообразно проведение нескольких «парных» очных ставок [5, с. 12].

Основным условием проведением очной ставки выступает предварительный допрос участников уголовного судопроизводства, между которыми в последующем планируется проведение данного следственного действия.

Анализируя существующие положения об очной ставке, можно выделить ее следующие задачи:

- разоблачение лжи;
- преодоление добросовестного заблуждения, самоговора;
- проверка собранных по делу доказательств;
- разоблачение инсценировок.

Мы выяснили, что условиями проведения очной ставки являются наличие противоречий показаний, которые были даны участниками ранее, узнали о существовании дискуссионного вопроса, посвященного возможному количеству участвующих в очной ставке лиц. Пришли к выводу, что цель следственного действия можно считать достигнутой только в том случае, если имеющиеся противоречия были устранены на основе показаний, которые оказались не только правдивыми, но и объективно истинными.

В связи с близостью очной ставки к допросу, многие регламентирующие допрос положения применяются и к очной ставке. Однако процессуальный порядок по своей сущности имеет свои исключительные особенности:

1) Лицо, осуществляющее предварительное расследование выясняет у участников, между которыми прово-

дится очная ставка, знают ли они друг друга и в каких отношениях находятся между собой.

2) Допрашиваемым лицам поочередно предлагается дать показания по тем обстоятельствам, для выяснения которых производится очная ставка. После дачи таких показаний, следователь может задать вопросы каждому из допрашиваемых;

3) Допрашиваемые могут с разрешения следователя (дознателя) задавать друг другу вопросы;

4) Оглашение показаний участников очной ставки, содержащихся в протоколах предыдущих допросов, а также воспроизведение аудио- и (или) видеозаписи, киносъемки этих показаний допускается лишь после того, как указанными лицами были даны показания или после их отказа от дачи показаний на очной ставке.

5) По ходу оформления протокола очной ставки показания допрашиваемых лиц записываются именно в той очередности, в какой они были даны. Каждое из допрашиваемых лиц подписывает свои показания, каждую страницу протокола и протокол в целом.

Рассматривая вопрос об участии в очной ставке, следует отметить, что к очной ставке могут быть приведены все подлежащие допросу лица. Однако некоторые ученые имеют противоположные позиции по составу участников очной ставки. О. Л. Васильев высказывает мнение о том, что «к очной ставке могут быть приведены все подлежащие допросу лица, кроме, разумеется, эксперта и специалиста, причем в любых комбинациях...» [7, с.434]. Однако иной позиции придерживается профессор А. В. Победкин, который указывает, что «если существенные противоречия касаются одних обстоятельств, то очная ставка может быть произведена между специалистами, между экспертами, а также между экспертом и специалистом». Следует отметить, что возможность проведения очной ставки между экспертом и специалистом объясняется тем, что специалист может быть допрошен относительно данного экспертом заключения и в его показаниях и показаниях эксперта, разъясняющего свое заключение, не исключены существенные противоречия.

Безусловно, проведение очной ставки возможно только в том случае, когда каждое из участвующих лиц было допрошено. Однако в практике мы можем встретить случаи, когда данное правило нарушалось. В своей диссертационной работе М. П. Перякина изучила 284 протокола очной ставки, из них в 2,7 % случаях очные ставки проводились с лицами, которые ранее не были допрошены. Конечно, данные факты показывают нам грубое нарушение уголовно-процессуального законодательства [4, с. 46].

Необходимо всегда помнить о том, что недопустимо проводить очную ставку, если хотя бы один из возможных участников данного следственного действия до его проведения был: 1) только опрошен (к примеру, в ходе беседы в рамках иного следственного действия); опрошен, а сообщенные им обстоятельства были отражены в объяснении; 2) допрошен, однако не был оформлен протокол допроса.

Также следует отметить, что мы не можем проводить очной ставки с лицом, которое хоть и было допрошено, но не по обстоятельствам, которые были вынесены на разрешение очной ставки. Естественно, что проведение при таких условиях следственного действия запрещено законом, а достоверность полученных показаний ставится под огромное сомнение.

В указанном диссертационном исследовании указывается и на то, что на практике встречаются случаи, когда следователь имеет достаточных данных полагать, что преступление было совершено конкретным лицом, однако он не торопится наделять таких лиц процессуальным статусом подозреваемого или обвиняемого. Этих лиц, так называемых «свидетелей», сводят в рамках следственного действия с потерпевшими или свидетелями, на которых последние изобличают их в совершении преступления. Данный факт нарушения уголовно-процессуального законодательства был выявлен М. П. Перякиной в 1,4 % изученных протоколов рассматриваемого следственного действия [4, с. 47].

Следует отметить, что в своей работе М. П. Перякина рассматривает очень интересный для теоретиков и практиков вопрос. Он посвящен возможности проведения очной ставки с участием трех и более допрашиваемых лиц. Указывается, что целесообразность проведения очной ставки с таким количеством участников будет лишь при соблюдении следующих условий:

1) в деле имеются однотипные показания участников предварительного следствия из числа подозреваемых, обвиняемых, свидетелей, потерпевших, которые были даны по поводу одних и тех же обстоятельств;

2) указанные выше показания находят подтверждение в иных показаниях, которые были собраны по уголовному делу;

3) такие показания имеют противоречия с показаниями подозреваемого, обвиняемого;

4) следователь обладает уверенностью, что лица, которые дают правдивые показания за счёт своих психологических качеств смогут занять более активную позицию, которая поможет разоблачить ложные показания;

5) у следователя имеется мнение, что с учетом имеющегося криминального опыта и выраженной установки на дачу ложных показаний подозреваемого, обвиняемого, проведение данного следственного действия с каждым добросовестным участником не будет считаться перспективным [4, с. 165].

Предложенная М. П. Перякиной позиция, по моему мнению, чужда многим ученым, поскольку устоялось мнение, что при производстве очной ставки участвуют только два ранее допрошенных лица. Я считаю, что данное следственное действие можно проводить с тремя и более лицами, если только следователь использовал все другие возможные варианты в поиске истины, когда дальше следствие практически не двигается.

Таким образом, подводя общий итог, следует отметить, что мы рассмотрели особенности порядка производства

очной ставки, выявили дискуссионный вопрос, касающийся возможности участия в очной ставке специалистов и экспертов. Анализируя групповое проведение очной ставки можно сделать вывод о том, что она имеет большую

силу воздействия на тех участников, чьи показания преднамеренно были искажены. Порой, такое «групповое» следственное действие может стать переломным пунктом в избранной линии поведения конкретного лица.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.
2. Белкин Р. С. Профессия — следователь. М., 1998. С. 78
3. Криминалистика. Учебник. Том II... С. 148
4. Перякина М. П. Правовые основы и тактика очной ставки: диссертация... кандидата юридических наук: 12.00.09 / Перякина Марина Павловна; [Место защиты: ГОУВПО «Волгоградская академия МВД РФ»]. — Иркутск, 2008. — С. 46.
5. Соловьев А. Б. Очная ставка. М., 2006. С. 12.
6. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. утв. ВС РСФСР 27.10.1960 // Свод законов РСФСР, т. 8. С. 613.
7. Уголовный процесс. Проблемы теории и практики... С. 434.
8. Шейфер С. А. Проблемы правовой регламентации доказывания в уголовном процессуальном законодательстве РФ // Государство и право 1995. № 10. С. 100.

Корпоративные права участников ООО и АО

Солдатова Екатерина Валерьевна, студент
Московский университет «Синергия»

В условиях глобализации и динамичного развития экономических отношений корпоративные организации занимают ведущее место в мировой экономике. Именно они являются основными субъектами предпринимательской деятельности, аккумулирующими значительные материальные и интеллектуальные ресурсы. От эффективности их функционирования напрямую зависит инвестиционный климат государств, уровень экономического роста и социальное благополучие населения. В связи с этим особую значимость приобретает правовое регулирование внутренних и внешних отношений, возникающих внутри корпоративных структур, а также между ними и иными участниками гражданского оборота. Одним из центральных аспектов такого регулирования является определение прав участников хозяйственных обществ — обществ с ограниченной ответственностью (ООО) и акционерных обществ (АО). Актуальность данной темы обусловлена не только практической востребованностью, но и наличием многочисленных дискуссионных вопросов в доктрине и правоприменительной практике.

Корпоративные отношения представляют собой сложный и многогранный правовой феномен. Они возникают между участниками корпорации, самой организацией и третьими лицами (включая менеджеров) и составляют основу для реализации прав и обязанностей каждого участника. В отечественной правовой науке отсутствует единое мнение относительно природы данных отношений. Одни авторы рассматривают их исключительно как имущественные, другие — как сочетание иму-

щественных и личных неимущественных элементов, третьи придерживаются позиции, что они имеют организационно-правовую природу, включающую как имущественные, так и неимущественные компоненты. Такая широта взглядов порождает неопределённость в правовом регулировании и правоприменении, что, в свою очередь, требует дальнейшего научного осмысления и законодательного уточнения.

Права и обязанности участников ООО и АО являются стержнем внутрикорпоративных отношений. Они обеспечивают связь между участником и корпорацией, формируют единую корпоративную волю, обособленную от воли отдельных участников, и создают баланс их интересов. Именно во внутренних отношениях проявляется специфика корпорации как искусственного субъекта права — она выступает как самостоятельный участник гражданского оборота, наделённый правами и обязанностями, отличными от прав и обязанностей её учредителей.

С 1 сентября 2014 года вступили в силу значительные изменения главы 4 Гражданского кодекса РФ, которые затронули, в том числе, положения о правах и обязанностях участников организаций. Была узаконена обновлённая классификация организационно-правовых форм юридических лиц. Наряду с делением на коммерческие и некоммерческие организации, появилась классификация по критерию прав учредителей на имущество и управление: юридические лица теперь делятся на унитарные (где участники не имеют корпоративных прав) и корпоративные (где участники обладают такими правами). Это нововве-

дение имеет принципиальное значение, поскольку чётко определяет, что участники ООО и АО являются носителями корпоративных прав, которые включают право на участие в управлении, получение информации, долю прибыли и ликвидационный остаток.

Ещё одним важным нововведением стало распространение права требовать в судебном порядке исключения нерадивого участника из хозяйственного общества (кроме публичных акционерных обществ) с выплатой ему действительной стоимости доли. Ранее такая возможность существовала только в отношении ООО; теперь она распространена и на акционерные общества. Это позволяет повысить дисциплину среди участников и защитить интересы добросовестных инвесторов.

Таким образом, тематика корпоративных прав и обязанностей участников ООО и АО является в настоящее время одной из наиболее актуальных в цивилистической науке и правоприменительной практике. Многообразие подходов к определению природы корпоративных отношений, наличие пробелов в регулировании создания и деятельности корпораций, необходимость защиты интересов как участников, так и самой организации, а также динамичные изменения законодательства требуют постоянного внимания со стороны законодателя, учёных и практикующих юристов.

Корпоративные права участников хозяйственных обществ представляют собой субъективные права особой правовой природы, отличной от вещных и обязательственных прав. Их специфика обусловлена природой корпоративных отношений, складывающихся между обществом и его участниками в связи с участием последних в деятельности корпорации. В содержание правоотношения участия входят как имущественные, так и неимущественные (организационно-управленческие) правомочия, которые существуют в едином комплексе и переходят к новому приобретателю при отчуждении доли или акций.

Классификация корпоративных прав может проводиться по различным критериям. Традиционно выделяют: организационно-управленческие (неимущественные) права; имущественные права; преимущественные права; дополнительные права (характерные для ООО); право на защиту (рассматриваемое как средство охраны иных прав). Объём правомочий по общему правилу определяется пропорционально доле участия в уставном капитале, что отражает принцип объединения капиталов. Однако для непубличных обществ закон допускает отступление от этого правила как в уставе, так и в корпоративном договоре.

Право на участие в управлении делами корпорации является основным организационно-управленческим правом, принадлежащим всем участникам независимо от размера их доли или количества акций. Как неоднократно подчёркивал Верховный Суд РФ, нарушения процедуры созыва собрания не могут быть признаны малозначительными, даже если голос миноритарного участника не влиял

на итоговое решение, поскольку это ущемляет само право на участие в управлении.

Право на управление реализуется через следующие правомочия: участие в подготовке к общему собранию (внешение вопросов в повестку, выдвижение кандидатов — для ООО любым участником, для АО — владельцами не менее 2 % голосующих акций); непосредственное участие в общем собрании (на основании данных реестра или списка); право голоса по всем вопросам повестки. В западной доктрине право голоса рассматривается в рамках концепции «голос-выход», позволяющей участнику либо влиять на решения, либо выйти из общества. Количество голосов обычно пропорционально доле, однако для непубличных обществ возможен иной порядок. В акционерных обществах голос предоставляют обыкновенные акции, привилегированные акции ограничены в голосе, за исключением случаев реорганизации или невыплаты дивидендов. Кумулятивное голосование при выборе совета директоров позволяет миноритариям проводить своих кандидатов. Кроме того, участники вправе требовать созыва внеочередного собрания и быть избранными в органы управления.

Право на контроль финансово-хозяйственной деятельности тесно связано с правом на информацию, но не сводится к нему. Контроль предполагает активные действия по проверке деятельности общества. Основные формы реализации: утверждение годовых отчётов и бухгалтерской отчётности на общем собрании; избрание ревизионной комиссии (ревизора); утверждение независимого аудитора; требование любого участника о проведении аудиторской проверки (в ООО — любым участником, в АО — при определённых условиях). Таким образом, контрольные полномочия позволяют участникам не только получать информацию, но и непосредственно влиять на оценку финансового состояния общества.

Это основное имущественное право, направленное на получение дохода от участия в корпорации. Распределение прибыли относится к исключительной компетенции общего собрания и возможно только при наличии решения о распределении чистой прибыли. До принятия такого решения у участников нет права требования выплаты; соответствующее обязательство возникает лишь после утверждения распределения.

На практике реализация корпоративных прав и исполнение обязанностей сталкиваются с рядом системных проблем: ограничение доступа к информации для миноритарных акционеров, особенно после изменений 2017 года, что снижает их возможности контроля; нарушение процедур проведения общих собраний, включая манипуляции с кворумом и повесткой; дискриминация миноритариев со стороны мажоритарных участников при распределении прибыли, заключении сделок; злоупотребления менеджмента, выводящего активы или заключающего невыгодные сделки; сложность привлечения к ответственности за нарушение обязанностей из-за трудностей доказывания причинно-следственной связи и размера убытков.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. — 1993. — № 237; 2020. — № 144.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 5. — Ст. 410.
4. Абрамов, В. Ю. Корпоративное право: права и обязанности участников хозяйственных обществ: практическое пособие с судебным комментарием / В. Ю. Абрамов, Ю. В. Абрамов. — М.: Юстицинформ, 2021. — 356 с. с. — Текст: непосредственный.
5. Лаптев, В. А. Корпоративное право: правовая организация корпоративных систем: монография / В. А. Лаптев. — М.: Проспект, 2022. — 320 с. — Текст: непосредственный.

Принятие решений в правоохранительной деятельности на основе соблюдения прав человека в контексте законодательства Монголии

Унуболд Эрдэнэцогт, старший преподаватель
Университет внутренних дел Монголии (г. Улан-Батор)

Сотрудники правоохранительных органов ориентированы на единообразное применение и защиту закона. Целью настоящей статьи является определение взаимосвязи между функцией правоохранительной деятельности и правами и свободами человека, а также анализ возможностей внедрения правозащитного подхода в процесс принятия решений правоохранителями.

В исследовании использован нормативный метод юридической науки. На основе системного анализа концепций правозащитного подхода к развитию определены ключевые положения, рассматриваемые в качестве критериев при принятии решений правоохранительными органами.

Деятельность государственных органов основывается на праве как форме публичной политики. В результате установлено, что на всех этапах — от разработки и принятия законодательства до его реализации — существует институциональная возможность принятия решений, соответствующих стандартам прав человека как государственными служащими, так и сотрудниками правоохранительных органов.

Ключевые слова: права человека, правоохранительные органы, решение, принятие решений, развитие, подход, государственные служащие, значение.

Введение

Права человека и развитие, являясь взаимосвязанными ценностями, находятся в причинно-следственной связи. Взаимосвязь между правами человека и развитием отражена в таких документах, как Концепция развития человека, Декларация ООН о праве на развитие, Цели развития тысячелетия и Цели в области устойчивого развития [1]. В данных документах подчеркивается взаимозависимость прав человека и развития, а также выражено стремление к их отражению в международной и национальной политике развития. Кроме того, акцентируется внимание на том, что невозможность реализации каких-либо гражданских, политических, социальных, экономических или культурных прав выступает препятствием для развития. В этой связи возрастает значение подхода к развитию, основанного на правах человека, и его ценностей, опирающихся на единство прав человека и развития.

Ключевым фактором, определяющим развитие страны, является принятие решений, при этом концептуальная идея и цели данных решений формируют тенденции и устойчивость национального развития.

Принятие решений государственными органами и должностными лицами должно быть обоснованным, справедливым и опирающимся на права и потребности человека. Принятие решений на всех уровнях определяет уровень и ориентиры развития государства, однако акцентирование внимания исключительно на решениях правящих институтов и разработчиков политики не отражает в полной мере суть принятия решений на основе прав человека. Напротив, ключевое значение здесь имеет участие каждого лица, выполняющего служебные обязанности от имени государства.

В этой связи возникает необходимость изучения и анализа процесса принятия решений, а также практической деятельности служащих, в частности сотрудников право-

охранительных органов, на основе подхода, ориентированного на права человека.

Основная часть

Поскольку правочеловеческий подход неразрывно связан с общественным развитием, базовые понятия и принципы прав человека, а также вопросы потребностей человека занимают фундаментальное место в процессе принятия решений и разработки альтернативных вариантов решений.

Развитие определяется как «всеобъемлющий экономический, социальный, культурный и политический процесс, направленный на постоянное повышение благосостояния всего населения и всех индивидов на основе их активного, свободного и конструктивного участия в развитии и справедливом распределении создаваемых в результате него благ» [2], и представляет собой концепцию, формирующуюся и реализуемую в сознании через объективную действительность.

Подходы к развитию классифицируются как благотворительный (основанный на опеке), основанный на потребностях, и основанный на правах человека [2].

Характерные черты благотворительного подхода (основанного на опеке):

- Ориентирован на вводные ресурсы (затраты), а не на результат;
- Уделяет приоритетное внимание увеличению объемов благотворительной помощи и опеки;
- Поддерживает моральную ответственность богатых слоев населения по содержанию бедных;
- Рассматривает личность как жертву;
- Воспринимает людей как нуждающихся в помощи и поддержке;
- Акцентирует внимание на внешних проявлениях проблемы.

Характерные черты подхода, основанного на потребностях:

- Ориентирован на вводные ресурсы (затраты), а не на результат;
- Уделяет приоритетное внимание удовлетворению потребностей;
- Рассматривает потребности как реальную гарантию;
- Рассматривает индивида как объект участия в развитии;
- Воспринимает людей как нуждающихся в помощи и поддержке;
- Акцентирует внимание на непосредственных причинах проблемы.

Характерные черты подхода, основанного на правах человека:

- Уделяет внимание как самому процессу, так и его результатам;
- Придает приоритетное значение признанию и осознанию прав;

– Исходит из того, что права индивидов и групп являются важной гарантией выполнения обязанностями сторонами своих правовых и моральных обязательств;

– Направлен на расширение прав и возможностей (чадавжуулах) индивидов и групп для обеспечения гарантированного осуществления их прав;

– Рассматривает людей как субъектов, имеющих право на получение помощи и поддержки;

– Акцентирует внимание на коренных (структурных) причинах и их проявлениях.

Таким образом, подход, основанный на правах человека, фокусируется на том, как конкретные действия и решения влияют на человека на протяжении всего процесса, и ставит саму суть прав на первое место.

Преимущество подхода, основанного на правах человека, заключается в том, что он ориентирует развитие на достижение более качественных и устойчивых результатов путем анализа и учета таких ключевых проблем развития, как неравенство, дискриминационные практики и несправедливое распределение власти. Кроме того, данный подход и методология предоставляют двусторонним и многосторонним организациям развития, государству, организациям гражданского общества и НПО возможность участвовать в процессе развития и вносить в него свой вклад.

Подход и методология, основанные на правах человека, подчеркивают, что человек является правообладателем (носителем прав), а также указывают на необходимость четкого определения обязанностей и ответственности обязанных сторон. Стремясь к прогрессивному обеспечению прав человека, данный подход уделяет особое внимание социально уязвимым, маргинализированным и дискриминируемым группам, остающимся за рамками государственных политик и программ, и характеризуется приданием равной значимости как самому процессу развития, так и его результатам. Он направлен на выявление несправедливости, возникающей в процессе развития, и устранение дискриминации, а также дисбаланса в распределении власти.

Подход и методология, основанные на правах человека, ориентированы не столько на удовлетворение потребностей людей, сколько на обеспечение их прав. Специфика заключается в том, что если потребности направлены на предотвращение неудовлетворенности человека, то права не допускают насилия и требуют законного восстановления в случае их нарушения. Руководство подходом, основанным на правах человека, отличается от подхода, ориентированного на потребности, тем, что оно признает само существование прав. Это гарантирует укрепление потенциала государства и обязанных сторон по уважению, защите и обеспечению прав человека.

Иными словами, подход, основанный на правах человека, характеризуется тем, что соотносит права с базовыми потребностями.

Например, каждый человек имеет право на образование. Право на образование включает в себя такие харак-

теристики, как наличие (наличие условий), доступность, приемлемость и адаптируемость. Это повышает понимание сущности права на образование и требований, предъявляемых к нему. Данные критерии определяют нормативное содержание того, каким именно должно быть указанное право.

Потребности же затрагивают вопрос фундаментального существования (наличия) и определяют, почему то или иное право должно существовать, раскрывая содержание необходимости права на образование. Реализация права на образование позволяет получать знания, формировать навыки их применения и расширяет возможности для преобразования общества и семьи [3].

Подход, основанный на правах человека, рассматривается как тенденция развития, при которой решения принимаются исходя из принципа: «Данное право должно не просто существовать, а имеет объективную необходимость существования». Таким образом, фокус внимания направлен не только на конечный результат реализации права, но и на весь процесс начиная с момента реализации права до достижения результата.

В последние годы объектом повышенного внимания в сфере обеспечения и защиты прав человека, а также в правоохранительной деятельности выступают вопросы принятия решений на основе прав человека и правочеловеческого подхода.

Это обусловлено тем, что реализация законодательства ориентирована преимущественно на результат, то есть на непосредственное исполнение законодательных норм и предписаний. Если закон и процесс его применения опираются преимущественно на объективные факторы, то данный подход требует от сотрудника правоохранительных органов оценки влияния субъективных факторов. Необходимость учета этих факторов обусловлена тем, что они становятся ключевым направлением развития общественных отношений и социального прогресса.

Подход, основанный на правах человека, включает в себя определенные принципы [3, с. 80-81]. К ним относятся следующие принципы:

- Универсальность и неотчуждаемость — Права человека равным образом и неотъемлемо принадлежат каждому человеку в любом уголке мира. Индивид не может добровольно отказаться от своих прав. Точно так же никто не может лишиться его этих прав. Как зафиксировано в статье 1 Всеобщей декларации прав человека: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах». (A1)¹

- неделимость — Права человека неделимы. Независимо от их вида — будь то гражданские, политические, экономические, социальные или культурные права — они неразрывно связаны с достоинством каждого человека. В связи с этим все они имеют равный статус как права и не подлежат какой-либо иерархизации. (A2)

- Взаимосвязь и взаимозависимость — Реализация любого одного права частично или полностью зависит от осуществления других прав. Например, реализация права на здоровье может напрямую зависеть от реализации права на доступ к информации. (A3)

- Равенство и недискриминация — Все люди равны в своем достоинстве от рождения, и права и свободы принадлежат им без какой-либо дискриминации. Подход, основанный на правах человека, требует особого внимания к проблемам дискриминации и неравенства. В политиках и программах развития необходимо отражать вопросы обеспечения благополучия и защиты прав маргинализированных групп населения. Для предоставления больших возможностей уязвимым слоям необходимо максимально детализировать данные по различным признакам, в частности по полу, религии, этническому происхождению, языку и наличию инвалидности. Политика развития, решения и инициативы направлены на поиск путей просвещения местного населения, противодействуют сохранению дисбаланса сил и способствуют формированию новых справедливых структур. (A4)

- Академик болон эрдэм шинжилгээний өгүүлийн стандартын дагуу орос хэл рүү орчууллаа. MS Word руу шууд хуулж тавихад бэлэн:

- Обеспечение участия и инклюзивность — Каждый человек имеет право на свободное, активное и содержательное участие в гражданском, социальном, экономическом, политическом и культурном развитии посредством осуществления своих прав и свобод, а также на внесение своего вклада в это развитие. (A5)

- Просвещение (Расширение прав и возможностей) — Просвещение представляет собой процесс, создающий для людей возможности отстаивать свои права. Необходимо просвещать людей в отношении борьбы за свои права, вместо того чтобы занимать пассивную позицию в ожидании направленных на них политик, законов, решений и услуг. Данные инициативы ориентированы на формирование у индивидов и социальных групп способности к ответственным действиям. Цель состоит в предоставлении людям возможностей и ресурсов для преобразования своей жизни, обновления общества, в котором они живут, и распоряжения собственной судьбой. (A6)

- Верховенство права и подотчетность — Подход к развитию, основанный на правах человека, повышает уровень ответственности в процессе развития и расширяет возможности обязанных сторон по выполнению своих обязательств путем обеспечения взаимосвязи между «правообладателями» и «обязанными сторонами». Это охватывает весь спектр позитивных и негативных обязательств, таких как обеспечение, защита, уважение прав человека и воздержание от их нарушений. На государство возлагаются более широкие обязательства по реализации прав человека по сравнению с та-

¹ Сокращение «(A1)» используется в целях упрощения применения материала в учебном процессе.

кими участниками, как физические лица, местные органы и должностные лица, частный сектор, средства массовой информации, спонсоры, партнеры по развитию и международные организации. В свою очередь, международное сообщество несет обязанность по эффективному сотрудничеству с развивающимися странами, имеющими ограниченные ресурсы и потенциал. Подход, основанный на правах человека, требует развития правовых и административных практик, механизмов и систем, позволяющих каждому человеку быть защищенным от нарушений и ущемлений, а также в полной мере реализовывать свои права. Он также требует имплементации общих международных норм на местном уровне в целях повышения ответственности и создания эталонов (бенчмарков) для измерения прогресса. (A7)

Указанные принципы являются обязательными для соблюдения правоприменителем при взаимодействии с гражданами. Они отражают осознание того, что права человека универсальны и неотчуждаемы, ввиду чего недопустимы замена одного права другим, их произвольное ограничение, а также ситуация, когда реализация одного права приводит к ограничению или ущемлению возможности осуществления другого права. Данные принципы также предполагают обеспечение равных возможностей в рамках закона.

Кроме того, правоприменительный орган (должностное лицо) обязан обеспечивать полную и открытую вовлеченность участников правоотношений, а также выполнять просветительскую функцию. Это позволит обеспечить равный и доступный реализацию прав человека, разъяснить практику применения и правовую значимость норм, а также дать гражданам возможность осознать и добровольно принять необходимость и правомерность ограничений прав.

Все это составляет основное содержание подхода, основанного на правах человека. При этом следует всегда помнить, что данный подход акцентирует внимание не столько на конечном результате, сколько на самом процессе, тогда как сам результат определяется непосредственно законодательством.

Принятие решений на основе прав человека

Люди ежедневно принимают множество самых разнообразных решений. Некоторые из них касаются относительно незначительных бытовых вопросов, таких как выбор одежды или блюд на обед, в то время как другие оказывают существенное влияние на жизнь: выбор специальности для обучения в университете, вступление в брак, решение о начале курения или определение времени и партнера для вступления в интимные отношения. Тем не менее даже внешне простые или незначительные решения в определенных условиях могут приобретать важное значение, что требует развитых навыков принятия решений. Например, перед собеседованием с работодателем необходимо уделить особое внимание выбору

одежды, а при наличии определенных ограничений по здоровью следует тщательно подходить к формированию рациона питания.

Однако принятие решений в правоприменительной деятельности требует особого внимания, поскольку на противоположной стороне оно непосредственно связано с ограничением прав человека или рисками их нарушения.

Понятие «решение» определяется как выбор, сделанный на основе выводов, направленный на устранение причин возникновения проблемы или на реализацию определенной цели [4, с. 59]. Исходя из этого, процесс принятия решения правоприменителем можно понимать как проведение анализа и формирование выводов на основе конкретных факторов и критериев. В таком случае суть принятия решений на основе прав человека заключается в осуществлении законодательно предусмотренных действий и принятии правовых решений, руководствуясь достоинством человека и принципами прав человека.

Иными словами, это означает, что правоприменитель в любой ситуации руководствуется достоинством человека, принципами и подходом прав человека при выборе и применении правовых норм, а само решение должно обеспечивать участие человека, быть понятным, обоснованным и носить просветительский характер.

Хотя принцип законности играет важнейшую роль в принятии решений на основе прав человека, само принятие решений является также предметом изучения науки управления (менеджмента). В связи с этим представляется целесообразным рассматривать базовые концепции менеджмента в неразрывной связи с достоинством человека и принципами прав человека.

Принятие решений — это когнитивный процесс, приводящий к выбору одной из нескольких возможных альтернатив исходя из убеждений и направленности деятельности. При этом лицо, принимающее решение на основе подхода, ориентированного на права человека, обязательно должно знать и соблюдать принципы, которыми следует руководствоваться при выборе возможных решений.

Общепринятым принципом в сфере прав человека является принцип «PANEL».

– **Participation (Участие)** — Обеспечение участия заинтересованного лица при принятии решений, затрагивающих его права, то есть предоставление возможности участвовать в процессе принятия решений.

– **Accountability (Подотчетность и ответственность)** — Принцип ответственности. Он предполагает соблюдение лицом, принимающим решения, международных и национальных норм в области прав человека, а также применение механизмов предупреждения, выявления и устранения нарушений прав человека.

– **Non-discrimination and Equality (Недискриминация и равенство)** — Предотвращение принятия решений на основе дискриминации по личным или социальным признакам и обеспечение равных возможностей для всех людей.

– **Empowerment (Расширение прав и возможностей)** — Обеспечение возможности каждого человека требовать реализации своих прав. Индивиды и группы должны понимать и признавать свои права.

– **Legality (Законность)** — Права и свободы человека должны защищаться законом, а законодательство должно содержать в себе принципы прав человека [5].

Таким образом, данный принцип выражается в том, что лицо, принимающее решение, обеспечивает участие соответствующего субъекта, относится к нему на основе равенства и недискриминации, признает за ним право требовать соблюдения своих прав и обеспечивает привлечение к ответственности. Таким образом, для подготовки сотрудников правоохранительных органов, освоивших общие принципы и критерии подхода, основанного на правах человека, основной обязанностью образовательного учреждения становится анализ, планирование и совершенствование содержания учебных программ бакалавриата и учебных дисциплин на основе данного подхода.

Принятие решений на основе прав человека понимается как процесс, при котором правоприменитель на основе оценки влияния конкретной нормы или ограничения на права человека выбирает и реализует из возможных альтернатив тот вариант, который уважает человеческое достоинство. Это мера по принятию решений путем оценки и прогнозирования того, как конкретные действия и ограничения прав, применяемые правоприменителем, повлияют на права участвующего лица.

Отсутствие надлежащих навыков принятия решений или принятие поспешных решений может привести к выработке неэффективных решений без учета других существенных факторов, связанных с данной проблемой, что в конечном итоге повышает вероятность возникновения ситуаций, вызывающих сожаление у самого человека. Ответственности за любые нарушения.

С другой стороны, развитые навыки принятия решений предоставляют человеку возможность активно участвовать в самом процессе принятия решений, рационально распоряжаться временем и проявлять творческий подход. Данные навыки крайне необходимы для определения того, какие решения имеют первостепенное значение, какие требуют повышенного внимания, а какие вопросы могут быть решены с наименьшими затратами усилий. Человек, обладающий высокими навыками принятия решений, не откладывает их принятие и не избегает ответственности. Излагая и анализируя возможные последствия доступных альтернатив, он способен оценивать вероятность их наступления с учетом собственных чувств и ценностных ориентиров. Принимаемые им решения опираются на реалистичные ожидания, соответствуют его убеждениям и ценностям, при этом он способен реализовывать принятые решения без подпадания под чужое влияние.

Это требует от правоприменителя оценки преимуществ и недостатков каждой альтернативы, возможной в конкретной ситуации, а также ее последствий, наряду с сопоставлением собственных ценностей и внутреннего восприятия. Освоение данной темы способствует принятию решений относительно будущих планов, модели поведения или регулирования взаимоотношений с окружающими. В этой связи развитие навыков принятия решений у правоприменителей имеет важное значение. В частности, принятие решений с признанием индивидуальных особенностей и различий граждан имеет решающее значение для сотрудника, а реализация государством ответственности в рамках своих функций способствует расширению практики принятия решений на основе прав человека.

Обязательства государства рассматриваются в трех аспектах [6].

– **Доступность информации** — Ключевая информация, влияющая на принятие решения, должна быть в равной степени доступна всем участникам правоотношений. (B1)²

– **Сроки принятия решений** — Понятие, отражающее допустимый временной интервал для принятия решения; следует помнить, что определенные временные рамки влияют на скорость и точность принимаемого решения. (B2)

– **Риски и непредвиденные обстоятельства** — Необходимо прогнозировать возможные риски, вытекающие из принимаемого решения, и максимально предотвращать возникновение непредвиденных ситуаций. (B3)

– **Цель** — Решение должно приводить к расчетному или позитивному результату. В запланированных результатах следует выстраивать приоритеты. (B4)

– **Учет личных и организационных ценностей** — Для служащих и сотрудников правоохранительных органов это могут быть принципы прав человека и конституционные принципы, соблюдаемые в их деятельности. (B5)

– **Оценка ресурсов и возможностей** — Оценка финансовых и иных необходимых ресурсов. (B6)

– **Влияние внешней среды** — Необходимо оценивать, будет ли принятое вами решение приемлемым с социальной и правовой точек зрения. (B7)

– **Опыт** — Включает в себя опыт лица, принимающего решение, по участию и принятию решений в данной и иных сферах правоотношений. (B8)

– **Эмоциональные факторы** — Уровень эмоционального состояния участников конкретных социальных отношений различается в зависимости от ситуации; следует стремиться к принятию решений в уравновешенном (нормальном) эмоциональном состоянии. (B9)

– **Альтернативы выбора** — Поиск и выбор наиболее оптимального варианта, отвечающего интересам обеих участвующих сторон. (B10)

² Сокращение «(B1)» используется в целях упрощения применения материала в учебном процессе.

– Долгосрочные и краткосрочные результаты — Необходимо рассчитывать, к каким долгосрочным и краткосрочным результатам (предвидимым или непредвиденным) приведет и как повлияет принятое вами решение. (B11)

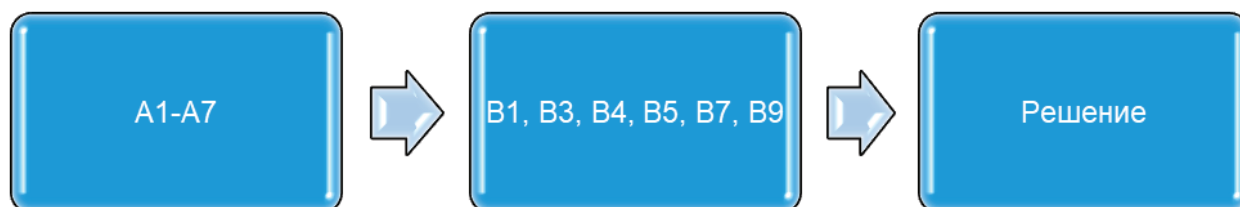
Указанные характеристики представляют собой основные условия, требующие внимания при принятии решений, а общим критерием оценки этих условий выступают достоинство человека и принципы прав человека. Это позволяет принятому решению быть ориентированным на права человека и способствующим их продвижению.

Широкое применение данных условий при принятии решений на первичном (оперативном) уровне является главным фактором обеспечения прав человека в правоохранительной деятельности и принятии решений на основе прав человека.

В частности, в науке управления (менеджмента) определены этапы процесса принятия решений, и при прохождении этих этапов необходимо соблюдать принципы подхода, основанного на правах человека, изложенные в первой части лекции.

К данным этапам относятся:

- Определение проблемы
- Разработка альтернативных вариантов решений
- Оценка альтернатив
- Выбор решения
- Оценка результатов

Исходя из этого, принятие решений на основе прав человека предполагает выработку решений, которые не только обеспечивают права человека, но и способны в полной мере отражать его потребности. Данный процесс охватывает деятельность, уважающую права человека как на этапе достижения результата, так и на всех промежуточных этапах, обеспечивая участие третьих лиц, создавая возможности для такого участия и недопуская нарушений прав.

Заключение

1. Высшие интересы государств мира сосредоточены на их развитии и процветании. При этом ключевая идея развития направлена на удовлетворение интересов и потребностей граждан. Это обусловлено тем, что политика и концепция развития, не основанные на правах и потребностях человека, неэффективны, неустойчивы и не способны обеспечить полноправное участие членов общества.

Например:

В Уголовно-процессуальном кодексе определены основания для применения меры пресечения в виде «заключения под стражу», в частности такие основания, как попытка скрыться или факт бегства от уголовного судопроизводства.

Исходя из этого, вышеуказанное действие представляет собой результат в виде совершения попытки или факта бегства, а соответствующая норма выступает правовым механизмом ограничения прав человека, применяемым непосредственно при наступлении данного результата. В свою очередь, подход, основанный на правах человека, относится к процессу, предшествующему попытке бегства или самому бегству, и определяется соблюдением сотрудником правоохранительных органов достоинства человека и принципа уважения прав человека на протяжении всего периода — начиная с момента возбуждения уголовного дела и вплоть до принятия решения о заключении лица под стражу. Если на протяжении всего процесса, предшествующего объективным рискам бегства, решения принимаются на основе подхода, ориентированного на права человека, возникает возможность избежать применения такой меры пресечения, как заключение под стражу, существенно посягающей на право человека на неприкосновенность личности.

Таким образом, процесс принятия решений на основе прав человека проходит следующие этапы:

2. Хотя подход, основанный на правах человека, стремится к достижению определенных целей, направленные на эти цели меры и действия сосредоточены на доступности и результативности для каждого человека. Иными словами, несмотря на важность конечного результата, пути и методы его достижения также должны опираться на права человека.

3. Хотя правоохранительная деятельность представляет собой процесс единообразного исполнения и защиты законодательства, с точки зрения правовой теории и концептуальных подходов она выражает собой комплекс мер, направленных на надлежащее обеспечение и защиту прав человека. Кроме того, если рассматривать правоохранительную деятельность через призму подхода, основанного на правах человека, и принятия решений сотрудниками на основе прав человека, становится очевидным, что она служит основным исследовательским источником, обосновывающим необходимость разработки законодательства на основе прав человека.

4. Точное определение и рекомендация сотрудникам этапов и критериев принятия решений выступают ба-

зовым фактором развития правоохранительной деятельности, основанной на правах человека. Основное содержание этих факторов заключается в уважении прав

и свобод граждан, обеспечении их участия и ориентации на конструктивное (позитивное) разрешение конфликтов.

Литература:

1. Цели в области устойчивого развития. Генеральная Ассамблея ООН. Женева, сентябрь 2015 года. <https://www.undp.org/mn/mongolia/sustainable-development-goals>
2. Национальная комиссия по правам человека Понимание прав человека и подход, основанный на правах человека. / комиссия по правам человека Национальная. — Текст: непосредственный // Доклад.. — Улан-Батор: Национальная комиссия по правам человека Монголии, 2024. — С. 21.
3. Национальная комиссия по правам человека. Подход, основанный на правах человека. Учебно-методическое пособие. Улан-Батор, 2016. С. 86. <https://news.ncac.mn/training/bookSubject/129>
4. Национальная комиссия по правам человека Монголии Разработка определений положений о правах человека, закрепленных в Главе второй Конституции Монголии, с использованием методов системной инженерии. Исследование. / комиссия по правам человека Монголии Национальная. — 1. — Улан-Батор: Соёмбо принтинг, 2025. — 100 с. — Текст: непосредственный.
5. <https://humanrights.gov.au/> Human rights-based approaches <https://humanrights.gov.au/resource-hub/by-resource-type/publications/guidelines/articles/rights-and-freedoms/human-rights-based-approaches>
6. A human rights based approach. Manual. 2021. https://humanright2water.org/wp-content/uploads/2021/03/210322-HR-BA-Manual_2021-FINAL.pdf

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 33 (636) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

Номер подписан в печать 26.08.2026. Дата выхода в свет: 02.09.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.